

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

1 '90

Такие разные лошади...

Дорога глухо зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.

П. Васильев

За этими строчками — аромат полыни у дорожных обочин и перестук лошадиных копыт...

Именно лошадь многие столетия была рядом с человеком, была его другом и помощником. Она и воевала, и обрабатывала землю, и перевозила грузы, в том числе почту, а значит, связывала меж собой целые страны. Вероятно, именно за это восточные народы издревле называют один год своего календаря годом лошади. Он приходится на нынешний 1990-й.

Снимки, которые вы видите на первой и второй страницах обложки журнала, сделаны в детско-юношеской спортивной школе опытно-производственного хозяйства «Исток», что под Свердловском. Четыре года уже занимаются здесь ребята конным спортом. Наверно, не все они достигнут высоких спортивных результатов, но любовь к умному, доброму, преданному животному пронесут через всю жизнь.

Олег Капорейко.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

1 '90

В НОМЕРЕ:

В. Гребенников ПОМНИТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ?	2
Н. Шамсутдинов МУРЛО	7
В. Зуев ВОТ, НАПРИМЕР, МИРОНОВИЧИ	8
ПИСЬМА ОБ ЭКОЛОГИИ	19

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

ЗАОЧНЫЙ КЛФ	24
Д. Баюшев ДОПУЩЕНИЕ. Повесть	31

Г. Печенко ИСТРЕБИТЕЛЬ В НЕБЕ НАД КОЛЬЦОВЫМ	51
Ю. Линник ЗОВ ПРОСТРАНСТВА	53

А. Коровин ЦАРЬ И ПАРОВЫЕ МАШИНЫ	55
---	----

Ю. Вилинов ЛЕГЕНДЫ КАМЕННОГО КОТЛА	56
---	----

Ю. Иванов УРОК ТРУДА	57
-----------------------------------	----

Г. Мишкевич ШЕСТЬ ОРДЕНОВ ИЛЬИЧА	61
---	----

Д. Трифонов ДЕТСКИЕ ЯСЛИ 1915 ГОДА	62
---	----

В. Шумов ФИГНЕРЫ ИЗ НИЖНЕ-ОЗЕРНОЙ	63
--	----

В. Зырянов ЦИРК ТРУЦЦИ	63
-------------------------------------	----

С. Марченко СТИХИ	64
--------------------------------	----

Т. Чекакина ИЗАБЕЛЛА И КАТЯ	65
--	----

А. Семенов РАСТЕТ В НАШЕМ КРАЕ...	69
--	----

В. Олешко АФГАН: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОТЕРЬ	72
--	----

Э. Якубовский МАДАМ ВОН И ДРУГИЕ ПИРАТЫ XX ВЕКА	76
--	----

М. Минский ЦАРСКИЕ МАРКИ НА СОВЕТСКОЙ ПОЧТЕ	79
--	----

МИР НА ЛАДОНИ	80
-------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (прозы и поэзии),
22-45-01 (краеведения,
фантастики),
22-10-74 (публицистики,
молодежных проблем),
22-04-81 (науки и техники,
писем, секретариат)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий»

Сдано в набор 01.10.89.
Подписано к печати 24.11.89.
НС 15197.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл.-печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,2.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 494 000.
(1-й завод: 1—250 000)
Заказ 526.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки
фотозюд О. Капорейко

после смерти Сталина и расстрела Берии меня амнистировали с полным снятием судимости (а вот стаж, увы, пропал). Состав преступления: голодая и пытаюсь наскрести на билет в Ашхабад для работы в астрофизической лаборатории, где меня ждали, я в г. Миассе Челябинской области, где работал делопроизводителем, вручную, чертежным пером, копировал талоны на хлеб — каждый до 300 граммов. Весь многотонный перерасход хлеба по городу «предъявили» мне, хотя с таким количеством талонов не справился бы и цех художников, а «групповая» вышла потому, что со мной арестовали и судили моих квартирных хозяев (дали им 15, 10 и 10 лет) и еще какую-то, совсем неизвестную мне женщину (10 лет).

Преступление мое для того несытого 47-го года было, конечно, серьезным. Но когда, после полугода страшной из тюрем, прокурор сначала потребовал меня расстрелять, а затем — заключить в лагерь на 25 лет, я понял: мне не жить. Суд над нашей группой длился минут 10, от силы 15. В последнем слове я

Наш же, с издевательским названием-кличкой «Нервомайка», был смешанным: уголовники содержались вместе с 58-й статьей — «врагами народа». Уцелели лишь немногие: месяц, два — и в зоне куда меньше народу; мне повезло: нары мои стояли так, что через уголок окна было видно, как ночью вывозили за зону наши трупы на саях, влекомых черным быком с одним рогом. Сдающий трупы — связку мерзлых полускелетов из морга, охваченную веревкой — отвернет брезент, а принимающий считает их, с размаху пробивая железнодорожным молотком с длинной рукояткой шары стриженных черепов — для верности, чтоб не выехал кто живым, и для твердости счета: грамоты у этих бериевских труженников было не ахти. Свершившись по бумажке, выезжают за ворота.

Возили нас таким манером не очень чтобы далеко — до ближайшего старого ствоя выработанной медной шахты. И так до следующего этапа — товарных вагонов узкоколейки, набитых людьми, — когда зона вновь делалась многолюдной...

ПОМНИТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ?

Виктор ГРЕБЕННИКОВ

Рис. автора

Своевременна ли полемика и дискуссии на «культурно-застойные» темы, широко развернувшиеся сейчас в печати? Порят ли они молодежь, социализм, наши идеалы? Не кампания ли это, долженствующая отвлечь от неких более важных политических сегодняшних проблем? Или, наоборот, не кощунство ли это над жертвами культа — а раньше где эти смелые сегодня авторы-ораторы были? Быть может, мой скромный горький опыт будет полезен для установления Всеобщей Истины...

В ту недобрую памяти пору я стал не политическим, а уголовным преступником, осужденным в 1947 году в Златоусте сроком на 20 лет лагерей по Указу «от-четвертого-шестого-сорок седьмого-часть-вторая-статья-вторая» — групповое хищение государственной собственности в особо крупных размерах. Сначала я проходил по политическим статьям, как особо опасный вредитель государства, но вышел названный Указ Президиума Верховного Совета СССР, куда более универсальный для любых расправ — со сроками «на всю катушку» до 25 лет и, конечно же, с «вышкой». Сразу должен сказать:

вымолвил: мне, мол, только что исполнилось 20 лет, — «несимметрично» у вас получается... Горькая шутка помогла: приговорили к 20 годам. Хлебные карточки отменили через несколько месяцев (а «мой» прокурор повесился), — только это ничего не изменило...

Сейчас мне 61 год, но до сих пор два-три раза в неделю меня посещают кошмарные сны, с натуралистически-ясными подробностями: будто времена изменились, меня взяли досиживать мои 14 «сталинских» лет, и я снова в лагере, этапе или на пересылке. И все это живое, сверхреальное, с такой страшной, безысходной тоской о детях, внуке, недоделанных делах, недописанных книгах, со скорбью о всех несчастных, опять согнанных деспотами за колючую проволоку, — что кошмары эти по полдня не дают работать, сосредоточиться, и я подолгу живу одновременно в двух мирах — нашем, сегодняшнем, и том, лагерном, сталинском.

...В каждом из великого множества наших лагерей (это — Южный Урал) было примерно по тысяче на-роду — кроме более крупных лагерей.

Впоследствии подвыпивший наблюдатель похвалялся как-то мне: приняли 14 трупов, а довезли... 13. Ведь пробивали, мол, башки каждому — куда ж проклятый зэ-ка («з/к» — так нас, заключенных, когда-то звали-писали) делся? Спро-вождающих двое, один другому не доверяет, — завернули обратно. Прогнали, дескать, полпути, а он, гад, лежит мерзлый, голый в канаве у дороги — выскользнул, значит, как ледяшка, пока ехали-трясли; обрадовались, мол мы, поржали, треснули его посылнее пару раз по башке шкворнем, довезли до места все 14, покидали вниз; то было совсем струхнули, а теперь хорошо и спокойно...

Преодолеть чудом год «нулевки» (категория неработоспособных от голода и мук доходяг) и не оказаться на дне старой шахты с пробитой молотком головой мне помогли... эстонцы. Один барак был полностью занят ими; все они сидели по 58-й, держались дружно, сплоченно, и от охотников до посылок из дому — «уроку», «полуцветных», «шакалов» — организовано отбивались палками. А я рисовал им маленькие каран-

дашные портреты, которые они как-то умудрялись переправлять через волю, минуя цензуру, в свою далекую Эстонию, быть может, у детей или внуков этих замечательных натурщиков еще хранятся мои лагерные рисуночки. Зарабатывая так свой кусочек хлеба, я был теперь уверен, что его не отнимут блатные (произвол и раздоры среди зэ-ка поощрялись начальством, а то и провоцировались), и из эстонского барака я почти не выходил несколько месяцев. «Нулевочные» дистрофия, цинга, пеллагра начинали отступать, заглох туберкулез...

Или другая картина. Развод, то есть вывод за зону на работу. Ворота лагеря открыты, за ними — автоматчики, резкие крики конвоя, собачий истошный лай. Низкое утреннее солнце равнодушно золотит окрестные горы, вышки, пар изо ртов строящихся бригад. Слева — наш оркестр: труба, тромбон, баян, барабан, скрипка: дирижером-скрипачом высокий пожилой зэ-ка эстонец в песне Римус.

— Становись! Стройся! Взяться под руки. Музыка! Первая пятерка — вперед! Гав, гав. Вторая пятерка! Гав, гав, гав. Третья! — звучит марш, хрипло лают овчарки, быстро, почти бегом выходят пятерки, пятерки, пятерки... Справа от ворот, чтобы все видели — два очередных трупа, с густыми жжеными цепочками автоматных — в упор — дырок на груди, животе, лице; поверх — фанерный щиток, на котором мною (я уже работал художником в культурно-воспитательной части — КВЧ) написано: «Это будет с каждым, кто совершит попытку к побегу». А за воротами конвой громко, с восточным акцентом, выкрикивает навеки запомнившуюся формулу:

— Бригада, предупреждаю! При попытке к побегу, за невыполнение требований конвоя в пути следования и на объекте работы конвой применяет оружие! Шаг влево, шаг вправо считаются побегом! Следуй вперед!

Злобный лай приспущенных конвойных собак заглушает уже удаляющиеся, издевательски-бравурные такты «Прощание славянки»...

Контрагентские — на объектах за зоной — бригады работали у нас на медных шахтах (из наиболее крепких зэ-ка) на глубоких горизонтах, где уже жарко, сырость — с медно-серно-мышьячной отравой, от силы несколько месяцев — в «нулевку» или сразу в морг; на известковом карьере, на торфоразработках. Урки — воры и бандиты — откровенно и вызывающе темнили, в чем им, как правило, столь же откровенно потворствовал конвой. Другое дело с остальными зэ-ка... «Вот ты, а ну сбегай за доской». — «Начальник, ведь застрелишь». — «Что, еще раз повторять?!» И бедняга, нередко чуя,

что это — Смерть, шел на нее почти с радостью, — а что нам, большесрочникам, было терять? Вдруг команда конвоя: «Бригада, ложись!» — и длинная, по-над головами очередь с острым запахом пороха: а тому, кто «за доской» — в спину, голову, грудь, а потом сапогами, стволом, прикладом, собаками... Не думаю, что за каждого убитого конвой получал государственные деньги; очень бы надо установить сейчас, какой из стимулов тогда действительно имел место...

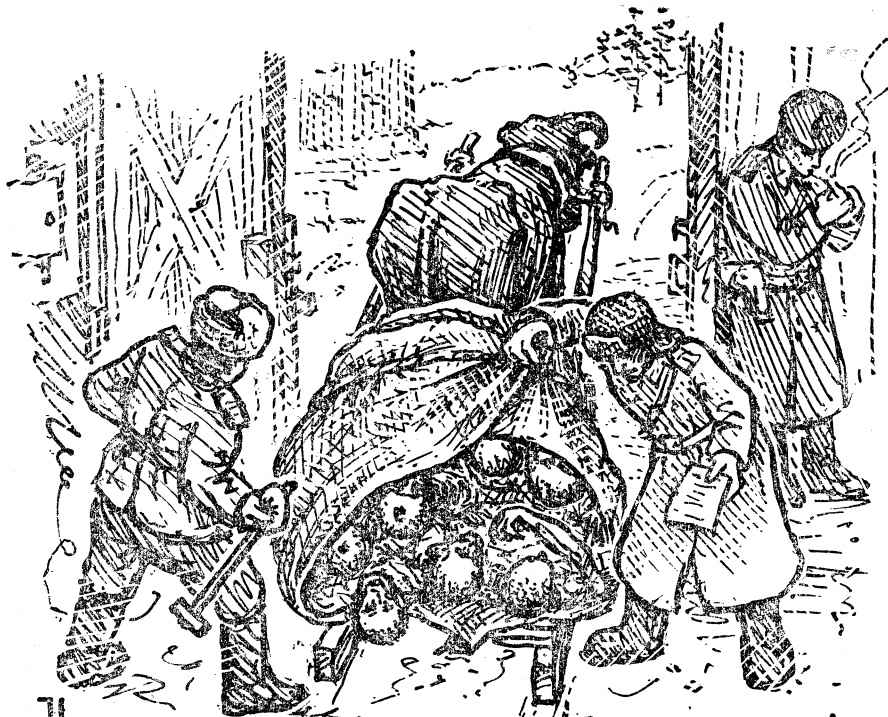
С 1948 года нас уже не кидали в шахты, а зарывали в землю. Есть и

мой скромный вклад в эту горестную процедуру. Я писал по две фанерных бирки для мертвых: буква и двух-трехзначное число, одна бирка побольше — на колышек поверх могильника, другая, с дыркой, маленькая — зачем-то привязывалась к ноге трупа шпагатом.

В каждой секции барака висели «Обязанности и права заключенных» — страшный документ за подписью Министра внутренних дел СССР Л. П. Берин; сохранился ли у кого экземпляр этой злойшей бумаги? А мне начальник КВЧ регулярно

Камера в Златоустовской тюрьме. Койки и стол вварены в пол. Камеру "держат" урки (сверху). Вблизи их — помывочные, мастерки. Фраера — у параша. На столе — пайки, протать которые без урков нечестно. В этой тюрьме (видна сейчас с вокзала) я просидел более полугода. 1947. В. В. В.

Наши группы вывозят за зону, пробивая молоком головы Карабаш, 1947. В.Т.п.-М

Конечно, ни одной фамилии контрагентских садистов-конвоиров я не знаю. Забыл чины-фамилии начальников надзора, оперуполномоченных. И все же, кой-кто запомнился. Это — начальник лагеря майор Дураков (не шучу, действительно фамилия), чье хобби были «смотри» расстрелянных «в побеге»; мой непосредственный начальник КВЧ старший лейтенант Рязанцев — недалекий, злобный, солдафон-бериевец; из внутрилагерных надзирателей отличались жестокостью к зэ-ка сержанты по фамилиям Столбинский и Хайло. Однофамильцев прошу не обижаться, но этот маленький список ведь не мешает нам в пору Гласности, не так ли?

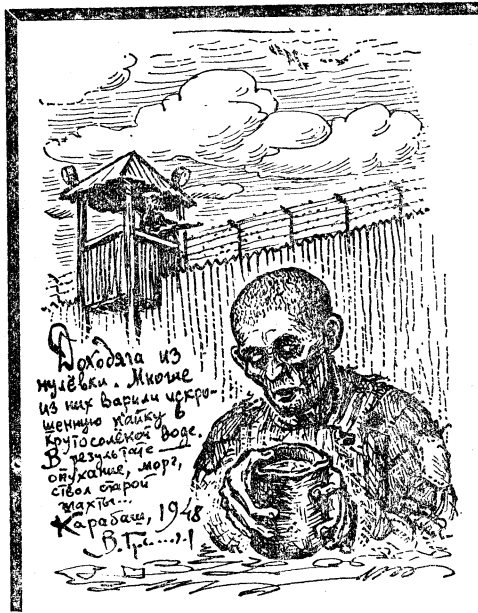
...Почему нацистские военные преступники, истреблявшие советских людей, осуждены; скрывающиеся — разыскиваются до сих пор, а вот командование бериевских ГУЛАГа, управлений, лагерей, тюрем, надзиратели, конвоиры, творившие фактически то же по отношению к своему же, многострадальному советскому народу, — живы-здоровы, при орденах-медалях, солидных пенсиях? Ведь эти сталинские сатрапы, в прошлом полуграмотные, но поднаторевшие за эти годы, а главное, фанатически (или политически) прикрытые своими более молодыми по-

вручал очередной ГУЛАГовский набор предупреждений, назиданий, призывов, которые я писал крупно железным суриком на всех четырех стенах по-над верхними нарами каждой секции. «Только честным трудом завоеешь право на досрочное освобождение», — это было еще одно глумление, так как зачетов (когда, скажем, два года шли за полтора, как, например, на Колыме уголовникам с не очень большим сроком) в наших уральских лагерях не было вовсе.

Незабвенную Страну Моей Лагерной Юности — Южный Урал — я все же объезжаю теперь как можно дальше. Этот край скалистых романтических гор и светлых бездонных озер хранит в своих недрах не только золото, медные руды и дорогие камни. Тысячи, десятки тысяч нашего брата зэ-ка — рабочих и колхозников, партийных и беспартийных (ворье и бандиты выживали, отбирая наши пайки, и оберегаемые охраной от тяжелых работ), мужчин и женщин, учителей и студентов, стариков и почти детей — все без исключения и разбора с проломленными черепами (убежден: через десятилетия горняки и археологи подтвердят это вещественно) покоятся — нет, не покоятся, взывают! — в старых шахтах и человекомогильниках огромных лагерных архипелагов седого Урала: в тех горных краях лагерь от лагеря был почти в пределах видимости. За 6 лет я сменил три таких «острова»...

«Нуделька» в Бале. У нас были натуральные хвосты — выструган койтик. Я свободно охранял свою талию — сходилась палочка. Карабаш, 1948. В.Т.п.-М

Доходила из
мусовки. Многие
из них варили и при-
шенинно кашку в
круто соевый соус.
В развешенные
опухшие, морз,
своих старых
мажор...
Карабах, 1948
В.Т.р....!

читателями-покровителями, могут объединиться и совершить непоправимое: ох, как узнаю я их голос в иных газетах и журналах.

...Мой коллега и наставник, ленинградско-блокадник (художник) А. Г. Александров, отбывавший на Урале весь свой «червонец» по 58-й статье, еще недавно был жив, как мне с трудом удалось узнать. Но после лагерей этот интеллигентнейший человек ни на какие контакты ни с кем не шел — вероятно, пострадала голова (или предвидит недоброе), а как хотелось бы мне, чтобы Анаголий Георгиевич откликнулся. Его помощник-земляк ленинградский рабочий-блокадник Александр Томилин (ст. 58-я, 10 лет) — скромный честный труженик и тоже истинно советский человек — не дождал до Светлейшего дня — смерти Сталина, не увидел двух детей и жену: «нулевка», этапы, паралич, смерть, фанерная бирка на ноге... А где смелый, талантливый ученый, хирург-виртуоз Антон Петрович Луя (58-я, 10 лет, за то, что немец Поволжья), спасший жизни сотням зе-ка, в том числе и мою?

Мелькнула мысль-сравнение, нелепая, но: «Гитлер не уничтожал «своих» немцев в такой ужасающей пропорции, как это делал Сталин» (здесь прошу добыть и напечатать цифру: сколько в апофеозе культа содержалось в лагерях-тюрьмах советских людей — «Голос Америки» утверждал, что 13 миллионов — и сколько там погибло, замучено, расстреляно, хотя бы пока примерно).

...Уходя в 1953 году из лагеря, я давал подписку Советскому Государству о неоглашении всего, мною испытанного. Я и молчал, особенно при Брежневле (давайте хоть иногда эпо-

Карабах, 1949.

Наг. лагерь майор А. Дураков. Нередко был пьян, и весь путь от уборной до штаба, застывшая бродня, не мог понасть публицей в петлю.

хи называть именами их создателей — это точнее и емче, чем невнятное, осторожное «застой»), — когда имя Сталина при докладах во Дворце съездов вызывало аплодисменты и овации, и выползла вновь гадина-льсенковщина, и народ начал опять озираться и говорить шепотом. А сейчас, в пору Большой Гласности, тем более на склоне лет — уже не посадят! — считаю себя вправе отказаться от той подписи и подробнейшим образом, но и без преувеличений, рассказать обо всем увиденном и пережитом в книге со своими же документальными рисунками (если до конца работы над нею не наступит конец Гласности). В эпитафии поставлю слова Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

Злобы у меня нет. Страх — ос-

тался. Наверное, это от ночных сталинско-лагерных кошмаров. Упаси боже, что это — предчувствие чего-то иного: «Неужто старая тюрьма центральная нас всех, проклятая, обратно ждет?» И хоть бы зловещая периодичность, цикличность пиков репрессий-застоев оказалась случайной, не интерполировалась и канула в Лету...

После амнистии я работал художником-оформителем и декоратором в клубах, затем директором и преподавателем художественной школы (за что имею медаль); ныне — я биолог-самоучка без образования (университеты мои — тюрьма и лагерь), автор более 150 научных трудов по агроэкологии, энтомологии, охране природы, биофизике. И — астрофизике, несмотря на то, что в Науку Юности —

Получившие
(Ворх не в законе).
Мушкетер — мушкетер
уши казах. Карабаш, 1949.
В.Т.Ф.И.И.

астрономию — после лагерей сталинисты меня так и не пустили. Еще автор 4 книг, многих выставок (художник-анималист), организатор первых в стране заказников для насекомых (благодарности Академии наук СССР, ВАСХНИЛ, Госагропрома), создатель Музея агроэкологии СО ВАСХНИЛ и панорамы (точнее, сферорамы) «Целинная степь».

Уже 15 лет работаю в Сибирском НИИ земледелия, где в анкетах представил себе «не судим» (коль судимость снята — так когда-то велели юристы). О реакции руководства и

коллег, если этот материал будет опубликован, тут же сообщу. Заранее знаю — мне будет нелегко, если не хуже; для многих здешних брежневцев-лысенковцев (метастазы лысенковщины, похоже, неистребимы) я «под судом не был». Пример: много лет я иллюстрировал книги известного писателя-энтомолога И. А. Халифмана. Но когда он узнал, что я при Сталине «сидел», — отвернулся, хотя этот влиятельный в биологических кругах человек много помогал мне в прошлом. Еще бы: он — лауреат Сталинской премии, недвусмысленно изложивший свое политическое кредо в своем послесловии в книге Реми Шовена «Жизнь и нравы насекомых» (Москва, Сельхозгиз, 1980 г.), — сумевший даже в тот, как вы все помните, далеко не «застойный» год проклясть «вейсманистов-морганистов» и поднять на щит бывшее мракобесное лысенковствующее кредо биологов, хотя кровь невинных жертв на их руках тогда была еще тоже свежей. Якшаться с узниками сталинизма такие, мягко говоря, не любят — а ну как такой оказался бы моим директором? — но их, как видите, много, очень много, во всех звеньях и эшелонах нашего общества.

И еще, чтобы не подумалось, что это — бред начитавшегося «перестроечных» книг-газет старика-сутяги с гипертрофированными воспоминаниями, справьтесь в МВД: наши дела со всеми лагерными данными (или хотя бы карточки) должны быть целы. Взяли меня в г. Миассе в июле 1947 г., судили в Златоусте в 1948 г. (Указ През. Сов. СССР от 4/VI.1947 г., ст. 2, ч. 2, срок 20 лет); освободили по амнистии из лагеря Увильды Челябинской области в июне 1953 года. К сожа-

Единственный мой учитель
живой — Ленинградский
художник А.Г. Александров —
статья 58¹⁰, срок 10 лет.
Карабаш, 1949. В.Т.Ф.И.И.

лению, моя справка об освобождении запрятана мною или домочадцами в горах бумаг и трудов так далеко, что проще и быстрее будет подтвердить мою судимость через МВД, куда я могу прислать и свои дактилоскопические отпечатки — в Центральной картотеке МВД мои «пальчики» остались...

«Враги народа» —
обитатели эстонского барака. Слева —
скрипач по фамилии Римме.
Карабаш, 1949. В.Т.Ф.И.И.

Николай ШАМСУТДИНОВ

МУРЛО

Сколько, божье подобье, природе
во зло

На земле прозябаешь ты?..
Будто повитель
На бесплодных, слепых пустырях,
проросло

В наши будни мурло —
Временщик. Покоритель...
Он уже для семьи и прогресса
погиб?

В лютой ржавой щетине?
Взгляд водкою выпит?
Лоб в полпальца под челкою?
Нет, этот тип
Вытерт, словно задерганный,
дохлый эпитет.

Продираясь из масс,
утверждаясь как тип,
Обжигая накалом страстей —
чем не кратер?

Вбит ли в ватник,
в дубленку ль завидную влит,
Обживается накрепко
новый характер.

Крепко травленный временем,
не дилетант,
Он не комплексовал,
а — гляди! — изловчился,

Обтекая соперников,
в первый десант,
Не куда-нибудь, на «севера!» —
просочился.

Как он гнал,
с искушением крошечным борясь,
Увязая в соблазнах,
И не «за туманом»,
А за жирным, густым ясаком,
тяготясь,

Прямо скажем, заштопаным,
тощим карманом.
Его запахи спорой добычи вели,
И с досадой смотрел он:

под северным солнцем
В легкой, ясной реке
не рубли —

Пламенея,
без пользы мерцают червонцы.
Зарывался в насуспенный,
пасмурный лес,

Бил ли «профиль»,
за дичью ли гнался —
Не таощ,
В уши —

«Мягкое золото... Золото!» —
Лез
Шепоток драгоценных мехов
искушающ,

И вломился он
в отчие чащи — войной,
Только золото — золото! —
перед глазами:

Закричала река, истекая икрой,
Словно кровью — густою, живой —
Под ножами.

И тайга-то от боли зашлась,
а потом...

Что рассказывать? —
Нужно увидеть такое,
Как с дороги его

с перебитым хребтом
Отползает в забвенье и ужас живое.
Неофитов плодя,

на крови каждый факт.
А как хлынула нефть,
а как планы взвинтили,
А как густо дохнуло червонцами —
фарт

Подмигнул покорителю...
Мигом скрутили,
Знать, уверовав
в свой непреложный талант,
Нашу землю.

И что, мол, кедрач иль проточка,
Если «спущен» —
и принят безропотно — план,
И надбавки, и россыпи премий,
и точка?

Да не точка, а крест на земле!
Как тут быть?
Как внушить новоселам:
земля эта — дар вам?

Но с ухмылкой:
«Здесь моим детям не жить...» —
Еще злей он в урманы врезается,
варвар,

Оккупант!
Я ведь про милосердие кричал,
Только что мог надорванный
голос мой, если,
Я его — многоликого! —
всюду встречал,

За баранкою МАЗа,
в солиднейшем кресле?
И любой, если я напирал,
Тяжело
Тасовал объективные, с виду,
причины,

На условия криво кивал,
Но мурло
Проступало, клянусь,
из-под тесной личины.

Полемичен табунщик Никифоров:
«Сброд!..»
А вокруг,
сладать не умея с натурой,
Упоенно роится слагатели од,
Не авгуры —

жрецы конъюнктуры.
Помогли сбить природу —
сообщники — с ног,
Заслонясь от того,
что как воздух нам нужен

Острый взгляд на проблему,
Что промышленный смог
Выжигает каверны и в легких, и —
в душах.

Что народец-то,
местный, исконный, зачах,

Что в помбуры бегут
его хилые дети,

Что все чаще
в бетонных, безликих домах
Нас шатает — почище,
чем в знойном Ташкенте.

Что пустыни за нами крошечней,
Что яд —
Не вода в наших реках,
мазутных и ржавых,
Что — за тонною тонна! —
в рынок сырья

Вырождается, почву теряя, держава.
Что ж, служили на совесть...
Видать, и они
«Просочились» в родную словесность,
По хватке,
По нахрапу своим же героям сродни.
Наши судьбы до скудости, господи,
кратки,

Не казни вырождением
наш страждущий род!

И вот тут
(застонал под надгробием Нобель)
Упования наши на свет и добро
Выжиг ночью
распадным дыханьем Чернобыль.
Все живое пустив под огонь
и под нож,

Мы зарылись в бетон
И — «Помедлите — трошки!» —
Мы несчастных детей
не пускаем под дождь,
Чтоб потом не пришлось собирать
головешки.

Не оставь нас в золе
оскаверненной земли!

А что дети,
которым призывы приелись,
Затоптали осинник,
собаку сожгли, —
Не вини несмышленых! —
На нас насмотрелись...
У корыстных забот —
нестерпимый исход.

А нужны ли им монстры индустрии.
Или
Поворот, изможденных,
безропотных вод

По сановой указке —
у них не спросили
...Помертвел —
в непролазных дымах — оком

Без бедующих птиц.
Под измученным небом
Воспаленное время набрякло —
огнем,

И набрякла душа запаленная —
гневом.

Плод раздумий,
иллюзий развеянных плод,
Он бледнее казенных восторгов,
негромок

В толчее восклицаний.
Но, знаю, поймет
Это честное, черствое чувство —
потомок,

И не он ли сурово сдирает печаль
С пересохшего рта?
Не молчи виновато,
Потому что за нищее право —
молчать

Все большее и неискупимее плата.

Владимир ЗУЕВ

Рис. Николая Мооса

ВОТ, НАПРИМЕР, МИРОНОВИЧИ...

Рассказ

1. В субботу вечером, за ужином, вдруг решили поехать завтра в Травно. Старших мальчиков — Андрея и Павлика — отправляли в совхоз-техникум сдавать вступительные экзамены, а у Андрея обуви приличной нет, Павлику курточку какую-нибудь надо, чтоб не хуже людей там ходили.

Надея тут же начала вздыхать и нудиться: а как же сено, сегодня его скосили и раскидали на просушку, и надо бы довести до ума. Если будет ведро, то часа через два сгрести в копны и накрыть полиэтиленовой пленкой, потом опять растрясти. И так,

может, придется повторить не раз и не два, смотря по погоде. Сено — коровий хлеб, нельзя, чтоб пропала хоть былка. Ладя только досадливо морщилась:

— Ай, ну хватит уже тебе!

Потому что решали вместе, все обговорили, все ясно и очевидно, так чего зря воздух колыхать? И все же надо было ее успокоить, ведь всю ночь будет ворочаться, томиться. Ладя сказал:

— Не нудься ты, мальцы сами доведут до ума тое сено.

— Ай, что мальцы, какие с них еще работники! Ну, здорова, кума, была!

Андрею уже семнадцать, он окончил среднюю школу и целых два месяца работал с отцом в мастерской, числясь на должности тракториста. А пятнадцатилетний Павлик делает все деревенские работы и даже косить помогал этим летом. Ребята, когда грузят или разгружают сено, такие навильники берут — любому мужику не стыдно. Младший — Витя — тоже не пустое место в крестьянстве. По крайней мере, трясти и сгребать сено он — шустрый, ловкий — не хуже братьев умеет.

Утро родилось светлое, сухое — ночью тоже не было дождя, а роса быстро испарилась под первыми же лучами солнца.

— Вот то добра, — просветленно улыбаясь, с облегчением вздохнула Надея. — Ночью проветрило, теперь подсушит — можно складывать сенцо.

— Эт, да все будет добра, — ласково-успокоительно отозвался Ладя. — Ты глянь, лучше, что кругом деется.

Он приглашающе повел рукою от плеча, охватывая холмистые поля окрест, пересекающую их зеленую извилистой полосой пойму Усвейки, пронизанную солнцем березовую рощу на склоне косягора — к ней они сейчас подходили. Все это мирно покоилось под чистым небом, дышало свежестью и вечно молодой силой, навевало неизвестные волнующие чувства, несуетные, некаждодневные мысли.

— Ай-яй-яй! — Надея зачарованно покачала головой. — А мы живем в этой красе, каждый день ходим и все мимо, и мимо. Все навоз и навоз — и не чути дух от роз. Да и кали любоваться? В полпятого ранняцей как встанешь, так до десяти вечера на ногах... Хороша роща, прям-таки чудо, а налюбуйешься ею только, як в домовине сюда сволокут.

— Эт ты! — досадливо крикнул Ладя, которому не хотелось разрушать праздничного душевного настроения. — Ты вот, глянь-ка на эти валуны. Никогда не задумывалась, откуда они тут у нас? От Бобров до Травно целая гряда тянется — Бобровский вал. И на полях наших камней — плюнуть некуда. Я вот думаю — тут у нас горы были. Потом развалилось, сверху все сгладило, землей засыпало, травой заросло. Потому и местность у нас тут холмистая, и Усвейка так хутко¹ бежит.

— Ох, уж и хутко!

— Ну, зараз не дже хутко, — согласился Ладя, довольный, что все же вовлек ее в посторонний, не связанный с повседневной колготней разговор. — Здорово обмелела. А вот еще в нашем детстве... и плавали в ней, и ныряли... прямо как на пожар спешили, и балбатанье слышно было издаля.

Сегодня был особый — отпускной день, и отпускное настроение все больше овладевало их душами, и каким-то другим — не примелькавшимся, новым — виделось все окрест — и березовая роща с комаровским кладбищем в заднем углу, и пережившее засуху ржаное поле, и кладки² через Усвейку, к которым супруги Мироновичи сейчас подошли.

Одна, рядом с переездом, сделана из двух бревен, скрепленных скобами и опирающихся на низкие берега. Шаткие перила служили скорее для поддержания чувства равновесия, чем для опоры: всерьез опереться на них было не то что рискованно, а просто невозможно — они тут же обломались бы, и это

бросалось в глаза еще до первого прикосновения к ним. Вторая кладка находилась метрах в десяти от первой. Она была шире, длиннее и возносилась на сваях высоко над водой — некое подобие моста на время паводка. Этой весной часть досок унесло — как раз сходно с комаровской стороны и звено из середины — покосившееся полуразрушенное сооружение имело жалкий вид.

— Ай-яй-яй! — воскликнула Надея. — Это ж какой позор — столько мужиков в совхозе и не могут кладку починить!

— Она тебе нужна зараз? — буркнул Ладя и ускорил шаг, чтобы оторваться от жены с ее неожиданно возникшим неприятным разговором.

— Ну, понятно, хай стоит до весны, когда Усвейка начнет вздывать. Тогда хошь не хошь, а вынь да положь. А, каб вас, лайдаков... Да до весны она совсем развалится, или не видно? — Надея, легкая и быстрая, как мальчишка, настигла его и шла след в след. — А вот эта кладка! Не гонит вас совесть взять топоры да сделать, как положено? Тут и работы всей на два часа. — Надея сердито пихнула ладонью хлипкие перила. — Стыд! Чуть обопрешься — рухнешь в воду.

— Великая беда — рухнешь! Лишний раз сполоснешься, только и всего, — попытался Ладя отделаться шуткой.

Но Надея шутку не приняла.

— Абы што, — кинула она. Это означало, мелешь, что попало. — Я-то не свалюсь, а вот из вас кто-нибудь спяну может бухнуться. А пьяному хоть и море по колено, зато лужа — с головой.

— Эт! Ну что ты ко мне причепилась? — уже начиная злиться, воскликнул Ладя. — От хозяйства ушли — вроде не к чему привязаться — нет, дай я его за кладку попилю.

— Да я пилю, что ли? — смягчилась Надея. — Я просто... напомнить, какие у нас мужики хозяйственные. Каб же ж только кладка! А возьми вон нашу деревенскую улицу. Господи... да что я — веками! — жили по горло в грязи и не могли додуматься до простой вещи — засыпать песком. Ай-яй! Песок вот он, на Усвейке, машины и трактора у домов ночуют. Нет, треба ж было дожждаться, каб пришел чужой человек директором совхоза и ткнул носом вас. Лайдаки, ой, лайдаки!

— Ну, добра, лайдаки. Вот и выступи на общем собрании, надери всех, а чего ты на одного меня навалилась-то?

— А ты ж теперь партийный, — не без ехидства, с подковыркой сказала Надея. — За всех повинен отвечать.

— Опять же — не один я партийный в совхозе. Одиннадцать душ нас. Приходи на наше собрание. Я попрошу, чтоб поставили тебя в повестку дня.

— А, что говорить! И беспартийные, и партийные — все вы у нас лайдаки!

2.

Автобус, на удивление, пришел вовремя. И ладно было немного — Мироновичам даже места достались.

Поглядывая в окно на знакомый перелесок, бегущий назад, Ладя подумал о недавнем разговоре с женой, ее подковырках, которые хоть и задели его, но больше обрадовали: будто теплым ветерком пах-

¹ Хутко (белорусск.) — быстро

² Кладка (белорусск.) — мостик

нуло из далекой молодости, когда Надейка была озорной и веселой.

Непоседливая, хваткая, шустрая, верткая осталась она и сейчас. А вот насмешливость ее, какое-то лихое удалство — это редко уж проявляется. Ис годами озорной и веселый человек все реже высывает голову из-за спины человека занудливого.

Когда-то у Надейки всегда подсмеивались глаза, а язык, сдается, не знал отдыха: всякие житейские истории, прибаутки, поговорки, присказки, припевки так и сыпались из нее, как из радио. А сколько разных проделок ее еще и сейчас вспоминают в деревне!

3.

Автобус подъезжал к Данукалову. Люди на лужках торопливо сгребали сено, складывали его в копны. Это удивило Ладю: вовсе светило солнце, и вроде бы не было признаков перемены погоды. Но у него был слишком узкий обзор из автобусного окна. Через несколько минут с другой, невидимой ему стороны набегали тучи, и грянул крупный косой дождь, рябой от солнечных лучей, пробивавшихся в оконца меж рваных туч.

— Ай-яй-яшеньки! — тотчас затосковала Надея. — И куда ж это нас, дураков, несет! Уехали, все бросили... Хозяева называются. А, каб нас... Погниет сено — чем корову кормить будем?

— Эт, да сиди ты тихо!

Своими причитаниями она может погасить самое солнечное настроение! Да что там настроение, жизнь может отравить на много дней. Вот прошлой зимой ездили в Калининград — хоронить родственника. Ну, похоронили, поминки справили, ладно. Взяли на вокзале билеты на обратную дорогу, вернулись на квартиру, Надея полезла в карман — и в крик:

— Ай-яй-яй! Ладя, бей меня — посеяла деньги! Что ж теперь будет? Шестьдесят рублей! Это ж как же ж теперь... Это ж надевай колоду и сигай в воду.

И прочее, и прочее. И такое стало при этом у нее лицо, будто она матку родную похоронила. Было жалко ее и вместе с тем стыдно, что так убивается. Что подумают люди? Ну да, он понимал ее: шестьдесят рублей — это больше чем полмесяца тяжелого труда, тонны и тонны перетасканных на горбу мешков, тысячи навильников сена и силоса (да таких, что ноги подгибаются!), тысячи ведер навозной жижи, перенесенных из свинарника в автоцистерны. Это вечная спешка — переделав прорву дел по хозяйству, бежать по наряду, с работы нестись, сломя голову, домой, чтобы успеть и ребят обиходить, и корову подоить, и свиней накормить, и... И весь этот труд, и заботы, и бегодня — так вот, за здорово живешь — раз и нету... Да что — ему и самому было жалко этих денег, в первый момент аж сердце сжалось от боли. Но у него другая натура: уже через каких-то полчаса он был спокоен и забыл о потере.

Точнее — не забыл, а заставил себя не помнить. На ухабистых житейских дорогах было у Лади немало потерь, больших и не очень, материальных и сердечных, и он, в конце концов, выработал привычку быстро забывать о них. Когда что-то такое случилось, Ладя прикидывал: можно вернуть утерянное, если хорошенько поискать, похлопотать, побороться? Да, можно — он искал, хлопотал, боролся. Нет — ну и нечего травить душу, забудь, приказывал себе.

В далеком военном детстве пришлось Ладе пережить, можно сказать, второе рождение. В начале лета 1944 года в Комары нагрянули немцы. Молодых девок и подростков заставили копать на высоком берегу Усвейки могилу для всей деревни. Остальных, спустя время, погнали к той могиле. Когда шли мимо Колкого гушара, все ребятишки по сигналу своего вожака Велика Мельникова сыпанули в эти заросли. Не ожидавши ничего подобного, немцы на какое-то время растерялись, и хотя время это было недолгим, оно спасло не одну ребячью жизнь.

Ладя, нырнув в заросли, пополз вперед, быстрее, быстрее, торопясь уйти как можно дальше от этих вылюдков, несущих смерть. Он не заметил, как привстал на колени, не обращал внимания — потому что не чувствовал боли — на то, что колючки нижних веток в лоскутья рвут рубаху и полосуют кожу на спине. Взорвавшаяся впереди граната заставила его распластаться ничком.

Он лежал там и ждал каждой клеточкой своего тела, что вот сейчас... сейчас... вопьется раскаленное, острое. И тело его было напряжено этим ожиданием до такой степени, что коснись его пуля или осколок, оно само взорвалось бы. Было жалко себя и очень хотелось жить.

И вот тогда вошла в него простейшая из простых, но, может, самая главная на Земле истина: у человека нет ничего дороже жизни. Ладя понял ее умом, постиг душой — и со временем она стала чертой характера, его новой натурой. (Это, конечно, не касалось высоких категорий, как жизнь и честь, жизнь и предательство, и хотя Ладя не был испытан каким-нибудь подобным выбором и не имел права сказать: «Я лучше умру, чем предам», но закон «лучше смерть, чем предательство», был для него незыблем).

Вот почему никакая потеря, какой бы огромной и болючей она ни была, не могла сломать его, взять над ним верх. Жизнь-то осталась, а значит — восполнимое восполнится, невозполнимое зарастет быльем.

4.

Автобус остановился в Данукалове, возле контрольного совхоза.

— Сколько ездил через это село, никакого внимания не обращал, — обернулся Ладя к жене. — Данукалово и Данукалово. А недавно Андрюшка книжку купил, и что ж оказалось? — Он подождал, пока Надея искоса вопросительно глянула на него. — Оказалось, что Данукалов командовал партизанской бригадой, а в ней мой старший братка воевал.

— Как это так «оказалось»? — заинтересовалась Надея. — Вы что ж, не знали, в какой он бригаде?

— Знали, — засмеялся Ладя, довольный, что все-таки вовлек ее в разговор. — Но характерность тая, что партизан этой бригады звали алексеевцами, и все думали: мол, командир ее — Алексеев.

— Чаму ж алексеевцы?

— А Данукалова, бач, Алексеем звали. Бригада, значит, Алексея, алексеевцы. — Подождал, не спросит ли о чем в поддержке разговора, но в это время на дороге показались пожилая женщина и малец Павликовского возраста с граблями на плечах, и Надея впилась в них глазами. Время от времени она бросала быстрые взгляды на постепенно очищавшееся

небо, что-то соображая.— Герой Советского Союза, во как!

Ладя глянул на нее сбоку и усмехнулся. Бесплезное дело — отвести теперь жену от вновь заполнившей ее заботы... И опять по контрасту вспомнилась, какой она была в девках — совсем другой!

Помнится, он тогда пришел с вечерки и, не зажигая лампу, раздевался у своей лежанки на полу между окон. Мать и сестра уже спали. Ладя сбросил пиджак и присел на лавку расшнуровать ботинки. Вдруг в заднее окно тихонько постучали. Он подошел, сунулся глянуть, что там, и отпрянул: прямо на него плялилась лупастыми огненными глазами страшолудная рожа. Из редкозубой пасти и ноздрей пыхало пламя.

В первый момент Ладя чуть не крикнул от страха, но уже в следующий со злостью матюкнулся сквозь зубы: это же детская пугалка! Мальцы вырезали в тыкве глаза, нос и рот, вставляли внутрь горящую лучину и пугали ночью слабонервных, в основном, своих сверстниц. Какой же дурак зачислил в эту компанию его, взрослого парня, повидавшего свет и хлебнувшего лиха, без пяти минут солдата?.. Меня пугать? Добра. А теперь поглядим, как ты затрясешься от страха, мокрогубая мелюзга, когда очутишься в моих руках!..

Придерживая двери, чтобы не скрипели и не хлопали, он выкрался на улицу. Никого нигде. Обошел вокруг дома, заглянул за хлев, вернулся к двери. Постоял и, плюнув, наладился было уйти, но в это время та страшолудная рожа выглянула из-за угла. Ладя бросился туда. Перед ним по огороду удирала маленькая фигурка, вроде бы Витька Веремеич, хулиганский сорвиголова, конечно, безотцовщина (отец погиб в партизанах). Тыквенная рожа осталась дымиться в картофельной ботве.

Шустер и быстр был этот Витька, и догнал его Ладя лишь за огородами, на Березовом острове — так называли комаровцы небольшой взлбок, поросший старыми березами.

— Ага! — крикнул Ладя, схватив обидчика за плечи и с налета подмянул его под себя. — Страшитесь вздумал? Зараз ты у меня...

И осекся. Прямо в лицо ему захохотала девушка.

— Ай-яй, какой злюка! — выкрикнула она сквозь смех. — Ну что, бить будешь?

— Надька?

Обескураженный, Ладя выпустил свою пленницу, сел рядом и начал закуривать. Она, поправляя волосы, прихорашиваясь, сказала:

— Отряхни-ка спину.

Ладя провел несколько раз ладонью по ее спине, как погладил, и вдруг почувствовал, как вздрагивает под рукой теплое молодое тело. И представилось: знойный летний день, кобылица Тешка на лужке, атакующие ее слепни, и как она подрагивает кожей на том месте, куда присосался кровопийца-слепень, чтобы стряхнуть его. Усмехнувшись, он положил руку ей на плечо. Надея повернулась к нему, сказала насмешливо:

— Ты, може, и целоваться полезешь?

В общем-то, она была ему безразлична, и потому он не испытывал ничего, кроме легкого смущения.

— А что, граница на замке? Побачим, сказал слепой.

Ладя отшвырнул сигарку, притянул к себе Надеину голову и ткнулся губами в щеку. Девушка

увертывалась, тихо смеясь. Тогда он поймал ее лицо в ладони и впился в губы, как в спелую сочную грушу.

Когда он отпустил ее, Надея вскочила и... он думал, бросится бежать, а она отряхнула юбку и тихо сказала, вздохнув как бы с сожалением:

— Пошли по домам.

— Давай-ка... еще... — вдруг пересохшим голосом попросил он.

Она засмеялась.

— Хорошего потрошки. — И увещевающе, как маленькому: — Пошли, пошли. На покос рано вставать. Уже сегодня.

— Да что покос? — обиженно сказал он, нехотя поднимаясь. — Подумаешь, покос.

— Подумаешь, подумаешь, а ничего и не скажешь.

Они шли бок о бок по пахучему росному лугу под сонными предрассветными звездами и тихо разговаривали. И был разговор согласный и искренний, как между своими. И это почему-то волновало его.

На другой день он пошел на вечерку. Надея сидела на бревнах среди подруг и смотрела на него неотрывно. И было в ее взгляде намешано и настояно, как в Усвейке разных трав, — и вопрос, и любопытство, и смущение, и беспокойство, и любованье. Она как будто чего-то просила и стыдилась этого. Такой взгляд — для одного тебя — выпадает в жизни нечасто. Ладя понял вдруг, что он мил и нужен, и почувствовал себя счастливым...

Ну и помотала же она ему нервы, когда начала с нею «гулять». Придет он на вечерку — ее нет. Ладя танцует с кем попало, курит с парнями, ждет. Нету. Незаметно уходит, бродит возле ее дома, по улице стараясь встретить кого-либо из ее семьи, спросить. Встретил, не встретил — все равно: никто не знает, куда она увистала. Вернется на гулянку — нет. Посидит, пождет и, встревоженный, злой, убитый, плетется домой. И вдруг где-нибудь на полпути из-за плетня на голову ему ряднина — шурух! И измененный Надеин голос:

— Ага, попался, який кусался! Живота ти смерти?

И вся скопившаяся за вечер злость мгновенно улетучивалась. Если же, бывало, он начинал дуться и упрекать ее, она насмешливо говорила:

— Гляди, как накалился, аж земля под ним дымится. Да ты что, Ладя? Муж ты мне или свекор? Мы ведь с тобой проводим время — только-то и всего. А чуть что — как в той песне: «и пошли по сторонам, он заиграл, а я запела...»

Что тут скажешь? Вообще, со временем она как-то так поставила себя, что это вроде ему очень нужно с нею «гулять», а она, в крайнем случае, может и перебиться. И чем ближе призыв, тем чаще он стал задумываться: уйду служить, а она тут найдет себе какого-нибудь. Такая оторва не станет одна проводить время. Нет, надо ее во что бы то ни стало закрепить за собой, а то будешь потом локотки кусать.

Ладя думал, что Надейка и слушать не захочет его предложение: зачем ей, если по-честному рассудить, не доходя ряду, лезть головой в хомут? Не война, чтоб сирой солдаткой жить. Он целую неделю все подбирался к существу вопроса, не знал, как подступиться, обдумывал, как потом, когда откажет, достойно, без урону чести, отступить. Несколько

вечеров водил разговор вокруг да около, замолкая всякий раз, как она настораживалась и пыталась вывести его на прямую дорогу. Наконец, Надея не выдержала.

— Что-то ты в последнее время какой-то не такой стал. Чего-то маешься, нудишься.

— Призыв скоро, вот и... — промямлил он.

— Ну, призыв, и что? Ты бы сказал, что хочешь сказать, оно и легче станет. А то мычишь, мычишь, а не телишься.

— Да видишь, оно, зразумелая рэч...

— Ну, что? Покинуть меня хочешь? Так давай говори. Думаешь, заплачу? Кали только глаза цибулей натрешь.

— Да не, что ты... С чего вдруг думка такая?

— Не хочешь покидать. Добра. Тогда что, я уж и не знаю. — Она помолчала, раздумывая. — А може, ты жениться на мне хочешь, а?

— Ну, а нягож! — встрепенулся Ладя. — Зразумелая рэч! Вот каб пожениться нам, панимаеш? И тогда все в порядке...

— Что в порядке?

— Ну, как же... Ты будешь тут меня ждать, а я там ни с кем. Вот оно и порядок.

— Ну, добра, коли так, — неожиданно для него согласилась Надея. — Присылай завтра сватов.

— Как завтра? — опешил Ладя.

— А у тебя что, богато времени в запасе? Раз запалало, так тут уж чего чесаться? Туши немедленно. Завтра запоины зробим, а в воскресенье — и свадьбу.

5.

«А ведь, это она меня на себе женила! — вдруг с удивлением подумал Ладя и засмеялся про себя, искося поглядывая на жену. — Вот же как оно получается: всю жизнь думал, что это я на ней женился, гордился, что захомутил и удержал около себя такую девку... И характерность тая, что это ж видно даже слепому. Как же я-то не видел?.. А, да разве ж было когда время вспомнить вот так, шаг за шагом, все наше жениханье, обглядеть его со всех углов? Жизнь такой кросс устроила... Ну и ну!»

Он хотел поделиться своим открытием с Надеей, но лицо ее было озабочено и неприветливо, и он понял, что его разговор покажется ей сейчас пустым и неуместным.

А почему я считаю, что она так уж переменилась? — подумал Ладя, вздохнув. Что была гарза¹, а стала зануда? Эх, кто в юности не смеялся во весь рот? Кто не проказничал? В жизни всему свое время: время смеяться, время усмехаться, время молчать и время плакать. В основном-то она не изменилась. Была, как будто ее кто шилом сзади покалывает, такой и осталась. Как была активней меня, так и посейчас... И характерность тая, что и в девичестве, хоть и озорная была, и смелая, а переступить деревенские неписанные законы не могла. Как-то собирались с нею в Чернецы на танцы. А мать Ладина и сестра ушли к родственникам в Монастырщину, с ночевой. И вот Ладя возьми и попроси Надею корову

¹ Озорница (белорусск.)

подоить и что-нибудь на ужин сготовить. Так не, ни в какую!

— А что коло меня люди будут говорить?

— Фу ты, боже мой! Да нехай что хотят болбуют! Это одно. А другое — через три дня свадьба, считай, ты уже Миронович.

— Э, считай, да не просчитывайся! Пока не Миронович, к тебе в дом не пойду.

Вот и возьми ты ее за рубль двадцать! Корову доить пришлось соседку звать, бабу Дягилиху. А поужинал сырыми яйцами.

Ну, надо сказать, что этот отказ ей боком вышел: никаких танцев у них не получилось. Едва пришли в клуб, Ладю начало тошнить, а потом пошло полоסקать во всю ивановскую. Да и диво ли: ведь он что-то около полугора десятков яиц выпил — все не мог никак сбить голод. В общем, пришлось им уйти домой в самом начале вечера. Осталось неприятное воспоминание, а у него еще отвращение к сырым яйцам — на всю жизнь. Даже вида их не переносит.

Да, вот в этом-то вся и соль: она сызмальства была послушна деревенским законам, обычаям и порядкам, приняла их всем своим существом, не могла и не хотела жить другими.

А жизнь деревенская, видно, и высушила ее. От темна до темна на ногах, в трудах, в заботах и хлопотах. Да и труды часто не женские. Едешь иной раз на тракторе мимо их разнорабочей бригады и видишь, как Надейка таскает мешки с комбикормом: маленькая и тонкая, как подросток, плечи перекошены, кажется, сейчас переломится. Жалко ее ста-

нет и отчего-то стыдно. Но подумаешь: а как сделать иначе? Ссадить мужиков с техники и вернуть к ручному труду? Невыгодно. Ни совхозу, ни семьям этих женщин. У них ведь специальности никакой, а ручной работы в совхозе еще много. Так что куда ни верти, а это их доля пока что.

Дома-то, в хозяйстве, всю тяжелую работу он берет на себя, а один когда не справляется, кое-что перебрасывает мальчикам — в силах уже. Да ведь разве ее убережешь, с ее-то характером! Одно то, что старается за мальцов сработать — детишки, бач, еще. А другое — этим летом стряслось с ним непредвиденное — аппендицит вдруг проявился. А, каб тебя! Надо сено корове заготовливать, а ему вырезают эту кишку и не велят тяжело работать — шов, мол, разойдется. Хошь не хошь, а пришлось Надейке брать в руки косу и становиться за ним следом, потому как полную нагрузку взять на себя он все же побоялся: разойдется этот дурацкий шов — больше потеряешь.

Когда он лежал в больнице, Надея, вдобавок ко всему, что приходилось делать день за днем, приду-мала еще одно дело: каждую свободную минуту выводила мальцов в кустарник за деревней — рубили лозу, обдирали ее и сушили. Лыко принимал не то потребую, не то другой кто, не то на лекарства, не то еще на что. Вернулся из больницы, отвез в Шурею — почти на пятьдесят рублей потянуло. Если посчитать: за килограмм платят двадцать копеек — сколько же это надо было труда положить! Оно, сразумелая рэч, полсотни на дороге не валяются, да

и ободренных лозиных палок добрый воз остался — высохнут, порохом будут пыхать, лучшей растопки и не придумаешь. Однако зачем же надрыватьсь? Всей работы все равно не переделаешь и всех денег не заработаешь. Сказал ей об этом, так не поняла.

— Ай-яй-яй, Ладя! Ты ты недоволен, что лишняя копейка в кармане зазвякала?

Потом как-то она призналась:

— Как тебя увезли в больницу, у меня нибы пусто стало внутри и холодно, и сердце заняло: как же это мы, сироты, будем теперь жить? Подумалось, что у нас уже завтра и куснуть будет нечего, и одеться не во что. Треба теперь же, немедля что-то делать, каб не допустить такого.

Во, в этом вся она, подумалось Ладе. Эта нескончаемая забота-тревога и сушит ее. Надея ведь помнит голодные детские годы, когда, случалось, одна булбинка выдавалась матерью аж на два дня... Але ж погоди, браток, возразил он себе. Какой ты догадливый! В этой разнорабочей бригаде не одна ведь Надея. Товарки ее вкальвают не меньше, и детство у них, в общем-то, такое ж голодное было, а вон глянь-ка — у некоторых (да хоть у той же Рипины) что тут, что там, вместе спать — и матраса не требуется.

Ладя искоса глянул на жену, и в душе его шевельнулось что-то вроде неприязни к ней, вызванной подсознательным мужским недовольством. Она, эта неприязнь, даже самого его удивила, и он поспешил избавиться от нее... Мало ли что, в одной семье и то вырастают разные люди. У каждого своя натура, и складывается она по-своему. Ну, и потом — натура натурой, а ни одной ее товарке не пришлось отдавать свою живую кровь. А Надее пришлось.

Помирал первенец их, Андрейка. Мироновичи дневали и ночевали в больнице, то сидя у его постели; то, когда не пускали, перебиваясь на крыльце под дверью. Никогда не забыть, как глянул Андрей на них в последний раз перед беспамятством — тоскливо и укоряюще, как будто сказал: «Что ж вы ничего не можете сделать? Ведь я умираю».

Понадобилось срочное переливание крови. И — как нарочно! — батькова кровь не подошла — не та группа. А подошла маткина. И перекачали из Надейки в сына столько, что Ладе пришлось на себе тащить ее до дома сестры Маруси, у которой они квартировали эти две недели.

Вот когда и отчего она начала увядать, как та молодая березка, из которой выщедили сок. А занудливая натура, голодное детство и тяжелая нескончаемая работа тут ни при чем.

6.

Универмаг в Травно богатый — сюда даже из больших городов приезжал народ за модным дефицитом. Окрестные селяне находили здесь все, что им было нужно.

И Мироновичи, пройдя по всем отделам, сразу наметили подходящие вещи. Потом из намеченного начали выбирать.

— Они вот красивые, — говорила Надея, вертя в руках черный остроносый ботинок, — красивые, ничего не скажешь, але ж дуже тонкая у них подметка. — Ая-яй! Это ж для кого они делают с такой подметкой?

— Для людей, для кого ж? — сказал Ладя с глубоко запрятанным раздражением.

Он терпеть не мог ходить с женщинами по магазинам. Это же надо иметь железное терпение — останавливаться у каждой тряпки, смотреть, как они ошупывают ее со всех сторон, осматривают и чуть ли не облизывают, и все только для того, чтобы сказать: «Ай-яй, какие вырезы, это ж все проглянет наружу. Для кого только шьют?»

И вот что удивительно: Надея, которая так дожила каждой минутой, здесь готова была таскаться из зала в зал часами. Правда, заранее настроенный против магазинных хождений, Ладя не выкинул в ее логику. А она была проста, как молоток: до обратного автобуса три часа, надо потратить их с пользой — выбирая нужные для покупки вещи, присматривая покупки на будущее. Ведь за этим и приехали, а совсем не затем, чтобы шататься без толку по улицам и пялить глаза на вывески.

— Вот у этих подошва толще, — продолжала Надея, беря в руки желтый ботинок из другой облюбованной пары, — а стоят они дешевле. Это же что — за меньшие деньги дольше будут носиться.

— Однако характерность тая, что они на вид хуже и тяжелее, — возразил Ладя.

— Я думаю, то не беда. — Она благосклонно взглянула на него: ей понравилось, что вот и он принимает участие в покупке. Подумаешь, потяжелее на трохи!.. А тебе больше те приглянулись? — втягивала она его в дальнейшее обсуждение.

— А я бы все-таки купил вон те, остроносые, — сказал он. — Сейчас такие, говорят, в моде, а лишняя пятерка... Эт, ну подумаешь! Малец уже жених, считай, ему ж треба и пофорсить перед девками.

Надея удовлетворенно улыбнулась: дважды кровный Андрей был ее любимцем.

— Пятерки на дороге не валяются... але ж, може, ты и правду сказал... А, нехай уже разоримся!

Облюбованная для Павлика курточка была одна, и, казалось бы, какой тут разговор. Однако — нет! Надея и тут нашла о чем поговорить и посоветоваться. Она объяснила, почему выбрала эту, а не ту вон, «але ж, може, я не права, как ты думаешь?» Ладя хотел отмахнуться: «Да права, чего там!» — но глянул на ее оживленное порозовевшее лицо и вступил в обсуждение, подыгрывая ей.

Она ж тут видит результат и оправдание своей работы, вдруг пришло ему в голову. Ну и в самом деле, что ж это получится: работаешь, работаешь, а пришел в магазин, за пять минут потратил деньги — и привет. Как будто тебя обокрали. Или, скажем, купил билет в кино, а тебя после первой части выгнали. Она тут за свой труд чувствует себя хозяйкой — и этих вещей, и вообще... хозяйкой жизни...

7.

У выхода из зала, рядом с кассой, пожилая степенная продавщица торговала разной мелочью. И приглянулись ему тут перчатки. Померил — как влитые оказались на руках. И тихое тепло растеклось по ладоням и пальцам. Сугревистые! Еще бы — чистая шерсть! И на вид красуни: одно то, что нитка тонкая, а вязка плотная — ни морщинки, ни гор-

бинки, а другое — нежный мышинный цвет с красными полосками на запястьях.

Хороши, ах, хороши! Однако, если рассудить по совести, зачем они ему? Работать в них он, конечно, не стал бы — не для этих перчаток у него работа. А надевать просто так, для форсу? Но перед кем ему форсить? И где? В клубе на танцах? Але ж, наши танцы да-алеко утанцевали.

Вот так-то... Хороши перчатки, да прошло для них Ладино время. Ах, черт! Жизнь-то, оказывается, уходит, да так незаметно, что в одно прекрасное время откроешь глаза, а моргнуть уже и не сможешь. Н-да-а... Тут и не хочешь, а выпнешь.

Последнее подумал он потому, что подходили они к автостанции, а напротив, через улицу, в голубом дощатом сарайчике помещался гадюшник под вывеской «Лилия № 2». Пока уцелел, единственный на весь район. «Последний очаг сопротивления», — окрестили его бывшие фронтовики. Продавали там от и до — от пива до коньяка. Бывая в Травно, Ладя улучал минутку-другую, чтобы навестить это проклятое заведение.

До отхода автобуса оставалось около часа. Ладя взял билеты, посидел рядом с Надеей минут пять, потом, как бы спохватившись, хлопнул себя ладонью по колену.

— А нехай ты скиснешь! Чуть не забыл: надо ж в хозмаг зайти, може, рубанки будут. Вот даже узелок завязал. — Он вытащил из кармана кусок шнурка и показал Надее узелок.

— Ай, сиди, какой там еще рубанок! — недовольно сказала Надея. — Скоро автобус.

— Есть еще время. А без рубанка никак нельзя: мой-то сточился. Как я буду баню достраивать?.. Да ты, если сомневаешься, так на деньги. Я только на рубанок оставлю.

У Надеи даже рука дернулась: «Давай!» — но кругом сидел народ, и нельзя было позорить своего мужика перед чужими людьми, да ведь и оставляет же все равно — «на рубанок»-то.

— Иди, только хутчей, — бросила она и отвернулась.

Ладя вышел из автовокзала, прошел мимо окна, возле которого сидела жена, а скрывшись из ее сектора наблюдения, произвел сложный маневр и вскоре уже делал заказ у стойки.

Да, жизнь уходит, думал он, маленькими глотками отпивая из стакана. И ничего ты с этим не поделаешь. А раз ничего не поделаешь, нечего и нудиться. Нельзя! Это, если все начнут нудиться и сложат руки, — все равно, мол, помирать, так гори оно все синим пламенем! — что ж получится? Зачахнет жизнь и вся вымрет. Либо попадет в руки какому-нибудь Гитлеру. И характерность тая, что все равно будешь горбячить, только не на себя, а на чужого дядю. А это большая разница!.. Нет, так уж оно повелось испокон: пришел на Землю, значит, проживи, как положено: народи ребят, построй им дом, вырасти сад, создай своим детям светлую жизнь на Земле, чтоб они по твоему примеру своим еще больше оставили. И так дальше, аж до бесконечности... Да и самому в жизни радостей хватит, чего там!..

Так-то оно так, але ж, почему нет-нет да и застоскует душа? Делаеть вроде все, что требуется, и для детей, и для производства, но вот не хватает чего-то главного, чего-то такого, как у того же Бай-

кова Анисима. Это же он посадил березовую рощу у Комаров. И теперь она украшает Землю, радует людской глаз. Все, кто бывал у нас, восхищаются ею, так что, считай, роща эта байковская по всей Беларуси славится, да и подальше Беларуси.

А ведь никто Байкову не приказывал. Больной, умирающий от фронтовых ран, каждый вечер с трудом вставал он с постели, приходил на склон холма и сажал деревцо. Посадив последнее, он больше не встал и вскоре умер. Наверно, его пример породил и еще какие-то добрые дела, и они хоть сколько-то изменили деревню к лучшему... Вот он, Анисим-то, и беспартийный был, а бач... соответствовал... А ты не соответствуешь. Оттого и совесть точит.

Осушив стакан, Ладя вернулся на вокзал с приятным теплом в груди, примиренный со всем и успокоенный. Мельком взглянул на жену — тиха, безобидна. И ладно — не придется лгать насчет рубанка. Забыла, наверно — она всегда мается перед посадкой.

8.

А Надея ничего не забыла. И не провел он ее, нет! Она с самого начала раскусила его хитрость. Когда он прошел мимо окна и совершил затем свой маневр, она, чтоб уж никаких сомнений, вышла на улицу и посмотрела, как он целенаправленно направлялся к гадюшнику «Лилия». Надея могла бы окликнуть его и вернуть, но не окликнула и не вернула. Нельзя заступать мужику все ходы и выходы, нельзя постоянно держать его за горло. Добром это не кончится.

Думает, обмудрил ее, мудрагель! Але, нехай так думает. Мужик повинен быть мужиком, хозяином. Тогда только будет за его спиной, как за каменной стеной. Мужик-нехозяин — это еще дитя на жёнкину шею. А ей лишняя ноша совсем ни к чему. Жёнка повинна быть при мужике помощницей и советчицей, ну, и контролером, понятно, але ж, контролером не настырным, каб не потерял уважения к самому себе и каб не распускался.

Да, Ладя часом выпивает. По случаю: праздники, гости. Бывает, и без случая долбанет, каб ему... Але ж, ума не пропивает. Понятно, лучше б совсем в рот не брал, но такие мужики, мабыць, только в рай имеются. А где он, тот рай?

Да ведь и то сказать, ворочает, как вол, и в совхозе, и дома, и грех иной раз не поднести чарочку до смерти уставшему человеку. Этим летом аппендицит его подрезал. В больнице пролежал с две недели, вернулся — перевели с трактора в мастерскую слесарем: врачи запретили натужную работу. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло — хоть отдохнул трохи. Хотя, если разобраться, всего и отдыху-то было, пока в больнице лежал. А выписался — поглядел, поглядел, как жёнка косит, говорит:

— Э, Надейка, так мы и до белых мух с покосом не управимся.

И взял косу. Потихоньку прошел ряд, поднял рубаху, глядит, не разошелся ли шов. И Надея подошла, поглядела — вроде ничего, крепко зашили. После второго ряда снова поглядели и пощупали — держит. А после третьего, когда она подошла к нему: «Ну-ка, глянем», — отмахнулся:

— Эт, что ему делается! — Лишь после косо-

вицы, когда шли домой, потирая живот, Ладя признался: — Характерность тая, что твердый стал, nibы каменный брусок. И трюхи ноет.

— Ай-яй-яй! — испугалась Надея. — Треба ж тебе было брать косу! Как-нибудь управились бы.

— Эт!

И с того дня снова начал ломить, как до операции: косил, складывал сено в копны, перевозил его на тракторе в сарай. Она уж на мальцов начала побольше наваливать, чтоб отцу меньше доставалось.

Ну, и потянулось одно за одним. Понятно, все тут же узнали, что Ладя на покосе действует во все плечо. И начальство совхозное тоже. Вчера инженер сказал:

— Если чувствуешь себя здоровым, садись снова на свой трактор. Вот начнется уборка хлеба — будешь косить комбайном.

— Добра. Только давайте сразу. Я до уборки сам его отремонтирую.

Инженер нахмурился.

— Вечно ты... Он и без ремонта еще побегаёт.

— Да нет, — сказал Ладя. — Хочу каждую гайку подержать в своих руках. Вот тогда я от него возьму, что можно и что нельзя.

Инженеру не хотелось отдавать трактор на разборку — техники не хватало, и он попробовал было отговорить Ладю, но тот сказал:

— Не будем, Демитрич, переливать из пуста в порожне. Ты меня знаешь — это не каприз. Я не хочу день работать — два стоять. Лучше уж я тогда в мастерской останусь. Хотя, скажу тебе честно, хочется в поле.

Дальше спорить инженер не стал, потому что хорошо знает Мироновича. В последние годы Ладя на уборке второе место держал по совхозу. Только Веремею Тананушке из Телятичей уступает, но и то уже на хвосте у него сидит. А главное — молодых от себя не отпугивает, как тот же Веремей. Ладя рассказывает так:

— Чего мне молодых бояться? Мои секреты простые: знать машину до последней заклепки, своими руками ее обихаживать, не жалеть, когда нужно, ни ее, ни себя. Вот и все. Мой ученик может меня перешибить, ну и что? Мое всегда при мне останется, и я свое всегда заработаю.

Каждый год перед уборкой Ладя ремонтировал свой трактор, разбирая его до винтика.

— Он трюхи хвалькó, — усмехнулась Надея. Любит прихвастнуть, особенно когда подопьет. Але ж, хвастает только тем, что у него есть или что было.

А было в его жизни всякое-разное. Во время войны его, восьмилетнего мальчика, чуть не убили немцы в Колком гушаре. Надее было тогда четыре годика, и событие то осталось в памяти каким-то смутным кровавым пятном: куда-то шли всей деревней, а потом бежали, бежали, бежали, она сперва цеплялась за материну юбку, а потом оторвалась и бежала сама, а сзади грохотало, трещало, кругом кричали и падали люди.

В шестнадцать лет Ладя ушел из голодной, раздетой и разутой деревни искать свою долю. Судьба забросила его на Север. Сперва в Печору, где, вроде, неплохо удалось пристроиться — помастером на сплаве — благодаря случайно встреченному земляку. Работа не пыльная, бумажная — учет, подсчет, спину не сломишь. Но земляк что-то такое там нахитровал и смылся с добрым приварком. Ладя, сам не зная

как, оказался впутанным в это дело. Пока шло следствие, он терзался думкой, что вот как недобро обернулась к нему судьбина: батька и брат погибли на фронте за Советскую Родину, а он оказался злочинец и тем самым предал их память.

Разобрались, оправдали. Оставляли работать на прежнем месте, но Ладя дал себе слово, что на бумажную работу больше ни в жизнь не пойдет, потому как она не по его неполно-среднему образованию. И через неделю очутился он в Бодайбо, на золотых приискаx.

Вот тут-то он хлебнул лиха! Не раз, попервости, прощался с душой, упав ничком на тяжелую, наполненную драгоценной рудой тачку. Суровый старательский труд оказался просто непосильным восемнадцатилетнему юнцу, выжившему и выросшему на жидком военном и послевоенном деревенском харче. Но работа — что, к ней он, в конце концов, стал привыкать, она его сама к себе приспособила — укрепила силы и здоровье, закалила тело и дух. Не мог Ладя привыкнуть к тесноте, отсутствию простора, зеленой сочной жизни. Спустившись утром в забой, он до конца смены чувствовал себя заживо погребенным, задыхался, вздрагивал при каждом обвале породы, а она рушилась под отбойными молотками ежеминутно и слева, и справа.

В конце концов, нервы не выдержали — Ладя начал прихварывать, бюллетенить. Все труднее стало возвращаться на работу после болезни, а однажды он просто-напросто не смог спуститься в забой. Вот не смог, и все.

Тяга искать свою долю пропала. И длинный северный рубль больше не манил. Теперь, когда он знал ему цену, этот рубль казался ему короче нормального.

Все это рассказал ей Ладя, когда они начали встречаться. Золотая была пора! И сейчас при воспоминании о тех днях, а вернее вечерах и ночах, у нее то замирало, то тревожно колотилось сердце. Она любила тогда первой безоглядной молодой любовью. Любила его за то, что он был такой, какой был. И за то, что во многом стал таким, каким она хотела его видеть. В нем много ее. Даже имя — Ладя дала ему она. Понятно, назвала так для себя одной, но в Комарах, кроме него, проживали еще два Володи, надо было их всех троих как-то обособить, чтоб не путать в разговорах, и новое имя так и закрепились. И за то любила, наконец, что была благодарна ему, разбудившему ее любовь.

— А люблю ли сейчас? — вдруг спросила она себя и покосилась на Ладю. У него был перемогающий вид: ясно, хотел курить, как всегда после выпивки, а курить в автобусе не разрешалось. Ну, понятно, того, что было, уже нет. Але ж... Все, что с ним случается, ее цепляет. Ей хочется, чтоб все у него было в порядке, чтоб и среди людей, и в семье он был полезным и уважаемым. И чтоб ему самому от этого было хорошо.

Когда его не приняли в партию, неизвестно, кто больше переживал, — он или она. Хотя ведь что ей, казалось бы? Благополучия семьи это не затрагивало, да и ему самому ничем не грозило. Но вот жаль... ходила к Семену Викторовичу узнавать, почему ее мужика забраковали.

А случилось что? Ладя тогда был звеньевым. Осень выдалась тяжелая — холодная, гнилая. Картошка погибала. Ладя со своим звеном от темна до

темна проводил в поле. Выкопали свои участки. Пришел он домой мокрый, грязный, усталый, но весь сияющий, как полированный шкаф. И она поднесла ему чарочку перед ужином.

Спала с души тяжести! А на второй день вызвал его директор и сказал, что надо помочь второму звену. Ладя взвился: как, мы ползали на карачках, каждую бульбинку выковыривали из грязи, а они торговали на базарах в Ново-Лукомле, Чашниках и Травно и пьянствовали в свое удовольствие, и теперь что ж — мы латай ихние дыры? Да не будет этого, хоть стреляйте! Как ни упрашивали директор с парт-оргом, и так и этак пробовали — ничего не добились. Ладя остался твердый, как тот железный пионер в Травнинском парке. Часть картофельного поля тогда так и ушла под снег.

Надея узнала об этом поздно, уже после парт-собрания. И сильно терзалась. Ведь узнай она раньше, этого не случилось бы: парторг парторгом и директор директором, а выше жёнки начальства нема. Это же что такое: пахали, боронили, сажали, полоти, сколько сил угробили и здоровья — и все Туману под хвост! Да мало ли, что вы там устали до смерти, рачковали и носом землю рыли, а те пьянствовали! Урожай пропадать не должен, вот и все!

— Ты там в конторе сказал: не пойду, хоть стреляйте. За такое и надо стрелять, — пилила она его при всяком удобном случае.

Когда поостыл, он и сам признал свою вину, потому хлебоборобу как не понять такую простую правду. Если он настоящий хозяин на земле. А Ладя настоящий. Это и Семен Викторович знает, да и все в совхозе. На что уж начальник мастерских — не любит его за постоянную критику, а и тот сказал:

— Владимир Макарыч, конечно, человек тяжелый и колючий, и лично мне, не скрою, неприятный, но он надежный человек, рачительный хозяин, на таких наше сельское хозяйство держится.

Это он на собрании, когда — на другой год — принимали Ладю в партию.

Так, выходит, люблю его, падшиванца, раз болю его болячками? Хоть не такая это любовь, как в молодости, ох, не такая!

Ну, а он меня любит?.. Надея засмеялась: и что это на тебя накатило, дура ты старая? На тот год сорок стукнет, а она — про что? Прямо, как в присловье: «Две старухи без зубов говорили про любовь». Трое детей у тебя, милая, старший уже за девками бегает... Думки эти от безделья, от праздности.

Но они были ей приятны. Раз уж устроили себе праздник, нехай и думки будут небудничные — от них и на душе празднично.

9.

Ровно гудя, автобус бойко бежал по большаку. В открытые окна и верхние люки из окрестных лесов вливался густой и пахучий боровой дух. И в этом тоже было праздничное, некаждодневное. Не в самом воздухе — таким они и у себя в Комарах дышали, — а в том, что вдруг открылась способность замечать вокруг хорошее.

После остановки в Бобрах что-то беспокойно стало на задней площадке. Надея обернулась. Два парня в клетчатых безрукавках, с пьяными красными лицами, зажали в угол третьего и чего-то от него

домогались. Тот, толстомордый, губошлепый, в кургузом пиджачке и кепке, имел вид загнанный и обреченный. Они поталкивали губошлепного под бок и что-то негромко и коротко бросали ему в лицо. Он пытался вырваться, они не давали, слышалась возня. Было непонятно — ссора не ссора, драка не драка.

Наконец, послышался плачущий голос:

— Ну что вы ко мне приклеились? Нема у меня денег! Я за них хребет гнул, а они хотят без труда.

В ответ парни разразились грязным матом.

Все повернули головы в ту сторону, но видя, что завязывается драка, отвернулись, что-то ворча себе под нос. Ладя тоже отвернулся, играя желваками. Только Надея продолжала глядеть. Клетчатые парни, громко матерясь, начали избивать губошлепного. Тот согнулся вдвое, сел. Парни заработали ногами.

— Водитель, останови машину! — крикнул вдруг Ладя. — Треба высадить хулиганов!

— О? — удивленно обернулся один из парней, тот, что пониже, с длинными белыми волосами. — Чей это голос слышится с помойки?

— Кончай хулиганить! Отпустите мальчика!

— Ты, батя, сидишь и сиди, пока кишки не выпустили!

— А я говорю: кончай!

— Ну, иди сюда, если ты такой храбрый. Иди, иди.

Надея вцепилась в рукав. Но отступить было поздно. Ладя, разжав ее пальцы, пошел к парням. Они стояли в боксерской стойке, покачиваясь и оступаясь: и потому, что автобус мотало, и от изрядной выпивки.

«Тот сопля, чуть, може, Андрея постарше, и жидок, — прикинул Ладя. — А этот, передний, мабыць, уже и отслужил».

Белобрысый встретил Ладю ударом в лицо. Ладя покачнулся, но устоял.

— Ну, что, лапоть, будем знакомы? Может, еще? — Серые глаза парня насмешливо блестели.

Чтобы усыпить их бдительность, Ладя нагнул голову, сторбился, словно перемогааясь от боли, и вдруг снизу со всего плеча двинул белобрысого под дых. Тот сложился пополам и сел, тараша побелевшие глаза.

Силенка все-таки есть, удовлетворенно отметил Ладя. Недаром жёнка салом кормит.

— Я ведь не только лапоть, однако ж, и балтийский матрос! — хрипло сказал он.

— Ай-яй-яй! — тревожно подумала Надея. — Это ж у него шов может лопнуть от таких резких махов. Хватаясь за спинки сидений, она быстро прошла к мужу и стала рядом.

— Женщина, прочь! — тихо, сквозь зубы, сказал второй парень и вытащил из кармана большой складной нож.

«Пока не открыл», — мелькнула мысль, и Надея кошкой метнулась к парню, схватилась за рубаху на груди и за брючный ремень и, привычно гекнув, подняла и бросила его к двери, как мешок с комбикормом. Он ударился спиной о дверцу, вышиб ее и выпал на дорогу.

Тут начали подходить мужчины, ехавшие в автобусе, накинулись на белобрысого, пытаясь и его вытолкнуть вон. Он цеплялся за ноги, увертывался.

Шофер, будто ничего не видя и не слыша, гнал машину на самой большой скорости. Наконец, подступившие женщины заставили его остановиться. Он взял ломик и пошел к белобрысому с решительным видом, готовый раскроить ему череп, не меньше. Тот выскочил в зияющую дверь и, держась за живот, потрусил назад по дороге. А шофер, как ни в чем не бывало, начал ремонтировать дверь, ворча себе под нос:

— Понапиваются и ну безобразничать! А государству урон.

При этом он недовольно поглядывал на Мироновичей, как бы ставя их на одну доску с хулиганами.

Возвращаясь на свое место, Ладя и Надея увидели губошлепого. Он стоял у кабины и рукавом вытирал обильный пот, омывающий его толстое лицо.

— Однако, я бачу, ты хитрун у своей матки,— со злостью сказал ему Ладя.— Нехай другие за меня бьются, а я в тихом куточку посижу.

Парень сконфуженно пробормотал что-то и вильнул глазами.

— Ай-яй! — сказала Надея, усаживаясь.— Я, мабыць, надорвалась. На вид что щепка, але ж, важный.

Ладя усмехнулся.

— Ну вот видишь, праздник настоящий получил. И погуляли, и подрались. А без мордобоя какой праздник? — И он облизнул кровоточащие вспухавшие губы.

10.

Домой добрались в сумерках. У березовой рощи их встретил Витя. Он, видно, давно их поджидал: в руках у него болтались две низки грибов, собранных в роще.

В хате Андрей и Павлик начали примерять обновы, Витя занялся городскими гостинцами, Ладя и Надея, умывшись, сели к столу, теща загремела у печи ухватами.

Ладя шуршал сегодняшней газетой.

— Во, наша область на второе место перебралась по заготовке кормов! — воскликнул он.— От конца, зразумелая рэч. Однако, и то успех.

Теща поставила на стол миску, наполненную до краев разопретым пахучим супом. Надея спросила:

— Как тут погода? Как сено?

Мать, оживленная, радостная, будто только и дожидалась этого вопроса:

— А дачушка, а родненькая! Да мы с мальцами и просушили его, и сгребли, и даже в копешку сложили. Все чин чином, а нягож.

— Вот то добра.— Надея обратилась к мужу:— Ты за трактором все равно пойдешь, так, може, и привезем сегодня ту копешку? Запихаем в сарай, да и голова не будет болеть.

— О, да отдохните, детки, ведь в два часа ночи вставать — ребят везти на станцию. Так хоть пораньше спать ляжете. Отдохните, что у вас, горит?

— А може и правда? — Ладя глянул на жену.— Праздновать — так уж до конца.

— Ай-яй-яй! — укоризненно протянула Надея.— Все б ему праздновать! Мы, значит, спать будем, а копешка там... А ну, как дождь? Да я и не засну... Нет, нет, привезем — и дело с концом. Кто зевает, той воду хлебает.

11.

Ночью Ладе стало плохо: наверно, все-таки лопнул шов. Надея послала Андрея за машиной, а сама начала туго обматывать мужа полотенцами — так, ей казалось, можно предотвратить дальнейшее расползание злосчастного шва.

И в это время пожаловали нежданные гости — сыновья Ладиной двоюродной сестры, вскоре после войны вышедшей замуж в Оршу. С тех пор в Комахах она не появлялась — родители и сестра ее тоже покинули деревню.

Надея сразу их узнала — это были парни, с которыми Мироновичи дрались в автобусе. А они, похоже, не узнавали ее. Да и неудивительно, в драке она появилась неожиданно для них и на короткое время, и в хате сейчас было темно. Ладя лежал в соседней комнате.

— Ну, что, родня, — сказал белобрысый, — со свиданьем бы... Небось, самогонка найдется?

— Родня посередь дня, а вечером можно и в карман залезть.— Надея покачала головой.— Да вы родню свою, може, убили там, в автобусе. Кали скажите, мы не знали, что он наш дядя, — так это никакой разницы... Мама, — обратилась она к удивленно тарачившей глаза матери, — собери им подьсть, и нехай идут.

По дороге в больницу, сидя в кабине грузовика, поддерживая Ладю, Надея сокрушалась:

— Ай-яй! И чего нам так не повезло. И надо же тебе было полезть к этим негодникам! Ты болочий, мог бы и побережись. Там же здоровые мужики были.

— Да, как не полезешь... — тяжело закрихтел Ладя.— Жизнь. Убережешься от нее, что ли?

ПИСЬМА ОБ ЭКОЛОГИИ

Одна из главных мыслей, которые содержат письма читателей нашего журнала: если мы и дальше будем так бездумно покорять природу, она пройдет мимо нас, а нас не станет...

Человек не может не пить земные соки. Абсолютно безопасная эксплуатация природы — эстетическая. Даже самое злое око не может загрязнить прекрасный пейзаж. Умей мы все так же с любовью и зорко видеть красоту земную, как ее видят художники, наверняка бы бережнее использовалась она — угленосная, рудоносная, нефтеносная... Сказано все это к тому, что спору нет, важно блокировать разрушение природы экономическими и технологическими мерами, но они ее не спасают, а спасет ее инстинкт красоты. Люди пишут о природе в редакцию, движимые этим облагораживающим чувством. Оно и есть чувство Родины. Патриотизм — самая действенная охрана природы. Патриот красоту природы ставит выше пользы от нее.

Нет сомнения, с ростом национального самосознания связан рост числа соотечественников, щадящих природу, думающих о ней. Мы должны публично пережить позор своего насильственного отношения к природе, чтобы с достоинством выйти из критической ситуации. Когда-нибудь соберется всемирный экологический сбор... А сейчас мы вам предлагаем небольшую подборку читательских писем о природе...

ТАК ЖИВЕМ НА НИЦЕ

Решил написать еще и вам... Я живу на Урале с рождения, мне 57 лет. И помню, сколько было рыбы в уральских реках и озерах! А сейчас ездим рыбачить вниз по Нице за 40—50 км, а вверху уже делать нечего, рыба не подымается, ей не дают мотозавод и химкомбинат, но в основном, по-моему, травит химия. Сейчас пишут в газетах, что впредь будут залповые сбросы в реку.

Так что будет отравлено все, и сейчас уже даже на Туре рыба была дохлая. Закройте вы этот химкомбинат! От него больше вреда, чем пользы. И стоит в черте города. Я живу за полкилометра, и то, когда ветер от комбината, то стоит вонь, а как живут люди около него? Комбинат надо закрывать, а его еще расширяют.

Николай МИРОНОВ,
г. Ирбит

МОЛОДАЯ ДУБРАВА

Везет нас верный «Запорожец» из Свердловска по Челябинскому тракту. Недалеко от поворота на Химмаш останавливаемся и входим в дубовую рощу. Она твердо заявляет о своем присутствии симметричной вышиной и десятисантиметровой толщиной стволов на высоте груди. Здесь около 2,5 тысячи деревьев на гектаре.

История создания живого мону-

мента — так следовало бы назвать этот дубняк — такова. 9 мая 1953 года главный лесничий Свердловского горлесхоза Павел Силович Смолоногов с сыном Евгением — молодым аспирантом УЛТИ, лесничим Уктусского лесничества А. К. Сухининым, лесниками выселили на площади 0,4 гектара желуди. Их привез Е. П. Смолоногов из Нижне-Иргинской дубравы, что находится в двухстах километрах от Свердловска по прямой, от восточной границы распространения всех видов дубов.

Теперь уже нет этой дубравы: не выжила после двух суровых зим конца пятидесятых и семидесятых годов, когда температура опускалась ниже сорока восьми градусов. Сейчас на месте вековых засохших и вырубленных «пограничников» зеленеет летом лишь поросль. Сумеет ли так восстановиться Нижне-Иргинская дубрава, приспособится ли «молодежь» к неминуемым в будущем морозам, никто сказать не может.

Первые годы деревца трудно шли в рост. Верхушки в суровые зимы, особенно в поздние весенние заморозки, подмораживало. Обьедали лоси, домашние козы, зайцы. Но дубки упрямо тянулись вверх.

В течение 35 лет дважды приходили с топорами: вырубали березки, осинки, сосновый самосев, даже более быстро растущую рябину с ивой, закрывавшие сверху и охлестывавшие с боков.

...Бесшумно слетела с березы

сова и опустилась совсем невдалеке.

— Вот, появился новый биогеоценоз... — говорит заведующий лабораторией Института леса Е. П. Смолоногов. — Дубовое насаждение приютило колонии грызунов и других животных, за которыми охотятся пернатые хищники. Возможно появление колонка, ласки, горностая, а в более глухих местах куницы, рыси, лисы. Одним словом, новое явление обусловило проявление новых процессов, биологических компонентов, что, в конечном счете, тесно связано одно с другим.

...Тихо в дубовом лесу. Падают желуди. Бесшумно спадает с берез желтый наряд, сеются легкокрылые семена. Покой, умиротворение. Воздух чист и свеж. Дышится легко. Не хочется верить увяданию природы, быстрому движению к зиме.

Не спешат только в лесничестве. Не доходят руки до дубравы. Нет времени собрать и желуди.

Вспомним, как Евгений Павлович ездил в Красноуфимск за желудями. Здесь же собирай готовые, местные, приспособившиеся к микроклимату, закладывая сразу же на стратификацию, выращивай посадочный материал, озеленяй столицу Урала, обогащая зеленую зону дубом.

Ежегодно, не по одному разу, бывает Евгений Павлович Смолоногов в своих памятных лесах. Широколиственные долгожители-новоселы все время под его контролем. Как знать, может быть, под кронами дубов родилась идея изучения другого лесного долгожителя — кедра, которому он посвятил много лет.

Задаю Евгению Павловичу сокровенный вопрос:

— Что вы испытываете, находясь в дубраве?

— Всегда удовлетворение и радость удачно проведенного эксперимента! — не задумываясь, отвечает ведущий специалист Института леса. — Редко удается лесоводу своими руками вырастить дерево и увидеть плоды, особенно такие, как дуб, кедр.

Ухаживают за плантациями всей семьей. В этот раз Анна Андреевна собирает стекла от разбитых бутылок (после исчезновения из них спиртного они почему-то обязательно разбиваются). Уносит головешки от кострищ из-под кроны питомцев,

чтобы другие недобрые люди снова не развели огонь в облюбованном месте. Консервные банки, невесть откуда-то появившееся дырявое железное корыто — все в пониженное место, в одну кучу.

Кто-то влезал на дерево, сломал верхинку. У более десятка стволов подряд сделаны затески. Благо, у лентя был тупой топор, — твердая, как железо, кора не позволила повредить живой камбий.

Работают Смолоноговы, сокрушаются, но больше всего все же радуются: «Как здорово подались дубки вверх за последние пять лет. Теперь их ничто не сможет удержать».

Дубки растут. Память о творцах дубравы уносят годы. Не стало последнего лесничего Уктусского лесничества, принимавшего участие в работах. Давно покоится невдалеке от своих «Дубков Победы» на соседнем Нижне-Исетском кладбище главный мастер дубовых культур Павел Силович Смолоногов. Не вечны ныне живущие хранители рощи...

Вечно будут жить только дубы. История же их возникновения постепенно угаснет. Потому как нет о них упоминания в лесоустроительных отчетах. Нет натуральных знаков на самих участках культур. Почему бы не написать на памятной доске, лучше на гранитном камне, литыми буквами: «Культуры дуба 1953 года. Желуди из Нижне-Иргинской дубравы. Гл. лесничий П. С. Смолоногов. Памятник природы. Собственность Уктусского лесничества» или просто: «Дубки Победы, 1953 год. Охраняется лесным законом».

Алексей ПРОТАСЕВИЧ,
г. Свердловск.

ЖЕМЧУЖИНА В МАЗУТЕ

Радужно переливаясь в лучах весеннего солнца, на воде колыхалась маслянистая пленка. С берега сочился ручеек солярки и подпитывал это расплывающееся по озеру пятно. Сначала не могли понять, откуда забил «родник», потом вспомнили. Осенью навалило на берег крутой волной баржу с топливом, и часть его выплеснулась... Весной оттаявшая земля отдала свою добычу Телецкому озеру — жемчужине Алтая.

Москвичу, уральцу или волжанину, привыкшим к «бульону» в руслах рек, с борта туристского теплохода озеро и сейчас кажется удивительно чистым. А местные жители помнят хрустальную воду, ее лет двадцать назад пили, черпая прямо с берега. Теперь по озеру снуют моторные лодки, ходит десяток служебных и развозных катеров, барж, пассажирский теплоход с мощными двигателями, для охлаждения которых используется забортная вода. Сюда же попадают нечистоты из гальюнов, весь мусор, остающийся на палубе после перевозки грузов, вклю-

чая бензин, солярку, автол. Как мою палубу, знает всякий — льют на нее воду, пока все лишнее не скатится за борт. Для снабжения катеров топливом по берегам озера располагаются склады горюче-смазочных материалов, чуть дальше стоят гаражи, дизельные электростанции поселков. А ведь озеро в горах — это самое низкое место, и все, чем испачкана земля в бассейне его притоков, в конце концов окажется здесь. Пятно мазута под каждым трактором, пролитый литр дизтоплива при каждой заправке катера, капля бензина при каждом запуске подвесного лодочного мотора неумолимо подтачивают здоровье Алтын-Кёля, что в переводе с алтайского означает Золотое озеро. От нас зависит, остаться ему золотым или превратиться в сточную яму.

В. А. ЯКОВЛЕВ,
старший научный сотрудник
Алтайского госзаповедника,
кандидат биологических наук.

УЧИТЬ ДЕТЕЙ И МИНИСТРОВ!

«Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Так записано в статье 67 Конституции Союза ССР. Очень хорошие, важные слова... Если бы они стали руководством к действию каждого жителя села и города! Вполне понятно, что беречь природу — это значит знать ее.

Вот почему все мы, природоведы, с удовлетворением встретили постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», в котором особое внимание уделяется вопросам кардинального улучшения экологического образования и воспитания бережного отношения к природе.

В постановлении говорится: решение задач по улучшению всего дела охраны природы возможно только при условии резкого подъема экологической культуры. Не лишним будет напомнить, что в одном из решений межправительственной организации по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) при ООН придается большое значение природоохранительному просвещению, причем подчеркивается, что учить нужно не только детей, но и министров. Хорошее решение!

А недавно я узнал, что ученый совет Казанского университета создал экологический факультет, который будет готовить специалистов, необходимых всем отраслям народного хозяйства. В Свердловске, судя по прессе, организованы хозяйственные экологические курсы. Экологическое образование расширяется.

Вполне естественно, что биологически образованные люди будут учить других более сознательно и бережно относиться к природе, будут бороться с экологическим невежеством.

Несколько лет тому назад в Якутском архиве обнаружили любопытный документ. Петербургская Академия наук попросила у начальника верхоанской полиции оказать содействие в присылке сведений о флоре и фауне в окрестностях Верхоянска, считавшегося самым холодным пунктом Сибири. Самого исправника на месте не было, и ответ в Петербургскую Академию послал его помощник. Вот что он написал: «Варшавская студентка Флора Тварденкая провела здесь пять лет и, отбыв наказание, уехала на родину. Что же касается женщины по имени Фауна, то такая верхоанской полиции не известна». Комментарий, как говорится, излишни.

С прискорбием должен отметить, что есть и поныне люди, которые берутся даже за объяснение природы, а сведения имеют о ней весьма поверхностные. В Уфе (с удивлением узнал я) один научный работник, взявшийся читать в вузе курс «Охрана природы», не знал, что такое биогенез. Другой товарищ, ветврач по образованию, не мог сказать, сколько ног у клещей, у муравьев. А врач уфимской горсанэпидстанции в статье о клещевом энцефалите, опубликованной в газете «Вечерняя Уфа», называл клеща насекомым.

И вовсе грустно становится, когда в местных и центральных газетах (в том числе и в «Правде») журналисты и другие авторы статей допускают выражение «животных и птиц». Как будто бы птицы — не животные! Уж лучше бы писали «зверей и птиц».

Основы биологической грамотности закладываются, как известно, в школьные годы. В изучении природы и пробуждении добрых чувств к ней и ее творениям — животным и растениям — большое значение имеет чтение книг о природе, написанных известными натуралистами. Однако и здесь не все обстоит благополучно. Мне много раз приходилось беседовать с учащимися уфимских школ, с абитуриентами сельскохозяйственного института, приехавшими почти со всех районов Башкирии, со студентами-первокурсниками, и я с огорчением узнал, что абсолютное большинство их не читало книг о природе, о животных. Оказалось, что и городские, и сельские школьники не только не знают книг Виталия Бианки, Г. Скребицкого, Н. Плавильщикова, П. Мантейфеля, М. Зверева, В. Пескова и т. д., но большинство их не читали книг о жизни и поведении животных, изданных в последние годы в Уфе. Тяжелый симптом, наводящий на грустные размышления. Не отсюда ли идет безразличие к вопросам охраны природы у многих взрослых людей, в том числе и у руководителей различных рангов.

Понять красоту и величие природы всем нам помогают поэты, при-

вивая своими стихотворениями, чувства любви к природе родного края, к Родине. К сожалению, должен признать, что сейчас большинство молодых людей, да и взрослых, плохо знает произведения выдающихся поэтов, воспевающих природу. И если в этом отношении несколько больше повезло Пушкину, Лермонтову и Есенину, то стихотворения Тютчева, Фета, Жуковского и многих других поэтов большинству наших людей почти незнакомы. Сужу об этом по результатам бесед со многими студентами и даже преподавателями вузов, с представителями технической интеллигенции. Впрочем, не все хорошо знают и произведения А. С. Пушкина.

— «Мороз и солнце, день чудесный!» Кто написал эти крылатые слова? — спросил я однажды на лекции студентов четвертого курса Башкирского сельскохозяйственного института. И только двое-трое из 140 юношей и девушек сказали: «Пушкин!»

Невольно вспоминаются страницы из биографии Владимира Ильича Ленина, любившего общение с природой, бережно относившегося к ее созданиям, любовавшегося первыми фиалками и красавицей-лисией. Ленин много читал русских поэтов. И не только в школьные годы, но и в последние годы своей деятельной жизни.

И. ЗАЯНЧОВСКИЙ,
заслуженный деятель науки
РСФСР и БАССР,
почетный член Всероссийского
общества охраны природы,
профессор Башкирского
сельхозинститута.

ТРИСТА ЛЕТ СКВОЗЬ ПЕСОК

Всякий раз, когда у свердловчан возникают разговоры о судьбе озера Шарташ, их беседа заканчивается вот таким довольно грустным суждением: «Загубят! Непременно загубят! Вырубят лес, застроят берега, не останется озера...» А кто-нибудь еще и заметит с укором: «В старину неграмотные мужики и те понимали...»

Так что же они, мужики, понимали, и не понимаем мы, образованные? Что ж это за озеро Шарташ, которое кто-то собирается погубить?

Раскроем туристскую схему Свердловска. На ее общем серовато-зеленом фоне нам сразу же бросится в глаза голубое пятно у правого, восточного, края листа. Своєю формой оно напоминает бобовое зерно, вогнутостью обращенное к западу. Это и есть озеро Шарташ. Реальные размеры его таковы: длина, с севера на юг, четыре с четвертью, ширина, с запада на восток, — два с половиною километра. Протяженность береговой линии 12 километров. Площадь 715 гектаров.

Юный читатель, поразмыслив, может сказать: ну, какое же это озе-

ро, так себе, озерцо! Конечно, Шарташ не Байкал и не Арал. Но для свердловчан Шарташ является тем же, чем для каракалпакцев Арал: жизнью и здоровьем народа. Не будем пугаться такого сравнения. Масштабы, возможно, и несопоставимы, но сущность та же: на водоеме экологическое бедствие. Бесценное озеро оказалось на грани гибели.

На полтора миллиона населения в Свердловске сохранилось лишь два водоема, более-менее пригодных для купания. Это пруд Верх-Исетского металлургического завода и Шарташ.

В знойные летние дни на берегах озера собираются десятки тысяч горожан. У воды теснота, как на сочинских пляжах. И зимою многие тысячи любителей подледного лова рыбы сидят на льду у лунок с удочками. Среди них и дети, и женщины. В каниклы встретил я здесь как-то третьеклассников Диму Багина и Андрея Злоказова с Компрессорного, семиклассника Романа Балуюкова с Веера. Одни, без взрослых добираются они сюда городским транспортом и с великим удовольствием, как заправские рыбаки, колдуют над лунками. Несказанно обрадуются, но не подадут виду, когда вытянут из лунки полосатого окунька или знаменитого шарташского чебачка. И мои внуки просиживали здесь с удочками и зимние, и летние зори. Чего-то огромного, так нужного лишается они и все мы, горожане, если не станет озера.

Шарташ — типичное горноуральское озеро: чашеобразная впадина в гранитном массиве наполнена трещиноватыми и осадковыми водами. Голубая вода озера прозрачна, золотистый песок блестит на дне, живописен берег с гранитными валунами, скалами и стеною соснового леса, голубая гряда возвышений тянется поодаль на горизонте, и кругом безбрежное море лесов. Молочно-розовый туман застилает воду на расвете, слышатся протяжные крики невидимых чаек и всплески крупной рыбы. Тихо шипит и шепчет о чем-то вода у прибрежного песка, а вокруг — непоколебимый покой.

Теперь картина иная. Сегодня вместо золотого песка темнеет на дне ил. Ноги тонут в неприятно вязкой, засасывающей тине, а из-под нее к поверхности поднимается клубами муть. Попытаешься плыть — тело, руки, ноги опутывают длинные нити водорослей, липнут, тянут ко дну. Вода зеленая, мутная, наполненная бактериями, цветет. Озеро с каждым годом мелеет. В отдельные годы его уровень понижался на 20 сантиметров за лето.

Ила в озере столько же, сколько и воды. А толщина его пласта достигает пяти метров. Три четверти поверхности озера покрыто пятнами водорослей, как островами. В воде и в иле скопилось колоссальное коли-

чество органики, фосфора, азота. Эпидемиологи обнаружили кишечную палочку — признак того, что в озеро попадают фекальные стоки. В знойное лето вполне вероятно вспышка бактериального заражения воды, подобного тому, которое случилось в 1988 году на Рижском взморье и на Черном море у Одессы. Уже были заморы рыбы. Поредел лес по берегам, а с юга он вовсе исчез. И теперь зияет тут дикая пустошь.

Ученые высчитали: при такой ситуации жить озеру не более 15-20 лет. А потом оно превратится в болото, каким стало озеро Шувакиш на севере города и озеро Малый Шарташ на юго-востоке.

Это приговор, суровый и беспощадный. И что же, встревожил ли он кого-то, бросились люди спасать жемчужину города? Нет. Поразительно, но это так.

Может быть, о беде Шарташа знают только специалисты? Нет, об этом пишут газеты, говорит радио. Проблему Шарташа обсуждали в городском комитете комсомола, в горкоме партии, в горисполкоме. Знают о состоянии озера школьники, знают учителя, знают взрослые. Так в чем же дело? Почему ничего не предпринимают для его спасения?

Чтобы ответить на эти вопросы и разобраться в ситуации, нам придется заглянуть в отдаленное прошлое, окинуть взглядом три века...

Великий знаток Урала и краевед Наркис Чупин, описывая строительство на Исети в 1723 году завода и крепости Екатеринбург, упомянул, что в шести верстах от крепости расположено озеро Шарташ и поселок. С началом строительства завода поселок сильно разросся...

Название озера перешло на селение. Его первые избы срубали строверы и кержаки еще в последней четверти 17-го века. Поселенцы добывали на озере рыбу и дичь, брали воду для питья и хозяйства. Вот так незаметно и положили они начало освоению озера. Конечно, будучи людьми верующими, они относились к воде и к окружающей природе как к дару божьему, а как труженики и добрые хозяева делали все, чтобы озеро и берега оставались красивыми и чистыми, а вода пригодной для человека. Понимали, что к чему, хотя и не ведали об экологии. А вот когда начали строить завод на Исети, а потом второй, повезли с Шарташа подводами строительный песок. И с тех пор вывозили его, не останавливаясь, вплоть до 20-го века, пока не выскребли с берегов до последней лопаты. С 1910 года стали брать песок аж из-под воды зимою со льда. Так озеро лишилось песчаного основания. Это был первый мощный удар по Шарташу.

В 1745 году Ерофей Марков обнаружил на речке Березовке в шести верстах к востоку от озера самородное

золото, первое на Урале. Вспыхнула золотая лихорадка. Тогда и родилось: Урал — земля золотая. В поисках золота изрыли ямами берега озера. Они сохранились до сих пор. Потом в них выкальвали пластами строительный камень.

В 1756 году от озера к Александровским прудам на речке Березовке прорыли глубокий ров, чтобы шарташской водой промывать березовское золото. Своей воды не хватало. Это оказалось вторым ударом по Шарташу.

В 1829 году на Урал прибыл великий немецкий ученый, естествоиспытатель и путешественник А. Гумбольдт. Он осмотрел Березовские золотоносные рудники. Уже тогда в шахтах скапливались подземные воды, мешающие работам. Начальство не знало, как избавиться от этой беды. Гумбольдт высказал предположение о связи Шарташа с шахтными водами и порекомендовал сбросить воды Шарташа в реку Пышму, понизив уровень озера. Горный мастер и служащий горного правления, открыватель первого россыпного золота на Урале Лев Иванович Бруншицн хорошо знал местный рельеф и не согласился с выводами ученого. Но авторитет Гумбольдта был слишком велик. Следуя его совету, в северной оконечности озера пробрили штольню, прорыли канал, и воды Шарташа устремились в речку Калиновку и Пышму. Это был третий, уже смертельный удар по Шарташу. К 1834 году озеро вытекло. В котловине остался водоемчик площадью 45 гектаров. А рудники по-прежнему заливались подземной водой. Великий Гумбольдт ошибся, мастер Бруншицн был прав.

К счастью, штольню вскоре затапило илом. В озере накапливалась вода. Но потребовалось целых десять лет, чтобы оно достигло былых размеров. Конечно, это было уже иное озеро, с иной жизнью.

Все последующие десятилетия уровень воды в Шарташе то повышался, то вновь падал. Накапливался ил, озеро загрязнялось. В 40-е годы нашего столетия оно окончательно заилилось, стало бессточным.

В 1959-60 годах была принята попытка очистить озеро от ила гидромеханическим способом, земснарядом. Но желаемых результатов не получили. Состояние озера не улучшилось. Ил выбрасывали на берег, а он опять стекал в озеро. К тому же, местами ил как бы зацементировал грунт, преградив путь грунтовым водам, питающим озеро. В те же годы повезли на заиленные берега песок, чтобы хоть как-то обозначить пляжи.

В малоснежные и засушливые семидесятые годы уровень воды в озере резко снизился. Тогда-то и прозвучал голос общественности в защиту озера. Развернулись более углублен-

ные гидрологические исследования. Горисполком принял решение «О неотложных мерах по оздоровлению озера Шарташ». Был разработан и утвержден правовой документ: «Инструкция по правилам эксплуатации водоема». Составлена схема (проект) очистки озера от ила и использования его как органического удобрения и подпитки озера из других водоемов. Разработан проект благоустройства берегов. Осталось только начать работы. Но годы шли, а к ним не приступали, чего-то выжидали, чего-то опасались, пугали масштабы дела, захлестывала текучка, да и свободных строителей не было, не находилось и требующиеся миллионы. Думали: Шарташ подождет.

Но тут произошло невероятное: озеро, словно мстя людям за медлительность и нерешительность, вышло из берегов, затопило насыпные пляжи, южный поселок Пески, лес, луга. С 1982 года в связи с общим увлажнением территории начался резкий подъем воды в озере. Но оно по-прежнему оставалось заиленным, загрязненным, требовало очистки. Появилась и новая, более страшная опасность. В горисполкоме одной рукой подписывали решение о спасении озера, а другой — документы о строительстве на его водоохранной площади жилого массива и других объектов, то есть о гибели его. Железобетонные клещи урбанизации сжимали горло озеру.

...Высок и обрывист восточный берег Шарташа. Гранитными плитами и глыбами опускается к воде. Сверху хорошо просматривается весь берег, вся водная гладь озера. Совсем узкая полоска леса синее на западном берегу. А со всех сторон подступают громады домов. Огромным стал и поселок Шарташ, дугой охватив пол-озера.

Ветрено, волны плещутся о камни и говорят, говорят о чем-то сердито, ворчливо. Я часто бываю здесь, вглядываясь в шарташские дали, всматриваясь в остатки того старого шарташского песка, сохранившегося под валунами, вслушиваясь в говор волн и думаю о трудной судьбе Шарташа. Триста лет его жизни ушли в небытие сквозь его песок. Тяжелое наследие оставили нам здесь предки. Но мы ведь умнее и опытнее их, и обязаны, и можем исправить, а не усугублять их ошибки.

Свердловский центр научно-технического творчества молодежи «Экология» берет шефство над озером, организует его очистку шнековым земснарядом со льда. Блеснул первый луч надежды. Но это лишь первый шаг. Найдется тут дело и для наших юных читателей. Видимо, потребуется создать и общественный комитет по спасению Шарташа, как зоркое око и глас народа.

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О САДЕ

В городе Нерчинске, в Забайкалье, есть дворец купца-промышленника Михаила Дмитриевича Бутина. Простояв в целостности и сохранности более ста лет, это здание лет шесть-семь назад воспламенилось, и середина его выгорела. И никому дела нет до дворца...

Еще в 20-х годах рядом с дворцом М. Д. Бутина находился сад. Вот как описывала его газета «Сибирь» (№ 174 от 1907 года):

«На пространстве 5—6 тысяч квадратных сажен идут густые аллеи разных пород деревьев с клумбами цветов, беседками, павильонами, фонтанами.

До последнего времени сад подерживается и тщательно оберегается почтенной сестрой покойного Михаила Дмитриевича Бутина Татьяной Дмитриевной Мауриц. Она живет в саду, в окруженном густыми деревьями одноэтажном деревянном доме с башней наверху. Она круглый год окружена цветами: цветы — в комнате, цветы — в саду. Цветы — ее жизнь.

Среди сада расчищена довольно большая круглая площадка, усыпанная песком, посреди которой фонтан с громадным резервуаром, и вокруг него цветы не только садовые, но и оранжевые.

Главная сила для поддержки сада — ключевая вода, проведенная из соседней пади Зырянних по боковым аллеям и желобам. В саду — пять фонтанов со статуями древнегреческих богов и богинь, а около фонтанов опять цветы, цветы... Несколькими беседок ажурной работы, самая большая «мавританская» подобна белому кружеву, она хорошо видна сквозь зелень с городской площади, а перед беседкой — гигантский фонтан, обсаженный декоративными и лиственными деревьями, привезенными с берегов Байкала...»

Как будто перед тобой приоткрыли занавес рая. Цветы, зелень, фонтаны. Приоткрыли и закрыли навсегда. Нет больше нерчинского сада. Лишь два-три чудом уцелевших дерева, лысые полянки, бесчисленные тропы, а рядом — полусгоревший дворец. Может быть, настанут времена, когда дом восстановят и сад зацветет?

Н. РУНОСОВ

ТАМ, ГДЕ ЗАРОЖДАЮТСЯ РЕКИ

Со склонов Урала сбегает множество рек, речек и ручьев, составляя богатство не меньшей ценности, чем его легендарные недра.

Из всех его рек, текущих в Европе, Чусовую отличает то, что она начинается на восточном склоне. После слияния южной города Полевской Полдневой и Западной Чусовой она

течет на север и вскоре на южной окраине села Курганово резко поворачивает на северо-запад, чтобы затем прорезать Уральский хребет.

А мы с вами выберем направление противоположное этому и пройдем по болотистой родниковой долине речушки Курганка протяженностью километров пять. Выше истока ее находится низшая точка водораздельной линии, и только здесь, наверное, можно вот так, почти незаметно, ступить из Европы в Азию. Там же на дневную поверхность выходят гранитные корни гор.

Подземные воды из верхних трещиноватых этажей и просочившиеся атмосферные осадки стекают сюда и, встречая плотные водонепроницаемые граниты, накапливаются в понижениях рельефа, чему и обязано обилие здесь больших и малых болот — полных воды круглый год и дающих начало сибирским рекам.

Не надо пенять, что леса в болотах ущербны, ведь у них совсем другое предназначение. Для сбора подземных вод, защиты их от испарения и загрязнений лес един во всем своем разнообразии. А испарение с пашен и сброс из болот в дренажные канавы снижают их уровень, истощают запасы не только забираемых нами, но и тех, что питают пока приоткрытые сибирских рек.

Можно было бы и не говорить о таких довольно тривиальных вещах, если бы не массированное наступление на болота к югу от Свердловска. Нынче только что завершена распахка левобережья Курганки до ее истока, что вскоре осушит источники. Тем более, существуют поля и по правобережью.

Но особенно мощно наступление ведется восточнее, вдоль железной дороги на Верхний Уфалей и Челябинск. Лет пятнадцать тому назад появились поля на болотах Седельниковского гранитного массива. Пять лет осушаются болота и вырубаются под пашню обширные березовые леса южнее поселка Шабры, а сейчас готовится к осушению полоса почти постоянно затопленного березняка в обход глухой еще недавно станции Приисковский. Приближается, по-видимому, очередь обширного клюквенного, с криками журавлей, болота, в котором с нанизанной на нее гирляндой трех озер начинается речка Каменка.

Что сделано, то сделано, не вернуть. Пусть — если сохраняется лес, расположенный западнее железной дороги. Но в том-то и дело, что это не так. В самой глуши его, в болоте против той же станции Приисковский четыре года расстраивается коллективный сад Уралхиммаша. В прошлом году отведен участок вверх по протекающему там ручью. Спилили и выкорчевали даже сосны в полосе тридцати-сорока метров. Дренажную канаву заложили там, где росли

венерины башмачки, ближе десяти километров оттуда не встречающиеся.

Прослеживается явная закономерность. Болота стали рассматривать как ненужные уголья. Это вроде, как лесная пустошь. Идет планомерное наступление на природу, массированное освоение уникального водораздела, видимо, по простейшей схеме: сохранить строевой лес для вырубок на вершинах и распахать (или, по крайней мере, отдать под сады) остальные площади. Прямолинейное выполнение задачи самообеспечения продуктами питания нашего насыщенного промышленностью края. Выполнить — значит будут пашни, чтоб накормить работающих. И будут промышленные предприятия, необходимые стране. И будет ежесуточно по скупому глотку лесного воздуха каждому в окружающих городах...

Следуя этой схеме, человечество не доживет ни до последнего глотка кислорода, ни до последнего кусочка пищи. Прежде оставит себя без воды, пригодной в питье, бесцеремонно вмешиваясь в ее естественный круговорот.

Может быть, именно здесь надо остановиться еще до того рокового шага. Не просто сберечь для потомства, в возможно естественном виде, как памятник природы уголок ее между Свердловском, Сысертью и Полевским, не просто оставить здесь санитарную зону, зону для восстановления сил, источник радости для отдыхающих; но сохранить и бассейн питьевой воды, истоки сибирских рек, чтобы те напоили поля зауральских нив.

Анатолий СМЕРНОВ

БУКЕТ В МУСОРЕ

Свежий букет полевых цветов! Купальницы, колокольчики, незабудки, васильки, ромашки... Неброские с виду, не сильны ароматом, не пьянят, не дурманят, подобно сирени. Однако скромницы эти весьма любопытны для глаза и прекрасны каждая сама по себе. Вглядись в них — и различь миниатюрные кувшинчики, крылышки, неповторимые узоры и орнаменты. Но более всего в полевых цветах — разнообразнейших крохотных подобий солнца, властителя и творца всего живого на Земле.

Мы замечаем: каждый цветок, оригинальный и совершенный сам по себе, не теряется в букете, а наоборот, еще выразительнее подчеркивает свои особенности. Мы чувствуем: наполнишь вазу чистой водой, поместишь в нее букет, и в комнате на несколько часов поселяются краски и запахи лета. Но — всего лишь на несколько... Вскоре мы выбрасываем букет, он быстро увял и кажется нам не нужным. И нет уже запаха и краски лета в нашем жилье, нет настоя-

щего лета и в том месте, где мы рвали цветы. Оскудел и поблек луг.

Не навсегда ли? Об этом мы не задумывались, когда рука сама собой тянулась к цветку, к стебельку беззащитной красоты, к ветке черемухи или сирени. Мы эгоистично глухи в те минуты.

А внимательно прислушавшись и поразмыслив, мы бы, к примеру, уловили, с какой пронзительной новой грустью звучат слова из популярной песни: «...Ландыши, ландыши, светлого мая привет...» Со смертельной горечью они звучат, потому что не собрать уже белого букета. Ландыши луговые, как и водные белые лилии, почти начисто уничтожены нашей рукой и занесены теперь, я слышал, в «Красную книгу» как растения, вымирающие по вине тех, кто бездумно рвал, точнее сказать, убивал земную красоту ради своего минутного удовольствия. Да еще под мелодию вроде бы симпатичной песни. И чья теперь очередь исчезать?

Употребляю слова «я слышал» потому, что приобрел и прочел «Красную книгу» мне пока не удалось. Где ее найти и купить? Почему не распространена она в таком количестве, чтобы иметь ее в каждой библиотеке, школе и даже в каждой семье? Польза была бы преогромная! Но — кто ответит на эти вопросы?

Призыв — не рвите, не топчите полевые цветы! — звучит не впервые. Но повторять его надо. И все настойчивее, громче! Задумайтесь: может быть, вы, не подозревая того, срываете и тем самым уничтожаете последний цветок редчайшего, исчезающего вида, может быть, набираете последний букет, сплетаете последний веночек... И наносите непоправимый ущерб зеленому царству природы, а в итоге — самим себе и последующим поколениям.

Уничтожить редкий цветок — это все равно, как если бы убить последнего вымирающего зверя или птицу, изорвать старинную книгу, разрушить памятник культуры. А ведь их уже не восстановить. Это равносильно тому, что отрываем мы от своей души самую лучшую, самую добрую и вечную ее часть и топчем ее, убиваем, обрекая и себя на духовное вымирание.

...На такие вот нелегкие размышления наводит увядший и брошенный в мусор букет полевых цветов.

В. СТЕПАНОВ

Сергей
КАЗАНЦЕВ

СОЦКОН-1

Лет через пятьдесят наберите это название на терминале своего персонального компьютера (наверное, не такого простенького, как наш нынешний редакционный «Атари»), и информаторий ВС КЛФ выдаст на ваш дисплей такие данные:

«Соцкон-89 — первый международный конгресс любителей фантастики социалистических стран, первая на территории СССР международная фан-встреча, организованная ВС КЛФ и КЛФ «Арго» (г. Николаев, пред. Л. Куриц) по решению Совещания заведующих отделами культуры Центральных комитетов Коммунистических союзов молодежи (Москва, 1989). 3-9 сентября 1989 г., база отдыха «Бригантина» Николаевского обкома ВЛКСМ, пос. Коблево, берег Черного моря. Участники: 70 КЛФ из 52 городов СССР, 120 чел.; 7 КЛФ из 7 городов Болгарии, 33 чел.; 2 КЛФ ГДР, 6 чел.; 2 КЛФ Польши, 3 чел.; 1 КЛФ Румынии, 4 чел.; 2 КЛФ Чехословакии, 5 чел.»...

...И строчки будут дальше плыть, светясь, по вашему экрану... А мы отвлечемся от сухой информации и вспомним, как это было.

Одесса встретила нас дождем... Нет, не так. Дождь — он и в Африке дождь. Одесса встретила нас громадным синим транспарантом, растянутым над площадью у аэропорта. На транспаранте оранжево: «ФАНКОН». «Фанкон», «Фанкон», «Фанкон» — на каждом перекрестке, на Привозе, над аллеями каштанов, за стеклами витрин... Одесситы, празднуя день рождения родной «жемчужины у моря», в тот же день открывали свой праздник любителей фантастики.

Первая мысль: как неудачно... Совпали два интереснейших фестиваля фантастики. Куда смотрел ВС КЛФ?!

Повздыхали. Побродили полдня под проливным дождем по «маме», на Дерибасовской полюбовались карнавальным шествием, в котором мужественные одесситы и еще более героические одесситы оказались не все прикрыты зонтами, а некоторые и не полностью одеждой; поклонились

лись отчего-то нахмурившемуся Дюку и черным южным вечером в девять часов в кряхтящем от усердия и старости ГАЗ-69 ринулись в Коблево, на свой остров в местном океане фантастических торжеств.

Стихия нас не баловала. На второй же день (вернее, ночь, но на Соцконе все они сливались воедино) разразилась страшная гроза, от которой светилось море и фосфоресцировал прибой (безумно фантастическое зрелище!), из-за чего весь наш социалистический фан-лагерь остался на сутки без электричества и на трое — без воды. По-моему, никто не обратил на это внимания.

Для рассказа об одесском фестивале процитирую пришедшее в редакцию письмо от участника Фанкона-89 Константина РЫБАЛКО из Саратовской области:

На Фанконе

«ФАНКОН» — это фантастика для всех! Это фантастика плюс контакты, конкурсы, концерты. Вечером 2 сентября в мелькании лазерных лучей и под вибрирующие звуки электронной музыки фестиваль фантастики открылся. Среди поздравивших хозяев и гостей были и известные всем любителям КВН члены «Клуба одесских джентльменов». Опустел Украинский театр далеко после полуночи, когда закончился фильм К. Лопушанского «Посетитель музея». Да и в дальнейшее много спать не приходилось. Рабочий день Фанкона начинался за час до полудня на «круглом столе» «Человек и будущее», который вел Георгий Щедровицкий, и завершался в три ночи, когда заканчивал работу «Профессиональный клуб».

На Фанконе прошли конкурсы фантастов-профессионалов, молодых авторов, зарубежных фантастических кинофильмов, дипломных работ ВГИКа, конкурс фантастического юмора ФАНТЮМ с участием Михаила Жванецкого, выставка фантастического рисунка, контакты с учеными, писателями, деятелями кино, откликнувшимися на приглашение организаторов фестиваля. Член-корреспондент международной ассоциации парапсихологов Эдуард Наумов привез в Одессу обозрение «Психонавтика — мир внутри нас»; о своих походах по следам снежного человека рассказывал Игорь Бурцев; делились с собравшимися мыслями о путях и перспективах развития советской фантастики Еремей Парнов и Василий Головачев; с лекцией выступал Владимир Савченко.

Особой популярностью на фестивале пользовались выступления знаменитого Алана Чумака.

Под председательством И. Н. Ковшуну проходили заседания семинара по аномальным явлениям. Тематика

обсуждений была столь же фантастичной, сколь и разнообразной — от спектрального анализа «вакшской находки» (возможно, обломка НЛО) до демонстрации фотографий зрительных галлюцинаторных образов. На семинар приехали из Ярославля руководители групп по изучению АЯ Валерий Кукушкин и Юрий Смирнов; Владимир Мантулин из Харькова информировал собравшихся о близких контактах первого, второго и третьего рода; Валерий Двужильный из Приморского края доложил об исследованиях на месте аварии НЛО. Огромный интерес вызвал рассказ заведующего лабораторией психотроники НИИ теоретических проблем АН СССР В. Т. Исакова об исследовании случаев полтергейста — Барабашки, Домовушки и самых разнообразных Чебурашек.

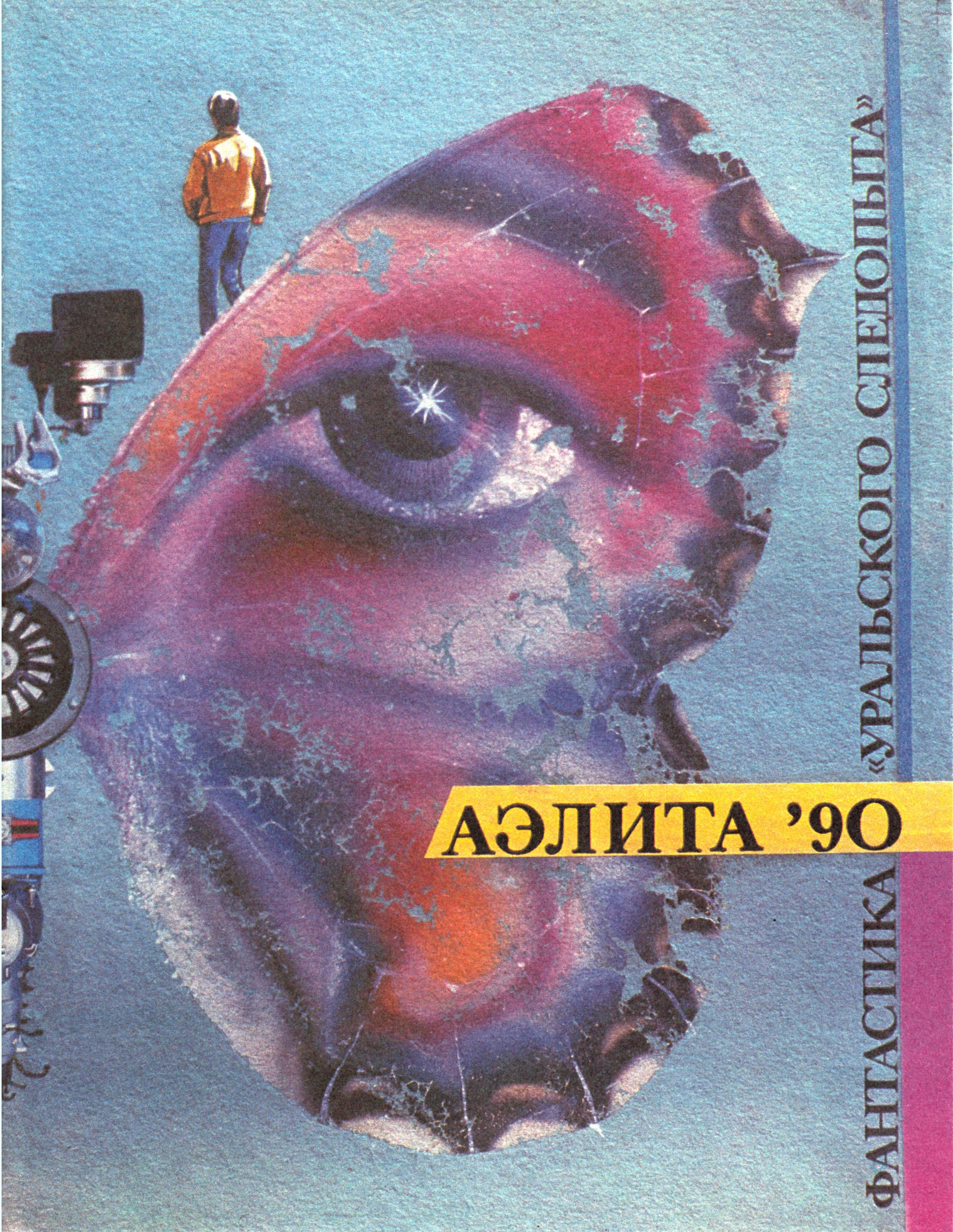
Кого только не было на Фанконе в Одессе — философы, социологи, астрономы, физики, врачи... Всех их объединила фантастика. И наверняка каждый участник фестиваля увез домой фанконский сувенир — действующую модель неразменного пятака ГОСТ 718-62», о массовом изготовлении которой позаботились организаторы фестиваля — одесское творческое хозрасчетное объединение любителей фантастики «Земляне».

Однако вызывает удивление то обстоятельство, что Фанкон в Одессе и Соцкон в Николаевской области проводились одновременно. Ведь в году пятьдесят две недели — неужели так необходимо было проводить оба столь редких у нас фестиваля фантастики в один и тот же срок?..»

К сожалению, ничего не могу добавить к словам Константина Рыбалко, ибо сам не видел и не слышал, не имел счастья лицезреть. Выезжали мы из Коблево экскурсией в Одессу, ан увьи... «Все билеты проданы, мест свободных нет!» — и пошли мы во второй раз любоваться прекрасным городом...

Ну, все. Вернемся, наконец, к Соцкону.

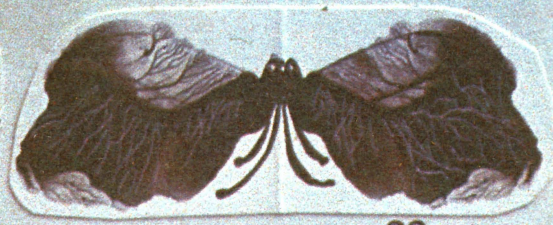
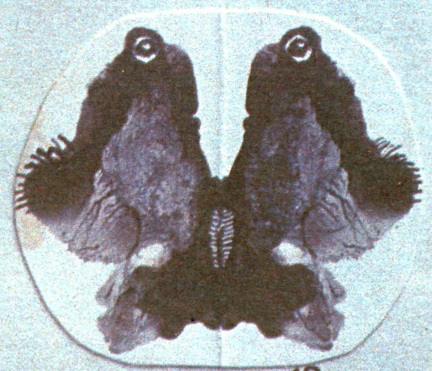
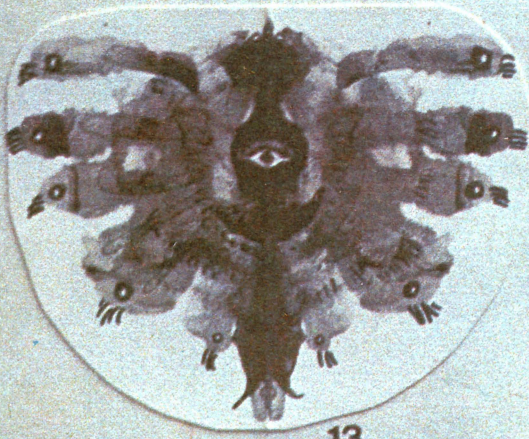
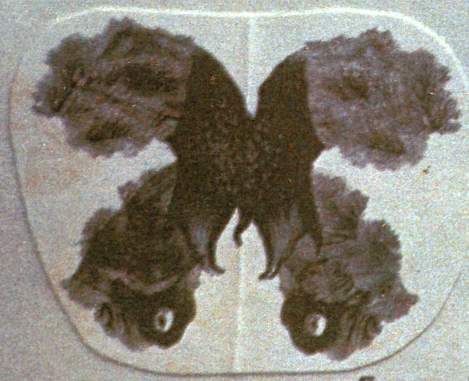
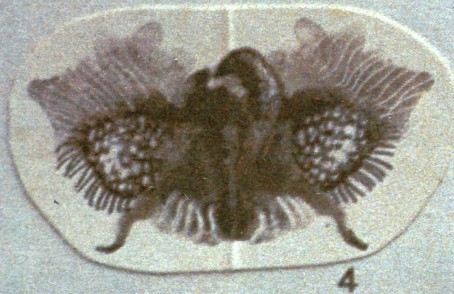
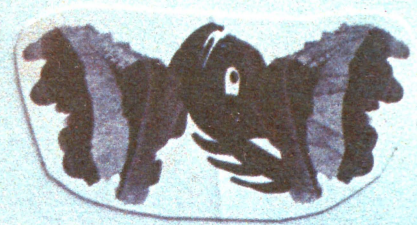
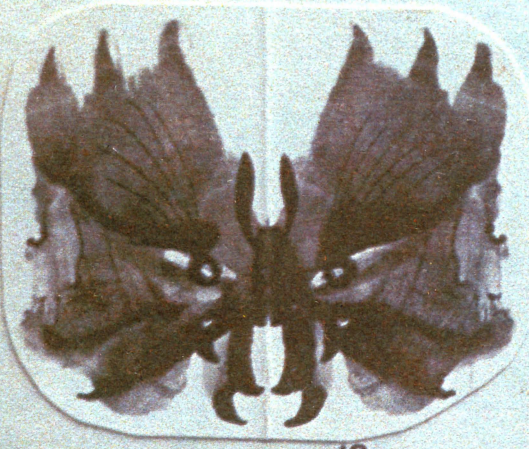
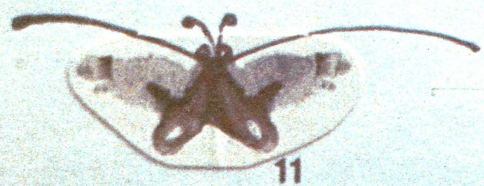
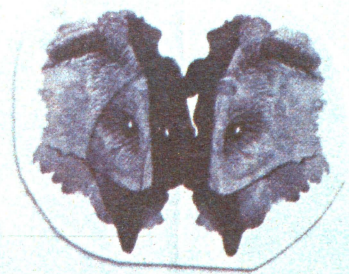
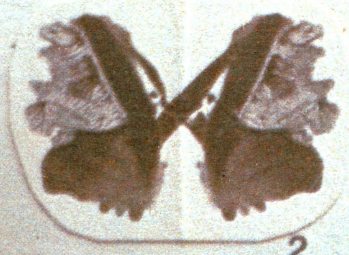
Начался он с радостных кликов узнавания. Боже, боже, сколько лиц, знакомых по свердловским «Аэлитам»! Неужто нас так мало, и лишь перемещаясь одной группой по стране, мы создаем видимость массового движения? Нет, нет же, прочь, лукавый, — дело, видно, просто в том, что на масштабные мероприятия собираются одни и те же. Как мне показалось, в основном председатели КЛФ. Демократично, а? Поскольку, похоже, и на «Аэлиту» придется таки устанавливать квоту — проблема обострится. Так, может, проводить в клубах конкурсы и победителям вручать путевки на фан-фестивали, да еще помочь им материально, а то что-то стало дорожать бескорыстное

«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

АЭЛИТА '90

ФАНТАСТИКА

ранее увлечение: 120 рэ вступительный взнос на Соцкон — не шутка! Для нас же — хороший урок: «Аэли-та» твердо решила не приставать с подобными нескромными предложениями ни к мужчинам, ни к женщинам, не выворачивать их карманы.

...Ах, как умирительно смотрелись в фирменных, с рисунком инопланетянина майках Соцкона Еремей Парнов и Аркадий Стругацкий, сидячи в президиуме торжественного открытия. Зрители в зале от восторга падали рядами. В буквальном смысле, потому что оказалось, что ряды не успели к полу прикрепить. Если это было задумано нарочно, — гениальная соорудилась приправа, скрасившая, а то и закрасившая дипломатическую чопорность и всяческий официоз.

Которого, вроде, и не было. Задушевное приветствие произнес В. И. Савченко на украинском языке. Чем вызвал бурные аплодисменты. «Вас встречает, — перешел на международный русский язык Владимир Иванович, — страна с 50-миллионным населением и духовным потенциалом не меньшим, чем у Франции». Страна эта — Украина. В. И. Савченко подвел итоги первого конкурса — на название соцконовского талисмана. Симпатичного зелененького инопланетянина (его, как и все оформление фестиваля, создал художник КЛФ «Арго» Игорь Шаганов) назвали Фэнко. В имени, звучащем по-украински, слились «фэн» и первый слог от «Коблево». Как ни странно, автор-победитель пожелал остаться неизвестным. Экспресс-расследование предположило, что им был кто-то из болгар.

Зам. председателя ВС КЛФ Михаил Якубовский отметил небывалую для фан-фестивалей деталь: впервые на встрече фэнов столько представителей издательств. Добрый признак. Издатели начали прислушиваться к читателям и даже поддаваться на их просьбы. Например, Елена Клокова из Южно-Сахалинска уговорила свое издательство выпустить книгу Г. Каттнера «Механическое эго» и разослала ее по клубам.

Румынский писатель-фантаст Александру Миронов на прекрасном французском через обаятельную переводчицу предложил совместными усилиями выпускать международный фантастический журнал на многих языках. Александру напомнил, что он выступал с этим предложением еще 19 лет назад, на первом Евроконе, в Италии. Сейчас он видит, что дело может сдвинуться, наконец. И прямо здесь можно подобрать редакцию и авторский актив — столько собралось писателей, издателей и журналистов. (Забегая вперед, с сожалением констатирую, что и на этот раз мечте А. Миронова не удалось осуществиться — видать, настолько она фантастична. Хотя чем-

то подобным поманил болгарский издатель Атанас Славов. Но об этом рассказ впереди.)

Омский КЛФ «Алькор» сообщил, что очередной приз «Великое кольцо» всенародным референдумом КЛФ присужден писателем Любови и Евгению Лукиным (Волгоград).

И начались встречи.

Иной раз они совпадали. Явление, в общем-то, не аномальное. На «Аэлитах» до десятка секций занимаются в одни и те же часы. Но здесь выбор был очень труден. Ну кто способен променять на любое секционное заседание встречу с Игорем Марковичем Росоховатским и Владимиром Ивановичем Савченко, предупреждающими о нравственной и экологической катастрофах с искренней болью за человечество! Мир в колбе, мир перед точкой закипания... Удастся ли нам предотвратить взрыв? Нам, нам, всем нам, а не ждать, когда с этим справятся правительства.

На пресс-конференции с А. Н. Стругацким Аркадий Натанович вернулся к этой теме: мы как бы в колбе — все кипит, что-нибудь да сварится. Отвечая на просьбу высказать свой политический прогноз, А. Н. предположил, что еще год наша экономика будет ухудшаться — пока мы не научимся работать, а не зарабатывать; затем — лет пять-шесть — бушующий поток инициатив, идей — и политических, и технологических; что-нибудь да получится, мы снова встали на ноги и еще сможем показать всему миру, что способны на взлет. Если, конечно, не доведем себя до петли, от чего с тревогой предостерегал В. И. Савченко (прекрасно выступивший!). Если не — то будет та самая розовая картина, изображаемая давними утопистами; может, минус увлечение технологией и минус изучение природы, — когда-нибудь должен Homo sapiens заняться изучением самого себя. Ведь изучение природы имеет прикладной характер — как очередь с талонами на мыло и на сахар: вот подвигаемся, вот подаем талоны и получаем... Надо изучать законы массовой психологии, массовой педагогики.

Из множества вопросов и ответов рискнул выбрать на свой вкус еще один. Аркадия Натановича спросили, как он относится к идее и надежде создать серию детской фантастики? Вопрос актуальный, с этой идеей уже не впервые выступает (в том числе и в «Уральском следопыте») член ВС КЛФ Анна Белошистая (Мурманск).

— Идея эта, — отвечал А. Н., — старинная мечта Детгиза, где я работал в середине 60-х годов. К сожалению, тогда не удалось ее осуществить в полной мере, получилась только не очень удачная «библиотека приключений и научной фантастики». Создать сегодня подписную

библиотеку детской фантастики было бы роскошно! Да сделать ее дешевой, да издавать миллионами экземпляров... Памятник надо поставить тому, кто этого добьется. Я мог бы здесь назвать состав ее редколлегии, но начальство все равно назначит своих — тут вы и ахнете... А в свой том в этой библиотеке братья Стругацкие включили бы «Малыша».

Не удержусь передать даже в кратком отчете еще один ответ А. Н. «Когда будет новый роман?»

— Нескоро. Пока мы пребываем в полной растерянности, не зная, о чем писать о главном — а фантастика должна быть только о главном. Так что придется два-три-четыре года простоять «всухую»...

...О всех встречах невозможно рассказать, не хватит целого номера нашего тощего журнала. Мне кажется, даже одни только краткие отзывы, которые я слышал об общении с критиками Анатолием Федоровичем Бритиковым и Владимиром Львовичем Гопманом, составили бы учебник для начинающих рецензентов, а кстати, рецензирование в работе фэнов должно стать одним из важнейших направлений, воспитывая зоркость чтения и правильность и корректность оценок.

В культурной программе Соцкона прекраснейшим образом выступили: детский образцовый ансамбль танца «Счастлиное детство» (рук. Н. И. Калачева), камерный ансамбль «Каприччио», ансамбль бального танца «Фламинго», рок-группа «Репортаж», театр моды ШО им. Кирова, ВИА «Золотой колос» из агрофирмы «Коммунист» — всем им спасибо! За добрую сотню км добрались они сюда из Николаева и Баштанки и встретили теплый прием.

На конкурс молодых авторов был представлен 31 рассказ 13-ти авторов из 12-ти городов 2-х стран, 3-х советских союзных республик — от Вильнюса до Сахалина. Географический размах конкурса, увы, не перешел в разлет художественности. С трудом международное жюри в стеснительном лице Александра Карапанчева, добродушной улыбке Виталия Бабенко, вытянутой физиономии невольно сравнивающего с «аэлитовскими» семинарами автора этих строк, под председательством Владимира Дмитриевича Михайлова продралось сквозь иной раз и четвертые машинописные экземпляры и установило резкий отрыв от лидирующей группы Евгения Маевского (Москва), ему присужден диплом I степени, его рассказы рекомендованы к публикации в журналах «ФЭП», «Наука и религия», «Уральский следопыт». Отмечено странное совпадение: первый лауреат первого литературного конкурса первого Соцкона оказался переводчиком с японского, как некоторые уже известные писатели-фантасты. Диплом второй

степени получил Атанас Славов (София, НРБ), кооперативу «Текст» предложено издать его в СССР. Третий диплом — у Владимира Васильева (Николаев), кстати, рекомендованного публикаторам еще на семинарах «Аэлиты»-88 и -89, рассказ его «Садовая, 7», отмеченный на Соцконе, напечатан в № 10 «УС» за прошлый год. Поощрительный диплом заслужили братья (что, еще одна традиция в НФ?) Виталий и Дмитрий Капрановы из г. Очакова, а ныне московские студенты.

На встречах с зарубежными делегациями выяснилось, что у нас во многом общие проблемы — и фэновские, и социальные, и политические.

Мне посчастливилось часто беседовать с соседями по жилому корпусу — супругами Фенерковыми из болгарского города Враца. Истовые фэны, они собрали библиотеку фантастической литературы из 5 тысяч томов и составили каталог еще на 50 тысяч наименований. Кристина — филолог, переводчик (взялась, кстати, переводить свердловского фантаста Сергея Другалю). Она в своем детском КЛФ прививает детям творческое воображение, начиная свои уроки с «Учебника для волшебников» Георгия Гуревича. Но в систему государственного обучения внедрить фантастику не удается. (А я рассказывал о своих детях, ушедших в альтернативную «Семейную школу», единственную в Свердловске, а может, и в СССР, работающую по собственной программе, где в гуманитарном комплексе одно из направлений — сказки и фантастика). Димитр — эколог, работает в природоохране. Браконьеров не боится, а вот химические заводы — убийцы природы — ему не по зубам. Нет у него власти над директорами — ищет Димитр в фантастике-предупреждении доводы для устных увещеваний... Да, болезни у наших стран одинаковые. Будем надеяться, что это болезни роста, и лихорадка перестройки — путь к излечению.

Оценку нашей перестройки в неожиданном ракурсе услышал я на встрече с делегацией ЧССР. Энергичный, заводной Ярослав Олша принял азартно критиковать свое правительство за то, что оно не дает разрешение на выпуск центрального, общечехословацкого журнала фантастики. И кто-то сбоку шикнул встревоженно: «Тс-с-с!..» Ярослав, не сбаявля тона, парировал: «Ничего, теперь можно — у них перестройка!» Что ж, в таком случае и мы могли бы с горечью напомнить нашему правительству о том, что открытия советского журнала фантастики много лет ждут сотни тысяч, а то и миллионы ее любителей. Особенно нелепым кажется это ожидание сегодня, когда появляются все новые и новые издания, а старые зазывно распахивают свои страницы перед

нашей Золушкой, ранее не допускавшейся на государственный печатный бал.

Нам есть чему поучиться у друзей-соседей. В ЧССР выходит около сорока серьезных, не на машинке отстуканных фэнзинов, среди них «Интерком», например, насчитывает уже более 70 номеров. Но — конечно же! как и у нас — есть проблемы с множительной техникой, запрет на которую чаще всего является признаком не совсем цивилизованного государства. Поскольку издавать периодический регулярный журнал так же не очень цивилизованно не разрешено, чехословацкие фэны пытаются через Международную ассоциацию журналистов выпускать НФ антологию: четыре раза в год, 64 страницы, мягкая обложка, пока до 70 тыс. экземпляров, половина — чешские авторы, половина — зарубежные; называться будет «Светы (миры) фантастики».

Польский ежемесячник «Фантастика», лауреат Еврокона-89, известен всем. Как сообщать представитель издательства «Альфа» Виктор Букато, в дополнение к нему планируется ежеквартальный «магазин» для детей, и свободная группа, выпускавшая фэнзины, решила тоже издавать свой журнал.

Третий год выходит в Болгарии журнал «ФЭП (Фантастика. Эвристика. Прогностика)». С первых выпусков он избрал одним из главных своих направлений — поиск и поддержку молодых авторов. Журнал объявил конкурс, с прошлого года получивший имя одного из основоположников болгарской фантастики Светослава Минкова (его первая книга «Синяя хризантема» вышла в 1922 году). На конкурс, рассказала член редколлегии «ФЭП» Петя Димитрова, поступает до 300 рассказов из разных стран. Одним из первых его лауреатов стал Владимир Вольф из Винницы (кстати, участник семинара «Аэлиты»-89). На Соцконе-1 заключено соглашение между «ФЭП» и «Уральским следопытом» об обмене материалами. Первые подборки наши журналы напечатаны в этом году.

В Румынии под влиянием фэнов несколько лет назад начал выходить альманах «Антиципация (Взгляд в будущее)». Он появляется один раз в год, зато на 1000 страницах, большинство из которых отдано молодым авторам. Плюс в каждом выпуске — один профессиональный роман (в 1988 году это был «Жук в муравейнике» Стругацких). Александру Миронов составил уже три тома антологии молодых. Он назвал мне несколько примечательных имен: Михаил Грэмэску, Кристиан Тудор Попеску, Александру Унгуряну, Овидиу Буфнилу, Люциану Ионика, художник Корнель Ионичель — А. Миронов хотел бы, чтобы с их творчеством

познакомились и советские читатели. Но для этого нужен международный журнал.

Подобный проект осуществляет в Софии Атанас Славов. С помощью фирмы «Американ» он собирается издавать журнал «Орфей», типа нашего «Спутника», 300 страниц, многокрасочный, на английском языке — экспортный, чтобы представить фантастику славянских стран на Западе, в первую очередь в США. Когда накопится прибыль, через 2-3 года, «Орфей» будет выходить на болгарском и русском языках. 20 процентов валютной прибыли планируется направлять на приобретение лучших сортов бумаги и современного полиграфического оборудования для печатания фантастики в других социалистических странах. Фантастика? Увидим, доживем.

И в завершение вернемся к сфидиальной информации.

На итоговом совместном заседании оргкомитета конгресса и руководителей национальных делегаций решено присвоить звание лауреата Соцкона-89:

за творческие достижения в фантастике: от Болгарии — Л. Николову, от ГДР — М. Самайту, от Польши — Э. Внук-Липиньскому, от Румынии — М. Грэмэску, от СССР — В. Михайлову, от Чехословакии — О. Неффу;

за достижения в развитии клубного движения: от Болгарии — И. Руневу, от ГДР — К. Хольфельду, от Польши — С. Сончеку, от Румынии — И. И. Иосифу, от СССР — С. Бережному и А. Черткову, от Чехословакии — З. Рампасу.

Наградить специальным призом Соцкона-89 Л. Курица за работу по подготовке конгресса.

Утвердить в качестве кандидатуры страны-организатора Соцкона-90 Болгарию и Чехословакию.

До новой встречи!

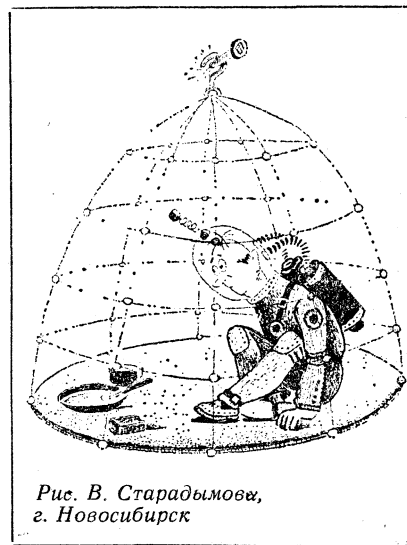

Рис. В. Старадымов,
г. Новосибирск

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ФАНТАСТОВ

«Я столкнулся со странным явлением: почти все мои взрослые знакомые не считают фантастику литературой...» — написал, отвечая на викторину, семиклассник из Тульской области. Подобных свидетельств немало в почте нашего отдела. А обусловлены они одним — устоявшимся с давних пор отношением к фантастике, основанным на принципе «нравится — не нравится».

С этого номера мы начинаем серию публикаций, назначение которых — помочь читателю в выработке собственного взгляда на фантастику. Взгляда — серьезного, глубокого, базирующегося на вдумчивом изучении проблем и закономерностей НФ.

Ваши отклики на эти публикации присылайте на адрес редакции с обязательной пометкой: **отдел фантастики, РТВ.**

Владимир БОРИСОВ

Если мы научимся использовать максимальный уровень шума человеческого ума, мы сможем покорить всю Вселенную!

Р. ДЖОУНС

Давний спор физиков и лириков время от времени вспыхивает и в разговорах о научной фантастике.

Одни сторонники крайностей требуют от этого вида литературы чуть ли не популяризации научных гипотез или технических устройств, забывая подчас, что ведь и психология с социологией, изучающие человека и общество, тоже принадлежат к разряду наук. В пятидесятых годах у нас появилось много образцов так называемой «фантастики ближнего прицела», на страницах которой изобретательская мысль не смела заглядывать ни далеко в будущее, ни глубоко в тайны мироздания. Верхом фантастической дерзости авторов таких произведений становился чудо-самолет, который летал чуть выше и чуть быстрее реального, в то время как в лабораториях С. П. Королева строился настоящий космический корабль...

Другие пренебрежительно относятся к самой мысли об использовании в литературе научных положений, рассуждений о технике и прочей грубой материи. Сам термин «научная фантастика» они готовы объявить устаревшим и ненужным, сводя роль фантастики лишь к приему, позволяющему раздвинуть рамки традиционного взгляда на жизнь.

И те, и другие тщетно пытаются загнать Необычное в прокрустово ложе своих представлений, а НФ, словно и не замечая их попыток, лучшими своими произведениями дерзко вырывается из тесных границ в иное измерение и вдруг расцветает Огненным Цветком неожиданности. И тогда оказывается, что певец фантастической техники Жюль Верн создал удивительный образ капитана Немо, а социальный фантаст

Герберт Уэллс подарил миру гипотетическую машину времени. В том и заключается приятное своеобразие НФ, ее притягательность для молодого пытливого ума, что в лучших книгах оптимально сочетаются свежие мысли о человеке и о том, как он познает окружающий мир.

Можно представить все написанное фантастами как гигантский мысленный полигон, на котором проводятся самые различные эксперименты, исследуются и научные, и технические, и социальные проблемы. Страницы НФ предоставляют ее исследователям богатейшие возможности. Накопленный фонд можно использовать по-разному: во-первых, находить конкретные приемы, методы для того, чтобы переносить их в реальную жизнь (летчик-космонавт Н. Н. Рукавишников рассказывал, например, что при испытании новых космических систем конструкторы стараются учитывать возможные аварийные ситуации, описанные в НФ); а во-вторых, с помощью фантастики развивать творческое воображение, необходимое в любой творческой деятельности. По мнению академика Б. М. Кедрова, обращение к НФ необходимо для преодоления инерции мышления, для подготовки к прыжку через барьер традиционности, отделяющий ученого от открытия...

В рассказе Р. Джоунса «Уровень шума» группе ученых показали остатки обгоревшего аппарата и сказали, что это была антигравитационная установка. Поверив в то, что такую установку можно изготовить, физик Мартин Нэгл делает невозможное, эпохальное открытие. Подобная же ситуация описана в романе Д. Гранина «Искатели», но там идет речь о реальном переключателе. Это всего лишь один из приемов, которые помогают усилить мысль. И не нужно бояться, что обсуждение фантастических гипотез слишком удалит нас от действительности. Сколько идей, высказанных фантастами, ка-

зались сначала невозможными или даже бредовыми! Нелепыми представлялись летающие сооружения Жюль Верна, сказкой казался гипер-болоид Алексея Толстого, а кого теперь удивишь самолетом или лазером? «Гадкие утята фантастики», по выражению писателя-фантаста Г. Алтота, со временем превращаются в прекрасных лебедей действительности.

Цель этой и последующей публикации — рассказ о богатом многообразии НФ, о приемах генерирования фантастических идей, которыми может овладеть каждый. Эти приемы отработались на занятиях Абаканского КЛФ «Центавр» и вполне доступны школьникам старших классов. Каждое занятие заканчивалось практическими заданиями, которые будут предложены и читателям журнала. Авторы лучших решений получают книги писателей-фантастов.

О различных направлениях НФ можно прочесть в книгах:

Бугров В. 1000 ликов мечты. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. — 288 с.

Гаков Вл. Четыре путешествия на машине времени. — М.: Знание, 1983. — 192 с.

Гуревич Г. Беседы о научной фантастике. — М.: Просвещение, 1983. — 112 с.

Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? — М.: Худож. лит., 1974. — 352 с.

Ляпунов Б. В мире фантастики. — М.: Книга, 1975. — 207 с.

Задание первое: Найдите фантастические произведения, в которых описаны приемы, помогающие сделать открытие или изобретение. Предложите свои варианты использования этих приемов в реальной жизни.

Фантастика под микроскопом

Викторина-90

Отличий у нынешней викторины от прошлогодней немного; полагаем, читатели легко их заметят.

В первом ее туре — два варианта. Первый из них содержит 13 вопросов, в свою очередь имеющих по два варианта: отвечая, вы у каждого из вопросов вправе выбрать любой вариант; каждый вопрос, как и прежде, оценен нами в 2 очка. Тур 1-Б при полном ответе на него дает те же 26 баллов, что и 1-А: в нем тоже в общей сложности 13 конкретных заданий.

Второй тур требует кропотливой, внимательной работы с материалом — самой фантастикой, ее библиографиями. Здесь три варианта. Каждая позиция в первых двух приносит 0,1 балла; в случае неравноценности этих вариантов мы вновь прибегнем к спасительному коэффициенту. «Стоимость» каждой позиции в третьем варианте выяснится при подведении итогов тура: максимальное количество баллов, набранных в вариантах А-Б, мы поделим на максимум, достигнутый в варианте В.

Третий тур требует развернутых ответов; оценка здесь будет зависеть от полноты ответа, его аргументированности, стиля и языка.

В зачет читателям-одиночкам в каждом туре будет идти лишь один вариант. Если вы отвечаете вдвоем (втроем) — вам необходимо выполнить двойную (тройную) норму заданий в каждом туре; набранная при этом общая сумма очков будет автоматически поделена между вами.

Контрольный срок для отправки ответов на все три тура — единый: 15 мая; за каждую просроченную неделю с результата снимается по 2 балла. Если по вине почты журнал доставлен вам позже 15 февраля — заверьте в своем почтовом отделении справку о дне поступления данного номера и перешлите ее нам, учтем обязательно. Но в любом случае ответы, отосланные после 15 июня, оцениваться не будут.

Просьба: указывайте свой возраст (а школьники — класс, в котором учитесь), не прячьте за инициалами свое имя и отчество, ставьте в письме дату его отправки: почтовый штемпель зачастую неразборчив.

Каждому победителю викторины (мы определим их по итогам всех туров) будет выслана книга с авторграфом отечественного писателя-фантаста.

Внимание тех, кто не попадет в

список призеров (и не попадал в него в 1988—1989 годах): участвуя в трех викторинах подряд, вы включаетесь — с набранной в них общей суммой очков — в борьбу за специальный приз: «за упорство и волю к победе».

Авторы вопросов викторины-90: Д. Аптин (Кушва), С. Берин (Краснокаменск Читинской обл.), С. Битюцкий, И. Павловский и В. Рыбкин (Ростов), В. Борисов (Абакан), С. Вихрев и А. Обинцев (Вологда), А. Гуцев (Гомель), А. Дороднов (Ульяновск), Р. Ерумс (Рига), С. Зырянов (В. Уфалей), Р. Кадиков и В. Карабаев (Уфа), А. и И. Канищевы (Сумы), А. и П. Лушпа (Томск), К. Максимов (Киров), И. Матвеевская (с. Петровское Московской обл.), Д. Мишкин (Фрязино Московской обл.), В. Молчанов (Пермь), А. Никифоров (Павлодар), В. Окулов (Иваново), Ю. Олдаковский (Петропавловск КазССР), Я. Полищук (Алма-Ата), А. Сауткин (Мурманск), В. Сиземов (Новосибирск), А. Тетельман и М. Якубовский (Ростов), М. Трифонов (Омск), О. Федоркин (Мытищи), А. Царев (Свердловск) и Д. Яковлев (Прокопьевск).

1-А.

1. А) «Заботясь о младшем поколении, остающемся иногда в жилище без присмотра, профессор изобрел незагорающиеся спички, выпускаемые сейчас на Земле в массовом порядке». Откуда этот отрывок?

Б) «— Где же ракета?

— Нигде. Ее нет. Она пропала. — Вы шутите... поищите ее в моем чемодане».

Из какого произведения этот странноватый диалог?

2. А) «— Ходят слухи, — сказал он, поглаживая бороду, — что будет видна Земля. Да, звездоплватели. Все газеты полны этими слухами». Откуда эта цитата?

Б) В каком произведении в состав экипажа звездолета входит учительница ритмической гимнастики?

3. А) «— Я марсианин! — сказал он глуховатым голосом. — Всем оставаться на местах, иначе пуцу в ход аннигилирующий бластер с фамагустой». Где это происходит?

Б) «— Вы не могли бы помочь

нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет...» Откуда эта ситуация?

4. А) «Поводом для экспедиции явилось смелое предположение профессора, что всем известный храм Василия Блаженного является не чем иным, как памятником, оставленным на Земле инопланетной цивилизацией...» Где рассказано об этом?

Б) «— И выходит, что трудовой ваш стаж... — Тут Николай Анисимович уже совсем не мог удержаться и расплылся в веселейшей улыбке, — ваш стаж...»

— Тысяча семьдесят шесть лет. Откуда этот диалог?

5. А) «Однажды корабль, огромный до безобразия, стукнул нас точнехонько посередине, и потребовалась психоэнергия всего населения, чтобы придать нашему острову вид айсберга. Кажется, «Титаник» — вот какое название было на борту корабля». Откуда эта цитата?

Б) «— Полет воображения! Представьте себе, все открытия я делал во сне. И сегодня мне удалось решить очень важную проблему.

— Какую?

— К сожалению, уже два часа не могу вспомнить».

Из какого произведения этот отрывок?

6. А) «— Меня зовут Галилео Галилей, — глухим, но гордым голосом сказал человек. — Математик и философ, к вашим услугам».

Откуда этот отрывок?

Б) «Не успел я выйти из вагона, как сразу узнал его по внимательному взгляду, которым он окидывал прибывших пассажиров.

Я подошел к нему.

— Мистер Уэллс? — спросил я».

Где описана эта встреча?

7. А) «— Мы охарактеризуем все окрестные планеты — у них будет выбор. И как только прилетит «Буря», начнем челночные рейсы». Из какого произведения цитата?

Б) «Догадку о море под Каракумами подтверждали не только артезианский зондаж и каверны зыбучих песков. Подсчет водных ресурсов рек, сбегаящих в Каракумы, говорил в пользу этой догадки. Только

Сырдарья и Амударья несут воды в Арал. Сотни рек — Теджен, Мургаб и более мелкие — пропадают в песках. Где их воды? В подземном море? Где высказано это предположение?

8. А) «— Туннель под Беринговым проливом, начатый три года назад... туннель Дувр — Кале, заканчиваемый в этом году, в достаточной степени показали, что сооружение подводных туннелей не представляет трудностей для современной техники».

Из какого произведения взяты эти соображения?

Б) «Этой осенью яркость листьев на кленах превысит среднегодовую на 18 процентов, а дали будут прозрачней на 24 процента, журавлиное же курлыканье прозвучит особенно призывно». Где фигурирует этот долгосрочный прогноз?

9. А) «— Ты, наверное, не помнишь этого, — выражение лица у Бонапарта стало мечтательное, — когда я захватил Францию, я продиктовал такую телеграмму: «Пришел, увидел, победил».

Откуда этот отрывок?

Б) «— Этот товарищ Грин — парус плохо знает, а море любит. Хорошо понимает. Про эту женщину правду говорит. Которая бежит по волнам.

— Ты ее когда-нибудь видел? — Сам не видел, а старые моряки видели...»

Из какого произведения этот диалог?

10. А) «— Значит, предстоит драка. Их оружие — тайна; следовательно, наше оружие — гласность».

Откуда это высказывание?

Б) Известен ли вам 4-й закон робототехники? Где он сформулирован?

11. А) «На правой шее висела табличка: «не кормить!» На левой шее висела табличка: «не дразнить!» Что — и в каком произведении — висело на средней шее?

Б) «Улыбка держалась еще некоторое время спустя после того, как он исчез.

— Увидимся на Титане, — сказала улыбка. И растаяла в воздухе». Где фигурирует эта говорящая улыбка?

12. А) «В ответ на это его величество приказал островитянам бросать на город большие камни. Но горожане укрылись от этой свирепой кары в своих башнях и погребах, припрятав в них свои пожитки». Откуда этот отрывок?

Б) «Это дерево обладает особыми, уже знакомыми вам свойствами. Именно оно и представляет собою

«коатль» ацтеков, или «дерево жизни» средневековых ученых». Где можно найти это утверждение?

13. А) «Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уж слишком!» Откуда это восклицание?

Б) «— Я сам из Торжка, речушка у нас там маленькая, но очень чистая. А в заводах — кувшинки. Ах, как отлично!»

Из какого произведения это признание?

I-B.

Укажите авторов и произведения, отрывки и сведения из которых составили помещенный ниже текст. Используя ответы на вопросы, разгадайте криптограмму и установите, из какого произведения взят этот документ.

«— Читайте.

Я мельком пробежал по первой странице. Ничего особенного. Все как и должно было быть. Лесные богатыри, доярки, почины, соревнования.

— На третьей странице, — подсадила Катя.

Я развернул газету и прочитал:

Ъ Я К Х К Т Ж Ф Ш Ф Р Э П У
Б О Щ Р С В Р Ч Ъ Ч Р Ч П Р И Ы О
С О А Ч У Р Ш Е З Т О Л М Х Ф Ж
Т З Ш О Э Ъ К Ч С О Й У Д Ж О К
Р Р З Е Й И Р И Н Ж Г П Х Е Ф Ш Х
Щ Е З Н Е Я Ы М Е Ф И Л Щ Т Ш Ф
В Т Б Ф В Н Л Т Ф Г Е Т Л Т Р У М Ф
Ш Ш Щ А О Д Ч Л Р Ч З Х Ф Р С Й
Е З Ш Е З Р О Ф Ч Ф К Я Д У У Ж П
П Л У Л Ш

Катя тихонько хихикнула в рукав. Наверное, на моем лице слишком явно было написано удивление.

Вы знаете, какая у меня феноменальная память... И левую — лучшую — половину моего мозга я отдал исключительно работе расшифровки этой неведомой грамоты. Девятого января, то есть четыре дня тому назад, я получил с вечерней почтой заказное письмо, адрес на котором был написан рукой моего коллеги и школьного товарища Генри Джекила... Я приведу его полностью.

1) «Круз» Марвина Флинна: Земля — Марс — Мельд-два — Цельсий...? — Искаженный Мир — Земля.

2) С. Лем. Солярис; Е. Гуляковский. Шорох прибоа; Г. Темкин. (...?).

3) Страница (№?) в «Руководстве по робототехнике», на которой напечатаны Три закона.

4) Возраст полномочного представителя землян на Проклятой.

5) Льюис Пэдджетт, Лоуренс

О'Доннел, Кейт Хеммонд, Кельвин Кент, Пол Эдмонс (число писателей?).

6) Центральный кратер (№?) темпор-объекта.

7) Число персонажей в Театре теней.

8) Нечто общее, что страшит жителей планет в «системах» В. Крапивина и В. Шефнера.

Эврика! — крикнул Рыбкин. Он вскочил и выбежал в коридор.

Вернулся он через полчаса, испытывая желание прыгать на одной ноге. Здорово, когда можешь все объяснить. Он нес с собой три листка бумаги. На них было все. Абсолютно все».

II.

Любителям библиографических изысканий вновь предлагаем заняться делами вполне серьезными, но оттого не менее увлекательными:

А) Исследовать творчество Анатолия Петровича Днепрова (1919—1975) — писателя, в свое время немало способствовавшего тематическому обновлению советской фантастики. Если сумеете, составьте два списка: а) художественные произведения писателя (НФ повести и рассказы, опубликованные в авторских и коллективных сборниках, в журналах и газетах); б) его выступления по проблемам фантастики (статьи, беседы и интервью, заметки, рецензии на НФ книги).

Б) Поскольку по разным причинам (не они нас сейчас интересуют!) одно и то же произведение публикуется порою под разными названиями, предлагаем желающим заняться выявлением подобных случаев в фантастике — отечественной и переводной, опубликованной на русском языке. Речь идет именно о разных названиях, не об отрывках из целого, а о полных публикациях, в крайнем случае — о сокращенных, журнальных вариантах произведений.

В обоих вариантах тура просим непременно упорядочить собранный вами материал: расположить по алфавиту авторов в варианте Б; по алфавиту же или хронологически (на ваш выбор) расположить произведения в варианте А. У газетных публикаций очень желательно указывать не только название газеты, но и дату, и место издания.

В) Вниманию тех, кого не привлекает работа с библиографиями, предлагаем рисунки А. Коротича на второй и третьей страницах цветной вклейки. На них изображены всевозможные фантастические (предположительно инопланетные) существа — явные инкогнито не только для нас, но, очевидно, и для художника.

Попробуйте дать им названия, найти для них уголки во Вселенной, придумать среду обитания, а быть может — и их привычки, характеры. Насколько преуспеете в этом — от вас зависит!

Рисунки пронумерованы; нумеруйте соответственно и ваш комментарий к любому из них.

III.

1. Ответьте на один из предложенных ниже вопросов (до 8 очков плюс 2 балла за ответ на конкретную часть):

А) «Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться его автором. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибалдом Куигли... Где этот пример описан? Не найдете ли вы подобные случаи в других НФ произведениях?»

Б) «Роботам свойственны эмоции»; «...роботам эмоции неизвестны». Откуда взяты эти взаимоисключающие утверждения? Подтвердите или опровергните одну (или обе) из этих версий примерами из НФ.

В) «Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать — даже неизвестен был заранее самый результат выборов». Из какого произведения взята цитата? Как изображаются в НФ избирательные кампании?

2. В развитии любого, на ваш выбор, вопроса тура 1-А сформулируйте свой собственный вопрос поискового плана — и дайте развернутый ответ на него. (До 8 очков.)

IV.

Предложите (на отдельном листке) ваши вопросы для новой викторины. Убедительно просим иметь при этом в виду, что конкретные вопросы без ссылок на источники мы не принимаем; в крупных произведениях следовало бы указывать и страницу, где находится нужная цитата. По-прежнему надеемся получить новые варианты для тура 1-Б (в расчете на традиционные 24—28 баллов).

Выскажите свои пожелания, замечания и соображения по викторине в целом — ее структуре, срокам, системе оценок, уровню сложности и т. д.

«ВНИМАНИЕ: МЕТЕОРИТЫ!..»

В вопросе викторины по рассказу М. Лейстера кажется непривычным основное назначение бластероз: защита от метеоритов. Почему бы в связи с этим не взглянуть на проблему противометеоритной защиты пошире?

Вообще-то о ней, наверно, не скажешь, что она появилась в фантастике с самого начала. Правда, в рассказе Э. По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля» метеориты всерьез угрожают безопасности героя, но защиты от них у Пфааля нет — кроме, разве что, везения. А прямо об опасности столкновения с другим небесным телом говорится в романе Ж. Верна «Из пушки на Луну»: Мишеля Ардана интересует здесь, что могло бы произойти, если бы их снаряд врезался во «вторую Луну».

Но лишь в XX веке о метеоритной опасности заговорили всерьез, причем, в первую очередь, по-видимому, в отношении... самолетов. Так, герой рассказа «Ужас высот» А. Конан Дойла (вблизи от его аэроплана разрушился в воздухе метеорит) отмечает: «Вот еще одна опасность, подстерегающая покорителей больших высот». Но вплоть до 40-х годов героям путешествий в космос приходилось полагаться на удачу, а в самом крайнем случае — на мастерство пилотов. Вспомним Лосю и Гусева из «Аэлиты» А. Толстого — они вырвались из головы кометы лишь благодаря прочности аппарата и его маневренности. Чаще же всего писатели тех времен о метеоритной опасности даже не упоминают — за исключением А. Беляева. Один из героев романа «Звезда КЭЦ» замечает, рассказывая о полете в поясе астероидов: «Того и гляди, обрушится на ракету обломок размером с Дворец Советов, и поминай, как звали». Микрометеорит даже пронизывает насквозь саму станцию и ранит одну из ее обитательниц; после этого случая станция оборудуется локатором, связанным с маневровыми двигателями.

Наступили 50-е годы, первые спутники начали освоение околоземных орбит. В романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» читаем: «До сих пор каждый десятый звездолет гибнет от метеоритов». И в это же время появляются всевозможные устройства для защиты от них.

Очень приблизительно их можно разделить на 4 группы.

1. «Пассивные», т. е. такие, которые просто информируют о появившейся опасности, а в иных случаях сообщают курс и массу метеорита: различные локаторы, оптические устройства, иногда связанные с ЭВМ (локатор Волла Хода в «Туманности Андромеды»; локатор, установленный на космоплане «СССР-КС2» в книге Г. Мартынова «Звездоплаватели»). Их основной недостаток: безопасность зависит от мастерства и просто реакции пилотов.

2. «Полуактивные», т. е. те же локаторы, но сопряженные с бортовой ЭВМ и маневровыми двигателями: это позволяет кораблю не только обнаружить опасность, но и соответственно сманеврировать. Примеры — аппараты, установленные на «Звезде КЭЦ», на звездолете «Тантра», на космоплане «СССР-КС3».

3. «Щиты», т. е. либо высокопрочные сплавы для корпусов кораблей («Голубые люди Розовой земли» В. Мелентьева, «Каллисто» Г. Мартынова), либо специальные устройства, принимающие на себя удары метеоритов (ледяной щит-«зонтик» в повести А. Кларка «Песни далекой Земли»; по-видимому, упомянутые в цитате из М. Лейстера «отражатели» — в другом переводе «дефлекторы»). К этому типу относятся и реальные защитные средства: экранно-вакуумная изоляция долговременных орбитальных станций «Салют» и «Мир», противопылевые щитки автоматической станции «Вега».

4. «Активные», т. е. устройства, уничтожающие метеориты на подлете к кораблю. Примеры — «бластеры» М. Лейстера, всевозможные лазерные и гравитационные пушки, а также «аннигиляторы», установленные на звездолетах в трилогии С. Снегова «Люди как боги».

Любопытно, что в нашей фантастике активные средства защиты от метеоритов как-то мало привились: кроме С. Снегова, кажется, никто из наших авторов их не упоминает, большинство же межпланетных и межзвездных кораблей оборудуется полуактивными. Может быть, как раз потому, что активные средства защиты можно эффективно использовать и в качестве средств нападения? Ведь командир звездолета у Лейстера готов использовать бластеры против чужого корабля; звездолет «Пожиратель пространства» в первой части трилогии Снегова весьма эффективно и не менее эффектно расправляется с целой планетой.

Вообще же в последнее время вопросы противометеоритной защиты рассматриваются в фантастике гораздо реже. Может быть — потому, что все меньше внимания уделяется технической стороне полетов, а возможно — и из-за того, что межпланетные перелеты нам как-то «приелись», для межзвездных же используются преимущественно сверхсветовые скорости и над- или подпространство, в котором, как известно, метеоритов нет.

Г. ДОРЧЕНКО, г. Ленинград

ДОНТОН

Рисунок А. Литвинова

Дмитрий БАЮШЕВ

...И

агенты Внешнего Кольца (ВК) приступили к изучению Земли. Это были добровольцы, работавшие по найму. Используя мастерски сработанные фиктивные документы, они довольно легко внедрялись в различные учреждения.

Молодой румяный верзила Дай Банг («Иван Иванович Иванов») был одним из них. У себя дома «Иванов» подавал большие надежды в области точных наук и, возможно поэтому пользовался благосклонностью самого Эрэфа — руководителя фондов Кольца (РФ — Эрэф). Настоящего имени Эрэфа никто не знал, отчего тот, будучи в числе олимпийской десятки, составляющей Высший Совет ВК, страдал мало, а точнее — совсем не страдал. Верховной властью на него была возложена функция обеспечения безопасности Кольца, и то, что «Ваня» находился под его личной опекой, говорило о перспективности молодого агента.

Чтобы не выпячиваться, «Ваня» начал с малого — с обыкновенной, самой рядовой должности инженера-технолога на серийном заводе в Околорыбинске, что в пятнадцать часов езды скорым поездом от Москвы. Его начальником, которого он должен был глазами есть, оказался некто Борис Иванович Полумякин — человек, находящийся в состоянии неустойчивого равновесия между производством и общественной работой. В рабочее время для передвижения в пространстве Полумякин, очевидно, пользовался «туннельным эффектом», иначе не объяснить его одновременного нахождения в разных местах.

Впрочем, во вводной Борис Иванович вполне доступно раскрыл «Иванову» секрет необычной способности.

— Ваня, — сказал Борис Иванович во вводной, — народ у нас шустрый и все доводит до конца. Если я народу нужен, то будь добр — вынь да положь. А я не всегда бываю на месте. Народ начинает дергаться по всем телефонам и, наконец, натывается на тебя. Так вот, для повышения эрудиции, на вопрос: «Где Борис Иванович?» — смело отвечай: «Только-только вышел». Это действует неотразимо — абоненту кажется, что он сел мне на хвост. На третий-четвертый звонок этого же субъекта извинись и запускай его по кругу — отсылай к начальникам отделов вот по этому настольному справочнику. Лучше вразбивку: третий, пятнадцатый, шестой, двадцатый. Как в спортлото. Номера выбирай по своему усмотрению... Также отбивает охоту элементарный ответ: он у «самого»... Отвечай по телефону, что у тебя о левую руку, правый — прямой с «самим». Этот без дела не хватяй, но если уж дал маху, то говори: «Он на объекте». Если не на объекте, то в парткоме или на лекции по линии «Знания». Или в завкоме. Вник? А в общем, ориентируйся по обстановке. Я постараюсь извещать о своем местонахождении. Ну, будь.

«Какой беспокойный человек», — с одобрением подумал «Ваня».

Набрав в архиве кучу альбомов, он приволок их на рабочее место, вызвав у сотрудников легкий приступ недоумения, сопровождаемый подхихиванием. На первом этапе всякий нормальный инженер выберет инструкцию о внутреннем трудовом распорядке или, в крайнем случае, полистают ГОСТы. Едва ли он полезет в альбомы, да еще по разным заказам...

Но «Ваня» мелочным подхихиванием пренебрег. Ему не терпелось познакомиться с земной технологией. Усвоить — что и как.

«Что-то не то, — мозговал «Ваня», — не сопрягается. Ага, а вот тут, в уголке, изменение под литерой «а»... Ишь ты, сопряглось! Зато из размеров выскочили... Так, изменение «б». Обрато заскочили. Теперь все оси сместились. Спокойно, Ваня, смотрим «в». Во — здесь центры совместились, а вот здесь уплыли.

[2] «Г», «д»... «о», «п». Постой, как это называлось? «Интегрирующий дифференциал». А теперь? Изменение «р»: «Дифференциальный интегратор!» Не надо, Ваня, нервничать — производство есть производство, страна непуганых идей».

Пока «Ваня» изучал огромные пухлые альбомы, ему пришлось «запустить по кругу», как рекомендовал Полумякин, не один десяток абонентов. Нескончаемые изменения, непрерывный треск телефонов, болтовня сотрудников — «ля-ля-ля, бу-бу-бу» — к концу первого рабочего дня несколько изнурили его.

И когда в комнате возник Полумякин, «Ваня» обрадовался ему, так как теперь можно было не хватать трубку.

— Тут вам звонили, — тускло сказал «Ваня».

— Не мудрено, — шмыгая, как заведенный, от двери к своему креслу и обратно, отозвался Борис Иванович. — Но ты молоток! Меня тоже запускал по кругу. Не узнал, что ли?

— Сдвиг по фазе...

— А чего изучаем? — подскочив, Полумякин всмотрелся в синьку. — Разобрался?

«Ваня» поднял на него покрасневшие глаза, с натугой пошевелил извилинами, затем ровно сказал:

— Ентот... простите, этот механизм работать не будет, ибо сконструирован по принципу вечного двигателя. Кроме того, отдельные узлы не стыкуются в блоки, а блоки, естественно, в изделие.

— Ну, ну, — Полумякин строго погрозил пальцем. — Не темни!

— Факт. И потом, на все материалы — стали, клеи, смазки — есть примечания: «Допускается заменить на...» Но, товарищи, надо же учитывать коэффициенты расширения, те же модули упругости...

— Не будет, значит? — перебил Полумякин.

— Не будет и еще раз не будет!

— Пять лет уже работает, и ни одной рекламации. Вникай!

Телефон зазвонил, Полумякин, не глядя, проворно хапнул трубку. «Ваня» показал на часы, затем, пальцами, что уходит. Борис Иванович замахал на него рукой.

День за днем «Ваня» углублялся в производство. Ни одна из технологий, с точки зрения представителя ВК, никуда не годилась. Все эти ублюдочные создания ради мнимой прочности страдали сверхизбыточным весом, материал для них подбирался времен царя Гороха («так надежнее»), их питало дорогое электричество или горючее, оставляющее после отработки ужасный смрад, при работе они громыхали, скрежетами, ревели, тархтели и нудно сипели. Однако же подобные ублюдки ездили и летали, плавали и работали под землей, резали и сверлили, а также производили себе подобных. Это была по-своему мощная, но очень уж нерациональная индустрия.

Как-то, будучи в цехе, «Ваня» оказался свидетелем совершенно дикого события, которое впоследствии воспринимал как рядовое и даже, в какой-то степени, необходимое.

Слесарь-сборщик Витька Булкин, мужик лет тридцати, угрюмой наружности, пользуясь хитроумной оснасткой, без усилия крутил два полуоснования сложной конфигурации, надетые на вал, и пытался их совместить, с тем, чтобы получилось одно законченное основание. Перед ним лежал свежий техпроцесс с двадцатью тремя изменениями, внесенными отделом Полумякина за последнюю неделю. Витька крутил, крутил, задумался, почесал в дремучей макушке, потом быстро схватил огромную киянку с резиновой набойкой и ахнул по новенькому изделию.

— Ты что это? — встревожился «Ваня». — Эй, Булкин, не хамай!

— А вот тебе... а вот тебе! — прикрикивал Витька озлобленно.

Когда «Ваня» подрос, он уже поставил киянку на место и усиленно вытирал мокрый лоб рукавом спецовки.

— У меня да не полезет? Еще как полезет!

После беглого изучения предмета «Ваня» понял, что Витке удалось невозможное: совместить несовместимое.

До него начал доходить смысл великого назначения человека в мире машин и механизмов.

Шло время.

«Ваня» исправно посылал на Кольцо отчеты с помощью узконаправленного передатчика. Информация передавалась через систему станций-ретрансляторов. Процесс этот был довольно длительный, и года три «Ваню» не трогали. Давали время на вживание и обратные связи.

За эти три года «Ваня» досконально изучил современную земную технологию. В его активе было два десятка рацпредложений, говоривших о незаурядности молодого технолога. Он стал лучшим итээрром по министерству, а следствием этого явилось его выдвижение в резерв директора: «Иванов» уже котировался на должность начальника отдела.

Его стали называть Иван Ивановичем, отчего он смущался. Народ уважал его за эрудицию и скромность, за мягкий нрав, что всегда особенно ценится в крепких под два метра ростом. В «Ване» было метр девяносто восемь, и двухпудовку он легко выжимал двадцать раз. Левою рукою. После чего объяснял: «Тут все дело в технике»,— и уходил играть в баскетбол, где уже приходилось попотеть. Ребята в команде не уступали ему ни в росте, ни в весе.

Связь с Кольцом, наконец, наладилась, но была она нерегулярная и больше напоминала переписку между двумя бюрократами. «Просим уточнить параметр зю в подпункте 3.4.1.5. третья строка сверху». «На ваш запрос касательно параметра зю в подпункте 3.4.1.5 третья строка сверху пятое цифровое обозначение слева после знака равенства ничего нового добавить не имею». И даже такая связь почему-то тяготила «Ваню».

Он попал в тот жизненный ритм и те условия, которые его устраивали. Работу свою он любил и чувствовал в ней большие потенциальные возможности. К обществу, в котором проживал, «Ване» было не привыкать, поскольку детство и юность, как и все его сограждане, он провел в государственном интернате с куда более суровым режимом. Раньше он и не подозревал, что может быть такое общество, где не будут тебе подставлять ножку или подталкивать в спину, когда ты оступился, а, наоборот,— помогут выровнять крен. Теперь он жил в таком обществе. И потому у него частенько возникали самые что ни на есть вольнодумные мысли. Это было очень и очень чревато, и он это прекрасно понимал.

Но пока работал, не давая поблажки ни себе, ни другим. Вот чего он не любил, так это нарушения технологической дисциплины. «Почему нас бьют японцы? — говорил «Ваня». — Да потому, что если, скажем, на сушку положено 26 часов, вынь да положи эти 26 часов! Ни секундой меньше. И ни секундой больше. Тогда будет и качество, и гарантия. Внятно объясняю?» И, как представитель авторского надзора, самолично браковал внешне годные узлы. На брак у него было какое-то верхнее чутье.

Сложилось так, что на совещания к главному технологу Панацеву обычно приглашался не начальник отдела Полумякин, а «Иванов», ставший на четвертом году службы руководителем группы. Между Панацевым и «Ивановым» возник личный контакт, особо ценный делателями карьеры. Это не осталось незамеченным, поползла жиденькие слухи насчет «любимчиков, везунчиков и прыгунков». Когда же, неожиданно для многих, после пяти лет службы «Иванова» утвердили

в должности начальника отдела, слухи стали жирнее, ядовитее и масштабнее.

Полумякина, растерявшего всякую квалификацию, спихнули на общественную работу с повышением оклада. Как водится, у него тут же нашлись ярые защитники. Это были, в основном, старожилы, в знак протеста покинувшие отдел. «Ване» пришлось заняться кадровым вопросом.

Начальнику ведущего отдела не к лицу было ютиться в насквозь прокуренном и шумном молодежном общежитии. Из фонда директора, изрядно потрепанного горисполкомом, «Ване» выделили однокомнатную квартиру с видом на площадку отходов производства филиала ВНИИ «Точприбор». Счастливым новосел завез сюда шикарную японскую «жилиую комнату», по случаю дороговизны купленную довольно свободно.

Теперь он не знал отбоя от разведенных и матерей-одиночек. Одна из последних, красивая Рита, раскипятилась не на шутку, но «Ваня» воли себе не давал. Он был однолюбом. Его тайную любовь звали Наташей. Она работала в конструкторском бюро этажом выше, и при встрече они уже вежливо здоровались. Всякий раз после этого у него начинало бешено колотиться сердце. Затем нападала тоска, потому что Наташа нравилась очень и очень многим молодым людям. Чересчур многим. Но никому не отвечала взаимностью.

Когда «Ваня» покидал Кольцо, ученые доводили «до ума» систему устойчивой космической видеосвязи. Этот вид связи сопровождался огромными энергозатратами и должен был применяться лишь в экстренных случаях. Настолько экстренных, что избави от них бог! Поэтому у «Вани» и мыслей не возникало, что с ним могут связаться таким способом.

Лежа на диване, он читал в подлиннике труды рано почившего Римана, когда посреди комнаты спроецировалось, а затем как бы обрело плоть изображение довольно ухмыляющегося Эрэф. Сейчас Эрэф одновременно находился и там, дома, и здесь, в гостях у «Вани». Видеопереносу подверглась верхняя часть туловища грузного руководителя. Очевидно, в операторской он сидел за столом, потому что руки со сцепленными пальцами располагались горизонтально, а когда он ими двигал, срезался правый или левый локоть. Несмотря на эту противоестественную для восприятия позу и радужный вид, Эрэф был грозен и опасен. Его цепкие глазки ошупали комнату.

«Ваня» поспешно сел и машинально потянулся застегнуть верхнюю пуговицу мундира, потом, чертыхнувшись про себя, опустил руку.

— Добрый вечер, руководитель,— сказал он.— С вашего позволения, я надену рубашку.

— Сиди,— остановил его Эрэф.— Не девица.

— Никак не ожидал вас увидеть. Ведь это же страшно дорого.

— Успокойся,— любезно сказал Эрэф.— Не из твоего кармана.

Вот такой он был — Эрэф, вежливо отбривал, культурненько. Знай, мол, свое болото, куличок.

— По доходам живешь, сынок,— спросил между тем Эрэф,— не воруешь?

— Да вроде не к лицу — я теперь начальник отдела,— конфузясь, ответил «Ваня».

— Прытко, прытко, должен предупредить — никаких левых доходов! У большинства агентов здесь, на Земле, почему-то вдруг развивается свойство, недостойное представителей Кольца: меркантилизм и стяжательство. В результате многие горят на взятках. А мы по их милости теряем из зоны наблюдения целевые объекты. Так что заруби на носу — никаких махинаций. Платим мы вам очень прилично.

«Где они — эти деньги?» — мимолетно подумал «Ваня».

Эрэф помолчал и сказал брюзгливо:

— Я рассмотрел твою последнюю информацию.

Однако! Твои подопечные шарят по истории галопом. За последние полвека этакий мощнейший всплеск науки и техники! Не поспедаешь ли с выводами, мой милый?

— Нет, не поспедаю. Просто-напросто действует закон развития: переход количества в качество.

— Мм, ну-ну... Все же проверь-ка еще раз, дружок, а то как-то сомнительно.

— Информация будет та же,— твердо сказал «Ваня».

— Но ты понимаешь, чем это чревато?— Эрэф сузил глаза.— Еще немного такого галопа — и они, чего доброго, доберутся до Кольца. Прикажете уничтожить такую прекрасную колонию? Или что? Уже сейчас они драчливы, как сто юнгузов. Помнишь этих фокусников?

В свое время планета Юнг входила в содружество Внешнего Кольца. На всех Советах их премьер клялся в вечной дружбе, благодарил за «великую помощь» и каждый раз просил оказать «маленькую помощь». На вооружении у премьера была широкая братская улыбка, отказавший ему было невозможно. После неофициальной части премьер братался с «великими братьями» — обнимался, лез целоваться и, как на ринге, поднимал своей рукой руку очередного брата вверх, демонстрируя его безоговорочное превосходство. И что же? Однажды, пользуясь ночным временем, космофлот младших братьев обстрелял города «Великих» арсеналами для здоровья химическими ракетами... Подобных извращений Кольцо не прощало, планета Юнг прекратила свое порочное существование.

Как же, «Ваня» помнил этих фокусников.

— Я думаю, вам... нам, то есть... беспокоиться не о чем. Технология у землян пока далека от совершенства.

— Сравни свой первый и этот последний отчет. Сразу поймешь — стоит ли беспокоиться,— назидательно сказал Эрэф и добавил гораздо тише, нагнувшись к «Ване»: — Они обжигают космос — раз, подбираются к принципиально новым материалам — два, к новой энергии — три, в вычислительной технике у них революция за революцией — четыре, и это далеко не все! Ладно, ладно, дружок,— Эрэф откинулся в кресле, отчего его изображение в кадре срезалось почти до подбородка.— Я понимаю: ты им, конечно, подкинул пару-тройку идей, ишь зарделся. С этим не шути. Помни юнгузов. До встречи.

И Эрэф отключился.

Нарядным субботним утром «Ваня» приготовил на завтрак яичницу с колбасой, подлил в тарелку кетчуп и принялся за еду, макая кусочки яичницы в острый соус. Он стал находить удовольствие в размеренном праздном отдыхе. Что греха таить, его уже не так привлекал процесс непрерывного накопления информации. В конце концов, с этим прекрасно справлялись роботы-передатчики, вмонтированные в окружающие предметы. Они могли изучать книги через плечо читающего, запоминать речь землян и даже оценивать их поступки с точки зрения «хорошо» или «плохо».

Поев и вымыв посуду, «Ваня» включил телевизор, лег на диван. В глаза бил яркий солнечный луч. Он закрыл лицо газетой и... проснулся от оглушительного звонка в дверь.

На пороге стоял взерошенный Булкин, выросший к этому времени до мастера участка в экспериментальном цехе и как бы приблизившийся тем самым к начальству. Стоял — с капроновой сеткой в руках, раздвинутой изнутри удлиненными предметами цилиндрической формы.

— Дай-ка, думаю, загляну к нашему раку-отшельнику,— пробубнил Витька...

Ближе к обеду у них шел крайне оживленный разговор.

— Ты, Иваныч, свой в доску. Держи краба,— «Ваня» пожал протянутого «крзба». — Я ведь чего к тебе? Я не говорил?

— Нет.

— Свой ты мужик, Иваныч! Вот. Давай пять. А Верка-то моя, жена-баба... Все уши, говорит, прожужжал своим Ивановым. А? Каково? Кто, говорю ей, меня на мастера натаскал? Кто со мной, оглоедом, цацкался-мацкался? Ты, что ли? Ну и живи, говорит, со своим Ивановым, а я не буду. Понял?

— Понял. То есть как... живи?

— Да ты не расстраивайся, Иваныч! Я вот здесь, в уголочке. Потихонечку, на газетке...

— Э-э,— сказал «Ваня»...

Вечером они в обнимку вышли из продывленного галдящего «Якоря», в котором официантки уже начали то и дело гасить свет, и, грянув «Варяга», двинули домой.

По дороге Витька вдруг остановился, хитровато сощурился и, тыча пальцем в одно из сверкающих окон, промывчал:

— Здесь она, Верка эта, живет. А мы не бу-ем.

Он еще что-то рассуждал, как вдруг из подъезда вымелькнула темная фигурка и ринулась на них с яростью потревоженной наседки.

«Ваня» с удивлением наблюдал, как от могучих Витькиных плеч резво, точно резиновая, отскакивает деревянная скалка, а сам Витька, прикрывая голову руками, пришептывает, будто вершит заклинание, все мягче, мягче: «Ну, Верунчик, ну не надо... Ой, прямо по хребтинке заехала... Что же ты своего ишачка-то так...» В ответ: «Не ишачка, а осла вонючего!»

Болезненно ощущая свою беспомощность здесь, «Ваня» повернулся и ушел на цыпочках в тихую ночь.

С этих пор кончилась его безмятежная жизнь.

Эрэф смотрел пристально, не мигая, как мог глядеть только он, и «Ване» почему-то очень хотелось, чтобы он побыстрее исчез.

— Не вижу рвения, агент,— сухо сказал Эрэф.— Кроме того, не замечаю патриотизма.— Помолчав, вкрадчиво продолжил: — Мне доложили, что ты начал работу с гравиполями. Ты забыл, сынок, в какой эпохе находишься? Земля еще не доросла до таких идей. Понимаю, это такое оружие, с помощью которого можно подчинить всех и вся. Старая история, сынок! Старюющая... Ну-ка, вспомни историю с Шестипалым!

Агент высшего класса М. Эндрюс-05, после следствия получивший вместо имени кличку Ипал-6, работал в чрезвычайно активной системе планет Двойной звезды. Местное население развивалось до того бурно, что уже имело межпланетный совет по туризму. Под маркой туризма на планеты провозилась контрабанда — наркотики, неприличная литература. Одновременно происходили многочисленные пограничные стычки и братания с последующими конфликтами. Со стороны это походило на клубок дерущихся, который быстро эволюционировал. Понятно, что в таких условиях властям приходилось туго, они часто менялись, так как не успевали за прогрессом. Одним из периодов безвластия воспользовался М. Эндрюс-05. Цель у него с какой-то стороны была благородной — объединить народы под властью одного правителя, что избавило бы планеты от напряженной ситуации, с другой — безнравственной: подмять под себя огромные природные ресурсы системы, вооружить аборигенов знаниями ВК и расширить свои владения. Под боком Внешнего Кольца неожиданно объявилась бы не менее грозная Система.

Следствие выявило истину и одновременно пришло к тревожному выводу: природные условия и разум неизученных планет при определенных обстоятельствах способны внести необратимые изменения в личность агента, что и произошло в случае с М. Эндрю-

сом-05. Впоследствии это подтвердилось на опытах с контрольными обезьянами: самые смиренные из них в результате зверели до такой степени, что нападали на мирно идущую колонну атомных танков... Ныне Шести-пальный трудился во славу родины на урановых рудниках.

— Вижу — вспомнил, — Эрэф усмехнулся. — Так что лучше брось эту глупую затею, пока не заварилась каша.

— Это чисто моя идея, — возразил «Ваня». — Она вытекает из трудов земных ученых...

— Ты послан сюда, чтобы защищать неприкосновенность Кольца! — загремел Эрэф.

— Ценой чужого будущего?

— Любой ценой! Мы должны нейтрализовать все, что может помешать нашему процветанию, а ты, видно, забыл эту прописную истину. Смотри, агент! Так не шутят.

«Ваня» вспомнил бесконечную муштру, зубрежку Устава, жестокие наказания за неподчинение идиотским приказам. Когда-то, начав с защиты мирных интересов, Кольцо незаметно дало крен в сторону милитаризации. Как это, все же, было нечистоплотно: под знаменем высоких принципов подминать под себя развивающиеся цивилизации... На лекциях Эрэф с пафосом говорил о патриотизме, моральной устойчивости, честности, великодушности и прочее, и прочее. А что на деле?.. Но тогда, слушая Эрэфа, курсант Д. Банг-17 тоже так думал, да что там — думал, это было его кожей, его дыханием, это был он сам — принципиальный демагог! Что же случилось? Началось его перевоплощение, или он просто растет? Кончились болезни роста, и настало пробуждение? Что?

— Молчишь, агент? — неприятно проскрипел Эрэф. — Корни, так сказать, пускаешь?

«Смотри-ка ты, догадался...»

«Ваня» поймал его взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза, пока, наконец, Эрэф не мигнул.

— Ладно. Сам был когда-то такой же ершистый... Замнем для ясности, но ты подумай, Ваня, как это страшно — остаться без родины. Какой бы она ни была... Информацию мы от тебя ждем по-прежнему. До встречи.

«Он это так не оставит», — холодея, подумал «Ваня», представив неумолимую силу, которая стояла за спиной Эрэфа.

Он долго сидел так, пока до него не дошло, что Эрэф назвал его земным именем.

— Такие вот сигналы, — Панацеев брезгливо отодвинул густо исписанную бумагу. — Обязаны отреагировать.

У Ивана рдели уши. Бумажка была безличная и очень неприятная. Начальнику отдела т. Иванову И. И. вменялось в вину подпаивание трудящихся с целью завоевания дешевого авторитета среди масс (посещение «Якоря»). Автор прохаживался по поводу однокомнатной квартиры т. Иванова И. И. — гражданина холостого, пьющего, делающего карьеру всеми правдами и неправдами. Т. Иванов, гласила бумага, работает на заводе без году неделя, к тому же беспартийный, а уже начальник отдела, тогда как работники службы с огромным непрерывным стажем до сих пор прозябают на унизительных инженерских должностях. Самое страшное в этой истории то, что т. Иванова всячески поддерживает главный технолог т. Панацеев Б. П. Позор гражданину Иванову.

На бумаге стояла резолюция секретаря парткома: «Тов. Панацееву Б. П. Прошу разобраться».

— Вот ведь как повернули, — Панацеев шлепнул по столу крепкой ладонью. — А что, Иван Иванович, в «Якоре» был какой-то, э-э, дебош?

— Нет, — сказал красный, как рак, Иван. — Никакого дебоша не было. Мы там поели.

— С кем?

— С Булкиным.

— С Виктором... э-э-э?

— Николаевичем, — Иван вздохнул. — Он в тот день поругался с женой и был сам не свой. Не мог же я его оставить в таком состоянии.

— М-да. Вот теперь поди докажи, что не ты шапку украл, а у тебя украли... Это серьезная промашка. Иван Иванович. А компанию надо бы поменять. Не к лицу.

— Я не любитель компаний, Борис Петрович. Вы же знаете.

Панацеев развел руками — что ты, мол, меня агитируешь, я-то знаю, что «телега» — вот она, да еще с визой секретаря парткома.

— Ладно, — решительно сказал Панацеев. — За свои кадры будем драться. А этих бездельников с беспрепятственным стажем, — он поднял бумажку за уголок двумя пальцами и тут же отпустил, будто обжегся, — гнал бы в три шеи, ей-богу, чтобы не разлагали коллектив... Да нельзя. Эти лоботрясы сразу побегут в местком, откопают характеристики, благодарности, потом тебе же поставят на вид. Кляузное это дело — увольнение... Значит так, — продолжал он твердо. — Вы, Иван Иванович, руководитель. В быту держите себя строго. Это раз. Продолжайте работать, как ни в чем не бывало. Тем более, что ваша НИР может оказаться гвоздем сезона. Это два. Ну и насчет... э-э. У вас есть девушка?

Иван снова принялся интенсивно краснеть. Он уже два раза ходил с Наташей в кино, и еще один раз они у него дома пили индийский чай. Но об этом правдоподобно, очевидно, не знали, иначе бы непременно упомянули в своей анонимной ноте протеста...

Специально сотрудников Иван не подбирал, это происходило как-то автоматически. Учитывая его возраст, Панацеев направлял к нему, в основном, молодежь. Так в отделе появились и быстро встали на ноги Саша Лунин, Эдик Рабинштейн, Леша Татаринцов, Володя Королев, за изысканность выражений окрещенный «Прынцем», Миша Бенц, Рафаил Тутузов. То ли до этого изнывали от безделья, то ли работа оказалась творческой, но они задали такой темп, что и «старички» теперь выглядели порезвей.

Своей нетривиальной темой Иван просто «купил» ребят. Вот тут-то и сказался еще не растерянный багаж — никто из молодых не дрейфил перед теоремой Остроградского-Гаусса. Вдоволь оказалось и математики, и физики, и прикладных наук. Когда втянулись, стали оставаться вечерами и домой по притихшим улицам шли все вместе, довольные, что на завтра осталось самое интересное.

Прошло полгода напряженнейшего труда. Чуть больше месяца заняло оформление, и после этого свет увидела научно-исследовательская работа коллектива авторов, заставлявшая появиться на заводе корифеев из филиала ВНИИ «Точприбор». Корифеи, а среди них был сам доктор физико-технических наук Чешуйчиков, только руками развели. Ни тебе солидной научной базы, ни современного матобеспечения, ни головастых вундеркиндов — ничего такого и в помине не было. Работой занимались простые инженеры, многие из которых еще состояли в неприкасаемой касте «молодых специалистов». Расчеты производились на примитивных калькуляторах. Однако факт был налицо — и какой факт! В НИР исследовалось множественное взаимодействие подвижных и неподвижных тел с точки зрения взаимодействия их гравитационных полей. В общем-то, тема эта была не нова, да и гравиполе самого массивного тела ничтожно мало, но тут затрагивался живой нетривиальный подход к проблеме. Своей работой Иванов открывал крайне заманчивое направление в изучении и покорении сил тяготения. Конечно, до финиша было очень далеко, но все равно — ура Иванову!

В первый момент Иванов показался слишком молодым и несолидным. Обыкновенный парень, каких много: длинный, румяный, вихрастый, с очень симпатичной улыбкой. Однако оппонировать ему было нелегко. В частности, он свободно оперировал уравнениями квантовой механики, прекрасно знал термодинамику, акустику, геометрическую оптику, владел громоздким, требующим предельной точности, аппаратом тензорного анализа. Прощупать его багаж было невозможно, и Чешуйчиков махнул на это дело рукой.

К. т. н. Сидоров на перекуре выдал своему коллеге новое известие. Оказывается, ивановские ребята, все как один, недурно подкованы, хотя в институтах талантами не блистали. Он, Сидоров, специально интересовался, только что с телефона.

— Вот это организатор,— резюмировал к. т. н. Сидоров.

— Живой генератор идей,— твердо сказал коллега.— Сманиваем.

— Да, Иван, заварил ты кашу,— сказал Эрэф.— Наука волосы на голове рвет.

Иван в ответ намекнул, что секретов Кольца он вроде бы не раскрывал: опирался только на работы земных ученых.

Эрэф побарабанил пальцами по невидимому столу и в задумчивости пожевал проваливающимися губами. Это произвольное движение почему-то вызвало у Ивана неприятный озноб. Сильно сдал старик за последнее время.

— Так-то так... Но ты себя раскрыл, сынок,— неожиданно сказал Эрэф.— Встанем на место оппонента. Как-то пять лет работы, и на тебе — открытие. И какое! Вроде бы надо радоваться и хлопать в ладоши, а не тут-то и начинаются проколы. Никакое открытие не делается без научного руководителя, группой дилетантов, да еще в условиях заурядного производства. Как видишь, казусов хватает. Хочешь еще? Пожалуй-ста. Слепому видно, что сработано практически в одиночку, не принимать же всерьез вчерашних студентов. Кроме того, не забывай, что ты еще крайне молод. К таким результатам, мой милый, идут не годами, а десятилетиями, оставляя после себя горы шлака, и об этом шлаке, заметь, знает весь ученый мир. Нет, сынок, интуицией и хребтом здесь не возьмешь. Вывод: существует какая-то математическая модель. У землян такой модели, увы, нет. Что из этого следует?

Иван промолчал.

— Естественно, начнут копать — кто он такой, этот Иванов, откуда? И выяснится, что у Иванова не было родителей, детства, что никаких школ и институтов он не кончал. Что документики-то у Иванова липовые...

— Никакой модели я не знаю,— хрипло сказал Иван.— Это обыкновенный последовательный расчет. Важна идея.

— Пращильно. Умница. За такую идею на Кольце тебе бы поставили золотой бюст и отвалили янговскую премию. А что теперь прикажешь делать? Ведь тема-то объявлена у нас стратегически важной.

«Стратегически важная? — насторожился Иван.— Что эти вояки там откопали?»

Очевидно, он спросил вслух, потому что Эрэф вдруг усмехнулся и сказал, не вдаваясь в подробности:

— Есть одно допущение.

Допущение, допущение... Иван припомнил все узловые, отправные моменты. Нет, не здесь. Попробуем на время стать «сапогом». Что прежде всего заинтересует вояку? Прежде всего — возможность создания принципиально нового оружия. Собственно, лазеек много... но вот эта... Да. Что-то здесь есть. Перспективная лазейка. Действительно, таким способом любую структуру можно вывести из устойчивого состояния. Нечто вроде навязанного резонанса на ядерном уровне, сопровождающегося испусканием энергии. Чем

больше масса, вовлекаемая в резонанс, тем, естественно, больше выход энергии. Вот тебе и безобидные поперечные волны... Ивану стало жарко. Где-то глубоко в сознании ликующий голосок пропищал: «Это все я, я!» — но он затоптал этот голосок, как затоптаывают смердящий окурок.

А Эрэф тем временем разглядывал комнату и говорил:

— Уютное гнездышко. Это твоя знакомая? Хороша, хороша, ничего не скажешь. Вкус у тебя отменный, Иван, от отца, видно, в наследство достался.— Он впервые упомянул об отце, которого Иван не знал, поскольку в младенческие годы был передан, как и все юные граждане Кольца, в интернат, где его воспитанием занимались мрачные типы из Сектора Безопасности. Уж они-то особым вкусом не отличались, поскольку ценили только один вкус — в еде, — ты и коввер повесишь в единственно правильном месте, и кресло поставишь так, что оно никому не мешает, а мимо никак не пройдешь. Одеваешься ты в тон, в меру. Прекрасно одеваешься. Книг, я смотрю, здорово прибавилось... Так вот — придется все это оставить.

Надо отдать должное — лягался Эрэф умело, с подхвостом.

— Я вот думаю, как это лучше сделать? Просто так тебя не уберешь — слишком ты, Иван, заметная личность. Будут искать труп — других агентов спугнут с насиженных мест. Может, попросту? Инсценировать самоубийство? Как ты думаешь? Белковый муляж, стандартная записочка: «В моей смерти прошу никого не винить». Кому придет в голову, что это не ты, а мастерски сработанная кукла? А, Иван?

Эрэф рассуждал буднично, скучновато, и это было страшно. За его словами чувствовалась тяжелая безжалостная сила, о которой Иван начал забывать. А зря! Ведь Эрэф и раньше предупреждал. Сейчас же это было не предупреждение, это был приказ — марш назад, на Кольцо, агент, иначе тебе будет очень и очень плохо.

— Учти, мы приложим максимум усилий, чтобы изъять у землян все твои материалы. Мы сотрем память о них у каждого, кто к ним прикасался. Это не угроза, мой мальчик, мы слишком сильны, чтобы просто угрожать, и ты это прекрасно знаешь.

— А если я откажусь? — спросил Иван и тут же понял, что это глупо.

Глупо противостоять мощи Кольца в одиночку.

Этим же вечером пришла Наташа. От нее пахло мартовским морозцем и еще чем-то неуловимым, свежим. Так пахнут молодость и здоровье.

Она забралась с ногами в кресло, изящная, как кошка, и настороженно следила за Иваном, который бродил по комнате, хмурился, вспоминая недавний разговор с Эрэфом, иногда вынимал из стенки первую попавшуюся книгу, тупо смотрел на нее и ставил обратно.

«Завтра же засяду за расчет,— вяло думал Иван.— Надо бы хорошенько отдохнуть, а то мысли — как сквозь вату. Жалко, Рафик в отпуске...»

— А кто это — Рафик? — неожиданно спросила Наташа.

— Я что, вслух сказал? Есть такой Рафик. У меня в отделе работает. Один из самых-самых в теории поля.

«Ладно, без Эдика мы пока справимся. Эдик выходит послезавтра, вот тогда мы его и запряжем. Или я что-то путаю? Это Лешка выходит послезавтра».

— А кто такой Эдик?

— Эдик? — переспросил Иван.— Спец по квантовой механике. Нормальный мужик.

— Что у тебя за определения: спец, мужик, нормально? Неконкретно.

— У Наточки плохое настроение, — натужно просюсюкал Иван.

— Не трогай меня!

«Что на нее сегодня нашло? Сроду такой не была. И эти вопросы, как будто читает мысли... Вздор! Это все Эрэф. Запугал старик мальчонку. Ай, да Эрэф!»

Затем, ни к селу ни к городу, Иван стал перебирать в памяти своих сотрудников. Он вспомнил напористого Мишу Бенца, невозмутимого Лешу Татарина, задумчивого, быстро краснеющего Сашу Лунохода... Это были толковые, работающие ребята. Вовка Принц был зубаст, но по молодости норовил отлынуть. «Интересно, а как меня окрестили? Наверняка окрестили, только молчат в тряпочку. Не столько возраст, что там год-два разницы, должность моя их смущает... Да ладно, будет тебе. Ничего их не смущает. Иной раз такое отмочат, что хоть к стенке прислоняйся... Что-то я не в форме сегодня...»

У него было ощущение, будто в затылок, в мозг проникает холодное острое жало...

Иван поймал Наташин взгляд. Взгляд был неестественно тверд, материально ощущим и усыплял.

— Наташа,— сказал он медленно,— извини. Я что-то устал.

Он присел за стол и так, сидя, и заснул.

Ему снилась долгая, мучительная пытка. Перед ним проходили люди, с которыми он когда-либо встречался. Люди, имевшие отношение к его работе и, в частности, к НИР. Некоторые, забытые, с трудом выбиравшись из середины ковра, куда он неотрывно смотрел. Очень странно было наблюдать, как сначала появлялась голова без различимых черт, затем, помогая себе руками, фигура поднималась — сначала до пояса, потом по колени, вставала. Лицо и туловище начинали дрожать, переливаться, пока, наконец, не приобретали знакомые очертания. Тогда схематический человек уходил в тень торшера и пропадал... Жутковатый сон. Иван силился проснуться. Мимо, улыбаясь, прошла Наташа. Другая Наташа сидела с ногами в кресле...

Иван услышал свое рычание, почувствовал боль в руках, которыми он колотил по столу, стряхнул оцепенение и туг же заблокировался от гипноза. Этому, в свое время, учили каждого агента, но здесь, на Земле, Иван размяк и потерял бдительность.

Вот теперь все стало на свои места. Фигура в кресле сидела неестественно прямо — это был маленький типчик серой наружности. Контрагенту, вооруженному гипноизлучателем, не требовалось внешнего сходства с образом, роль которого он должен был сыграть.

— Пошло вон,— приказал Иван, указывая на дверь.— Я доложу в Совет о несанкционированном контакте.

Хихикнув, человек молниеносно перечеркнул пальцем торшер. Тот мгновенно погас, переломился, на полу загорелся абажур, и в этом неестественном, колеблющемся свете промелькнула и исчезла тень.

«Вот оно, Кольцо» — сказал себе Иван, включая верхний свет. Он отнес в ванну абажур и загасил его под душем. Что там сказал Эрэф? «Мы сотрем память о твоих материалах у каждого, кто к ним прикасался». Уже начали прощупывать связи. Очень оперативно...

Название «контрагент» говорило само за себя. Кольцо применяло эти устройства в случае, если нужно было нейтрализовать активные действия зарвавшегося агента, а при необходимости — и его самого. Контрагенты выполняли черную работу карателей. Это были андрюиды, оснащенные невероятной силовой защитой, гипноизлучателями, лазерами и различными приспособлениями из арсенала промышленного шпионажа. На сей раз контрагент использовал микролазер.

Ну, это уже больше на публику, усмехнулся Иван. Это было бы эффективно в глухом средневековье, когда «нечистая сила» пугала темных верующих огненными крестами на стенах.

Так вот откуда тот особый запах, который исходил от «Наташи» и почему-то не насторожил его. Это был

свежий запах озона, сопровождающий работу гипноизлучателя...

Этой ночью Иван не спал. У него было очень мало времени, чтобы успеть. Он сидел в чистенькой кухонке, по-черному глушил кофе и исписывал листок за листком, чувствуя себя не в своей тарелке от обилия элементарных операций. Сюда бы машиночку, маленькую такую, или даже дряхленькую звяземочку, которая решала бы что попроще, освободив от примитивных вычислений, без коих, к сожалению, не обойтись... Обычно этим занимались ребята, а на нем висели уравнения высшего порядка. Сейчас всю черновую работу приходилось делать самому.

Итак, нужна самая малость — чтобы модулированное гравиполе было направленно. Как в бильярде, когда энергия одного шара передается другому, заставляя его двигаться в нужном направлении. Идеальное и очень экономичное орудие убийства. Найдичайшее «допущеньице», как выразился Эрэф, которое могло прийти гольку в разгоряченную голову ярого сторонника вооружения и, увы, имело аналоги. В свое время на Голубой планете расщепление ядра привело к появлению атомной бомбы. Сейчас в руках Ивана был прообраз нового оружия, и он полночи вычислял, каким оно будет. Оставшееся до утра время Иван истратил на поиски противодействия и, в принципе, нашел, но пока держал только в голове. Надо было проверить и проверять...

С ребятами дело пошло веселей. Иван, не глядя, совал за спину листок с исходными данными и продолжал писать. Иногда подходил кто-нибудь бестолковый, шепотом признавался в своей бестолковости, получал краткое, но емкое разъяснение и, на цыпочках удалялся... Никогда еще они так не работали! Иван загрузил всех до единичного. В просторном помещении стояла напряженная тишина. только из угла доносилось азартное сопение Эдика, который не дождался окончания отпуска и попал, что называется, в самый кон. Если уж сам шеф покинул свой кабинет и работает в общей комнате, значит, дело того стоит. «Ваня в кубе» по пустякам не разбрасывался.

Поздним вечером все разошлись (Иван предусмотрительно запер все бумаги в сейф), а с утра снова пошли формулы, цифры и среди них редкие «следовательно... поскольку, то... в результате...»

Когда все было готово, Иван собрал листки в кипу, аккуратно подровнял ее и сложил в папку. И вдруг, что за черт, стало нечего делать. Напрасно так гонял ребят... Теперь, пока материал обойдет все инстанции, пройдут недели, может быть даже месяцы. Иван не знал, в чьи руки передать эту папочку, ведь данная работа не значилась ни в каких планах.

Он сидел, кусая губы, а ребята переглядывались и пожимали плечами.

— Начнем с яйца,— непонятно сказал Иван и стремительно вышел.

...Пролистав записи, Панацеев признался, что ничего не понял.

— Вы бы, Иван Иванович, вкратце. Самую суть. Кстати, когда вы успели? Это же колоссальный труд, судя по объему! Поразительно... Ну, ну, слушаю вас.

По мере объяснения он начал ерзать в кресле. Иван говорил только касательно расчетов. Естественно, о Кольце ни слова.

— Пожалуйста, Иван Иванович,— Панацеев сжал голову ладонями,— еще раз повторите ваши выводы.

Иван повторил, глядя на дрожащие панацеевские пальцы. Кто-то заглянул в кабинет, но, услышав душевизирующее «Во-он!», юркнул назад.

— Только спокойно, Иван Иванович. Только спокойно,— Панацеев червно заходил вокруг стола, поглядывая на зловещую папочку.— Это уже далеко не наша компетенция... О, господи,— он застонал.— Вот еще на-

пасть-то!.. Бумага-то неучтенная, вы понимаете? Ах, как неосторожно!

— На ночь я все спрятал в сейф,— глухо сказал Иван.

— Да? Это уже лучше. Придерживайтесь этой версии. Если спросят... Так, сейчас мы это опечатаем и поедем к одному товарищу, у него там,— Панацев указал пальцем вверх,— кто-то... э-э, вы меня понимаете. Только не волнуйтесь, ради бога. Позвоните вашим, э-э, Бенцу и скажем, Рафаилу. Ребята крепкие, они поедут с нами. Ну и дела...

Колесо закрутилось, но пока медленно, туго. Учитывая предыдущие заслуги, к Ивану прислушались, хотя и с некоторым недоверием. После крайне лестного отзыва директора Чешуйчикова Ивана и его сотрудников неожиданно начали таскать по разным серьезным кабинетам, где им пришлось исписать кучу бумаги, а сами расчеты были отправлены в Москву хорошему знакомому Чешуйчикова академику С., занимающемуся вопросами обороны. Иванов стал знаменитостью Околорыбинска.

Учитывая, что Иван Иванович основные свои идеи вынашивает в домашней обстановке, а на работе лишь коллективно их шлифует, с подачи и при мощнейшей поддержке Чешуйчикова, администрация и завком с немалым скрипом выбили одинокому Иванову пустующий коттедж в итэзовском поселке. Собственно, никаких нарушений закона здесь не было: домик-то кооперативный, покупай, если есть деньги, и живи. Кроме того, кандидату технических наук Иванову полагалась дополнительная жилплощадь. Деньги, кровные, честно заработанные, у Ивана были, правда, пришлось подзанять... но надо учесть, что он был на крючке у правдострадальцев, и те поднялись на дыбы, мешая честной купле-продаже. Заправлял правдострадальцами опальный Полумякин — личность в деле правдоискания опытная и энергичная, далеко не последняя. Однако и на этот раз ничего у него не получилось. Пришлось опустить очередной факт в копилку.

Поселок располагался в черте города и являлся частью Околорыбинска. Коттедж — одноэтажный кирпичный дом — был теплый, уютный, с участком, засаженым фруктовыми деревьями и плодовыми кустарником. То есть именно то, что нужно яйцеголовому «генератору идей», нуждающемуся в тишине и покое...

На Кольце работали серьезные дяди и работали довольно аккуратно, но следы все же оставляли. То кто-то бумаги поворошит в домашней переписке Ивана, то глаз появится над расчетами или чертежами — без тела, без головы, один любопытный глаз, а то пристроится за сотрудником тип неопределенной наружности и не отстает, и все время ощущается, что он за спиной, да и мысли начинают путаться. Но если подглядывающие, подслушивающие призраки ВК, не умеющие проникать сквозь экраны или взламывать металлические сейфы, не представляют серьезной угрозы, то околачивающийся в городе контрагент был по-настоящему опасен. Этот, при наличии соответствующих указаний, способен был сделать многое, вплоть до физической расправы. Очевидно, указаний сверху пока не имелось.

Иван проинструктировал своих сотрудников, как себя вести на производстве и в быту; где можно — были установлены экраны. И все же обезопасили они себя и свою работу только на первый случай. Это тяготило...

Пол-окна занимала багровая лента заката, на которую сверху давили тяжелые свинцовые облака. Все в гостиной приборело красноватый оттенок, но было еще достаточно светло, и Иван не включал электричества.

Расхаживая по пушистому коврику, он говорил:

— Скучища здесь, Ната. Телек посмотришь, книжку почитаешь, в шахматки с Эдиком сбачаешь — а больше делать нечего. Ладно — зелень скоро поперет, хучь в огороде поковыряюсь.

Думал же он совсем о другом.

— Чудной ты, Ванька,— мягко сказала Наташа.— Кандидат, а излагаешь, как пьяный сапожник.

— Пьяный сапожник — это тавтология,— изрек Иван, думая о своем.

«Положеньице — хуже некуда... Ходишь под дубиной, и ничего нельзя сделать. Ни чего! Какое же я имею право заставлять ее надеяться? Собственник. Частник. Куркуль! Мое — значит, мое... Как же, все деликатно отмалчиваются... Бенц — молодец, гусарская кость: «Ну что ты ее мучаешь?» Это, наверно, за всех. Правильно, Мишка, брякнул! Прямо по темечку. Молодец, Мишка. Да, мучаю. Да, да и да. Потому что не могу без нее... Что делать-то, ребятишки?»

— Иван, я тебя не узнаю,— сказала Наташа.— Посмотри на себя. Осунулся, как бродяга. Срочно бери отпуск! Нельзя же, в конце концов, совсем без отпуска.

— Угу.

«Давай думать по порядку. В чем слабость контрагента? В конструкции? Нет. В защите? Тем более. Питание автономное. Может, здесь? Нет, чушь, неуязвим. Сработано на совесть... Так, так — сработано. А что? Мы-то чем хуже? Главное — материальная база, а соорудить собственного противоконтрагента — дело времени. Та-ак».

— Кофе не изволите? — угодливо спросил Иван.

— Будьте так любезны,— сказала Наташа.

В японской стенке, той еще, со старой квартиры, неожиданно обнаружилась нераспечатанная коробочка «Птичьего молока».

«Вот осел, ей-богу. Забыть о конфетах! Эгоцентрист заноханный, аномалия ходячая... Стоп, вот он — выход! Эта ходячая магнитная аномалия, контрагент этот, он же сам себя обнаружит, поскольку всегда таскает с собой гравиблок. Вот так, дядя. Мы для тебя соорудим такую установочку, что пальчики оближешь», — Ты-то оближешь, а я?

Иван поймал себя на том, что уже вскрыл коробочку и несет ко рту конфету.

— Не быть тебе разведчиком — во сне проболтаешься,— сказала Наташа.— А ну, гони конфеты, сквалыга.

— Знаешь что, Натка? Знаешь что?.. Выходи за меня замуж,— сияя, как надраенный самовар, сказал Иван.

— За такого мрачного типа — замуж? !Шутить изволите...

В это время солнце село, стало темно, и из середины комнаты, где любил проецироваться Эрэф, посыпалось деликатное старческое покашливание. Они миглом очутились по разным углам японского дивана...

В ближайшие дни Иван экранировал жилые помещения коттеджа низкоуглеродистой сеткой, после чего Эрэф перестал появляться у него дома. Контакт с Кольцом до поры до времени оборвался.

Филиал ВНИИ «Точприбор» был солидной организацией с хорошей научной и материальной базой. Чешуйчиков, когда переговаривал с Ивановым, преувеличивал не намного. Возможностей здесь было значительно больше, чем на родном серийном предприятии, да и время, видно, настало перебираться в науку. Серия, честно говоря, жала, как жмет тесный башмак. Это, конечно, не означало, что Иван полностью рвет с прошлым. Наоборот, контакт НИИ с заводом становится прочнее: как ни крути, а станочный парк у серийщиков был помощнее.

Иван возглавил сектор интеллектроники, куда перетасил Бенца, Тутузова, Лунина, Рабинштейна, Татаринова, Королева. Последнего он строго-настрога предупредил, что если Прынц, Вовка то есть, вздумает отлынивать, он из него подливку сделает. Луковую.

Закончив необходимые расчеты, они набросали электронную схему передвижной малогабаритной установки (ПМУ). С конструкцией пришлось-таки пово-

зяться... Готовые чертежи были переданы Панацеву, четко организовавшему изготовление ПМУ в экспериментальном цехе. Здесь отличился Булкин — спец по железкам и электронике. Все-таки, старые связи кое-что значили.

Установка вышла изящная. Особое восхищение вызвал индикатор повышенной гравитации, который торчал на макушке ПМУ и непрерывно пошевеливался, выноживая контрагента. С индикатором были спарены лазерная пушка и одна из телекамер.

Полигонные испытания показали, что ПКУ (совместно решили: ПКУ — противоконтрагентная установка — звучит благороднее, чем ПМУ) обладает блестящими ходовыми качествами и способна поражать цель на расстоянии до двадцати километров без промаха. Этого было вполне достаточно, хотя по расчету лазерный луч не должен был рассеиваться, то есть терять энергию, на куда более значительном расстоянии. Защитное силовое поле позволяло отклонять атакующий луч, а если мощность атакующего лазера была избыточна, выделяющаяся от контакта луча с полем энергия аккумулировалась в резервных конденсаторах.

Управлять установкой можно было как дистанционно, так и голосом, произнося кодированные команды. ПКУ охотно откликалась на кличку «Жучка».

Совсем скоро «Жучке» пришлось встретиться с контрагентом.

Экран окружила плотная толпа. Сидели только двое — Иван, который подавал команды, и оператор, молодой рыжий парнюга с огромными ушами. В коллективе его почему-то звали Сергей, а также Пьер Безухов или попросту Пьер. Своими лапщами Пьер, на удивление, ловко крутил верньеры, держа в фокусе невзрачного мужичка (Иван узнал его) в мятом пиджаке и еще более мятых брюках, за которым следовала «Жучка». Мужичок оглянулся, при этом голова его противоестественно повернулась на 180 градусов, и полегоньку затрусил в подворотню.

— Ага, попался, — сказал кто-то кровожадно. — Хамелеон!

Между тем мужичок выбрался на параллельную улицу, где было поменьше народу, и резко увеличил скорость.

— Эк, чешет, — восхищались в публике.

Неизвестный шустро перебирал ногами, но «Жучка» не отставала.

— «Жучка», ату его на пустырь, — сказал Иван в микрофон. — Но чтобы без «моргаликов»!

Команды кодировал Принц. Это он назвал ПКУ «Жучкой» — отсюда автоматически последовали собачьи команды. Под «моргаликами» подразумевалось все, что хлопает глазами, то есть живое. Ребята вволю поиздевались над принцевскими кодами, но в целом одобрили.

— Есть без «моргаликов», — по-боевому ответила «Жучка».

Загнать контрагента на пустырь не составило труда. Похоже, тот сам туда рвался.

Пустырь зарос жесткой пыльной травой, которая щетинилась на буграх. В траве мелькали изогнутые причудливым образом ржавые трубы, прутья, консервные банки, драные башмаки и прочее иссохшее рванье.

Мужичок воровато огляделся. Изображение на экране задрожало.

— Клиент применил силовое поле, — доложила «Жучка». — Прием.

— Фас его, — приказал Иван.

В следующую секунду экран заволочло пылью. В крутящейся пыли образовался узкий туннель, и слепящий луч ударил в глаза. Параллельно ему рыжую плену прошила белая нить.

— Молоток, «Жучка», — прокомментировали в пуб-

лике. — Жри его с потрохами... А вы, Пьер, будьте добры, прижмите уши, чай, не стеклянные.

Серый молча и внушительно показал круглый веснушчатый кулак.

Пыль рассеялась. Маленькая фигурка стремительно уносилась к реденьким облакам. «Жучка» стегала ее крест-накрест ослепительно ярким бичом. Вокруг фигурки потусторонне мерцали искры; она огрызалась.

— Подбавь маслица, — сказал Иван в микрофон. Это значило — увеличить мощность поржения.

— Есть маслица.

«Жучка» преследовала контрагента по пятам и по-прежнему приближалась к нему.

Солнце то било в глаза, то исчезало за экран, мелькали квадраты полей, и снова виделось голубое небо. Андроид, набирая высоту, все время менял направление. Вокруг него постепенно образовывался ореол, и скоро на экране остался пульсирующий багровый пузырь.

Этот пузырь разбухал, шевелился, как пчелиный рой, по нему пробегали желтые молнии — и вдруг лопнул, заставив людей на мгновение ослепнуть. Экран погас, но еще какое-то время перед глазами плавал черный прямоугольник с белой безжизненной, неестественно вывернутой фигуркой.

— Порядочек, — кто-то злорадно и дробно захихикал в полной тишине, но быстро умолк.

— «Жучка», «Жучка», что с камерой? — по инерции спросил Иван.

Впрочем, он догадывался, что произошло. Силозая защита, очевидно, не выдержала слишком близкого взрыва, резервные конденсаторы переполнились, и где-то в схеме произошло короткое замыкание. Могло быть и другое: могло нарушиться теплозащитное покрытие. Так или иначе, что-то пагубно повлияло на работу бортовой ЭВМ. Установка превратилась в опасное слепое оружие.

— Я за пределами атмосферы. Скорость увеличиваясь, погасить не могу...

Ровный голос слабел, угасал, пока не остался струящийся, как песок, шорох.

Так, так, скорость увеличивается... Она будет увеличиваться до тех пор, пока хватит энергии, а энергии хватит надолго.

Все подавленно молчали.

— Ладно, — сказал Иван. — Держать хвост морковкой. «Жучка» свое отработала. А теперь поехали за ее жертвой. Не пропадать же добру.

...Что он особенно ценил в своих сотрудниках, так это умение не задавать лишних вопросов. Сам бы он наверняка не удержался и спросил, что это за карась такой — контрагент, которого необходимо было скусать.

Новый вариант ПКУ изготовить было проще, так как остался приличный задел от предыдущей установки. Эта модель была лучше защищена, имела тормозные двигатели, чтобы гасить скорость в безвоздушном пространстве, и манипуляторы, что крайне пригодилось бы при ремонте космических станций и всякой мелочи вроде искусственных спутников.

Когда все было готово, Принц обошел вокруг ПКУ, дыхнув на линзу, рукавом протер просветленную оптику телекамеры и, пожимая установке манипулятор, провозгласил: «Нарекаю тебя «Бобиком».

Принимая во внимание, что нового контрагента наверняка потянет к даче Ивановых, «Бобику» вменили в обязанность сторожить ее.

В один из дней он честно стоял на посту, когда из дальнего переулочка появилась быстро приближающаяся пара — впереди бойцовый кот Жулик, за ним крупная лайка Муза.

В отличие от суматошной, обладающей отвратительным характером Музы, Жулик не любил торопить-

ся. Опытный проныра, весь в шрамах от чердачных и подвальных боев, свои дела он обычно обстряпывал не торопясь, как и подобает уважающему себя коту. Но в описываемый момент Жулик потерял бдительность и потому вынужден был спасать шкуру, забыл о чувстве собственного достоинства. Ударяя, он зорко высматривал лазейки: дырку в заборе, подвальную отдушину — что-нибудь такое узкое, чтобы он, Жулик, туда проскользнул, а эта дурная псина хрюкнула о кирпичи или доски своим глупым носом. Знала чтоб, с кем связываться.

Издалека приметив «Бобика», Жулик, поравнявшись, внезапно метнулся к нему, махнул на манипулятор, а оттуда на «бобикову» маковку. Там он тормознул, выгнув спину дугой, и презрительно, хрипло сказал в сторону Музы «фэ-э».

Муза с размаху врезалась в защиту и отлетела в сторону. Она тут же заскакала вдоль силового поля, наполнив окружающую среду звонким лаем. «Бобик» невозмутимо крутился вокруг собственной оси, направив на нее телекамеру.

С этого момента Жулик встал на довольствие в доме Ивановых.

Предместкома Жиздриков ничего не желал слушать.

— Я не хочу из-за вас идти под суд, Иван Иванович, — говорил он, пряча глаза. — Четыре года без отпуска — за это по головке не поглядят.

Стоял жаркий июль. Отпуск в городе в самый разгар жары — это духота, пыль и скука, и Наташе удалось уговорить Ивана съездить вместе в деревню к ее деду.

Было странно и диковато жить без привычного городского шума, без уличной толчеи, среди куриного кудахтанья и коровьего мыка. Потом Иван привык.

На рассвете они с Жуликом (тот независимо трусил в стороне, но не отставал) уходили на заросшую ивняком старицу поудить рыбку. В это время «Бобик» рыскал по окрестным полям, выявляя гравитационные аномалии и пугая коров. Иногда к нему присоединялся Жулик. Он полюбил кататься на большой скорости, водрузившись на «бобикову» макушку, обозревая непроницаемым взором буйно цветущий ландшафт. Когда они пролетали мимо зазевавшейся птицы, Жулик норовил подцепить ее вороватой лапой, но «Бобик» вовремя замечал и деликатно пресекал. Накатавшись, они возвращались к Ивану, где кота уже поджидала пара рыбин.

Как-то в середине отпуска, возвращаясь домой с лещами в корзине, переложенными мокрой осокой, с обленившимся на отдыхе Жуликом, который возлежал, свесив лапы, на «Бобике», Иван лицом к лицу столкнулся с Булкиным. Витька пару раз хлопнул глазами.

— Вот те на, — обрадовался он. — И чего, думаю, мужик пропал? Зазнался, что ли? Не должен. Наш, вроде, кадр.

— А ты как здесь, Николаич? — спросил Иван.

— А вот так! Теща у меня здесь.

— Надо же! У меня тоже.

— Так есть предложение, — сказал Витька.

— Не потребляем, — кратко отозвался Иван.

— Трудно с тобой разговаривать, Иванович, — обиделся Булкин. — Как на стенку натыкаешься. Ей-ей, зазнался!

Посопев, он спросил:

— А это, никак, ПКУ-два? Можно?

— Давай. Только что — можно?

— Тс-с, — сказал Витька и поманил «Бобика» пальцем.

Тот приблизился. Тогда Булкин ладонью вверх толкал воздух, приговаривая «вира» — и «Бобик» плавно взмыл метра на два, «майна» — опустился. Жулик приоткрыл щелочки глаз, но сохранил прежнюю позу.

— Вот так, — торжествующе сказал Витька, поти-

рая руки. — Помнит, сукин сын... Не то, что некоторые. Как я его гонял по техусловиям, как гонял!

— Не стыдно издеваться над бедной машиной?

— Брось, Иванович, подтыривать, — Витька оживился, будто совершил крайне полезную работу, глаза у него заблестели. — Слушай, будь другом, возьми к себе хоть лаборантом, пропадая же. Разговорчики всякие надоели, да и тоска смертная, никакого размаха. Вот те техпроцесс и — и вкалывай. Как по рельсам... Да, на цех нового начальника определили. Интеллигэ-энт. При дамах матом лается. Скучно, Иванович.

— Производство, — вздохнул Иван. — А вы его воспитывайте помаленьку. Это же безобразие — матом. Чего терпеть-то? Кстати, что за разговорчики?

Понизив голос (в километровой радиусе кроме них никого не было), Витька сообщил, что бродят слухи, будто он, Булкин, любимчик самого Иванова. Оттого и служит мастером, хотя какой из него, Булкина, мастер, если этот мастер через день закладывает за воротник и бьет жену смертным боем.

— Уже в парткоме песочили, — добазил шепотом Витька. — По анонимке.

«Та же рука», — подумал Иван и спросил:

— А ты бьешь? Закладываешь?

— Верку-то? Попробуй тронь — сразу сковородником промеж ушей словишь. Кроме того, я ее люблю и уважаю. А насчет закладывать — это они про «Якорь» в писульке пишут. Может, помнишь? Страшные люди, я тебе скажу. У них все на крючке.

«Определенно та же рука. Нет, как копают, а? Именно — что страшные люди. Раздувают из мухи слона, а потом обглаживают косточки. А Витька — парень заводной... Да что я, собственно, думаю? Руки у мужика золотые, голова на месте».

— Ты, Николаич, когда в городе будешь?

— Да хоть сейчас поеду, — отозвался Витька. — Обрыдло уже зеленое хозяйство. Мозги, чуя, сохнут.

— Мозги лучше не запускать, — согласился Иван. — Через пару недель брякни по этому телефону. Это мой подпольный.

«Бобик» обнаружил аномалию, мигом вычислил координаты и сразу развил крейсерскую скорость, потому что контрагент должен был приземлиться в зоне Ивана. Одновременно по рации он оповестил о ЧП правление совхоза «Первомайский». Председатель поднял всех свободных от сельхозработ на ноги...

Иван правой рукой удил себе рыбку, а левой изредка, наощупь поглаживал спящего толстого Жулика. Кот, свернувшись клубком, мурлыкал во сне. Ему снилась лихая беспризорная юность, милая сердцу кошка Маруся, безвременно испутившая дух под колесами грохочущего самосвала, надежный и быстрый «Бобик»...

Что-то заставило насторожиться, и Жулик проснулся. Принюхался, обрыскал немигающими глазами горизонт, небо, зафиксировал в небе темную точку и принялся за ней наблюдать Точка, вырастая в размерах, стремительно приближалась и очень скоро стала похожа на «Бобика», но это явно был не он. От «этого» исходил запах угрозы.

Противник еще не успел коснуться земли, когда Жулик, сипло спросонья мяукнув, помчался навстречу.

Иван обернулся на мяв.

Полутораметровая фигура, отдаленно напоминающая человеческую, задрал шупальцы, пыталась сорвать ошалевшего кота с объективов. На этот раз контрагент предстал в своем настоящем, незакамуфлированном облике. Похоже, на Кольце не сомневались в успехе.

«Кто-то наводит», — подумал Иван и кинулся спасать Жулика, хотя в душе понимал, что это неразумно. Охота была не на кота.

Жулик не сдавался. Носясь кругами вокруг белко-

вого, он то и дело прыгал на объективы, лишая контрагента обзора.

Иван успел добежать и отбросить кота в сторону. Громоподобный голос приказал:

— Ложись!

Этому голосу он подчинился, это был многократно усиленный голос «Бобика». Он рухнул на землю, но в это время левый бок словно ожгло кипятком...

Очнувшись от деловитого посапывания и непонятных прикосновений. Открыв глаза, Иван увидел над собой сосредоточенную мордочку Жулика, который облизывал его лицо. Поймав взгляд хозяина, Жулик отошел и принялся нервно чистить свою взъерошенную шерстку. Приподняв голову, Иван осмотрелся.

«Бобик» отогнал контрагента, и теперь метрах в ста происходило что-то бесшумное и ужасное. Там высились груды выброшенной породы, пахло жженым, мелькали бесформенные тени; застревая в песке, полыхали взблески ослепительных молний. Все пространство от Ивана до места боя было изрыто оплавленными канавами.

Иван попытался сесть, не получилось. Надо было снять рубашку. Извиваясь, он содрал ее и, как мог, осмотрел рану. «Не смертельно,— подумал он.— Скользящая». Сосредоточившись на ране и вспоминая факультативно изученные постулаты саморегенерации для космодесантника, он очистил ее от пораженных клеток, чтобы не воспалилась, и затянул тонкой защитной пленкой, которая в скором времени должна была стать кожей.

«Легко отделался,— сказал себе Иван.— Ты, брат, везучий». Надевая рубашку, которая уже немного подсохла и неприятно царапала свежий рубец, он припомнил из давних курсантских разговоров, что контрагенты превосходно знают анатомию и обучены поражать жизненно важные центры: Значит, в последний момент что-то его отвлекло, заставило перевести прицел, причем спешно, лишь поэтому ранение оказалось поверхностным, касательным. Собственно, здесь все ясно — подоспела на помощь ПКУ-2.

Подошел и сел рядом спокойный Жулик, будто не было ему никакого дела до этой заварухи. Свое дело он сделал — спас хозяина, а с остальным «Бобик» разберется, не маленький. Лев, а не кот. Иван почесал «льва» за ушком. Жулик равнодушно зевнул.

Бой заканчивался. Вскоре с андроидом на плечах подкатил закопченный «Бобик» и отрапортовал: «Задание выполнено».

— Вижу,— Иван встал.

В это время подоспел народ. Чтобы не расхохотаться, Иван наморщил лоб и выпятил губы. С топорами да вилами против универсального средства уничтожения — это, конечно, да-а.

— Не задело? — спросил Булкин, ощупывая его тревожными глазами.

— Ну и комедь,— сказал кто-то.— Пряма, как на войне!

— Как же не задело? Костюмчик весь изодран у бедняцкого.

— Товарищи,— вяло сказал Иван,— оснований для тревоги нет. Результат эксперимента, сами видите, положительный. «Бобик», у тебя все в порядке?

— Так точно,— гаркнул «Бобик».

— Нет, ну ты гляди! Чудеса, да и только,— захмыкали в толпе.— Этак скоро ухват заговорит.

— Японская штука-то, поди. Умеют же!

— А где ж Наташка? Кто последний видел Наталью?

— Да вон бежит!

— Во девка стала. Везет тебе, Ванька!

— А мы и сами не шавырь-шавырь,— отозвался Иван и помахал Наташей рукой...

— Кровь,— сказала она жалобно.

— Ободрался маленько,— сказал Иван.

И тут она заревела...

Под женские причитания Иван внимательно осмотрел поврежденного анроида, после чего буркнул:

— Позарастали стежки-дорожки... Боб, давай домой. Будем паковать в дорогу. Идем, Ната.

— Ваня,— на ходу сказала Наташа.— Я больше так не могу. Мне Витя Булкин сказал, что оно в тебя стреляло.

— Промазало.

— Ты упал. Я видела.

— Кончай реветь.

— Я не реву. Мне страшно за тебя.

— Ревешь,— сварливо сказал Иван.

— Почему оно в тебя стреляло?

— Ладно. Пусть будет сейчас. Идем.

Они спустились к реке, где густой кустарник скрыл их от любопытных глаз и здесь Иван, криво усмехаясь, снял рубашку.

— Что это? — ужаснулась Наташа.

— Сюда оно в меня попало.

— И молчал. Надо же срочно в больницу! Ложись и не двигайся. Я мигом. Потерпи.

— Не надо в больницу. Посмотри внимательно — уже зарастает.

Иван вздохнул и начал говорить. Молчать теперь не имело смысла. Рано или поздно все равно пришлось бы объяснить свое существование, свой стремительный взлет на Олимп... Конечно и здесь были свои допущения, Иван, ничуть не гордясь этим, понимал, что перерос ВК. Атмосфера, быт. человеческое ли самосознание приложило к этому руку — он не знал. Свой безграничный эгоцентризм существа высшего порядка он вытравил по капельке и теперь был, как на ладошке, на прекрасной и любимой Земле. Он перестал быть орудием чужой воли, стремящейся подчинить себе развивающийся разум. Он давно уже понял, что подавить разум — дело бессмысленное и невозможное, и понял, для чего человек рождается. Это, оказывается, очень просто — для того, чтобы быть творцом. И в этом теперь был весь смысл его жизни...

— Ванька, дурачок ты мой,— сказала Наташа.— Что это тебе взбрело в голову про какое-то Кольцо? Перестань сейчас же об этом думать. Ты мой, мой и еще раз мой, и никуда я тебя не отпущу. Понял? И запомни — я от тебя не отстану. Даже на твоём Кольце найду, если будет нужно. Вместе с «Бобиком» найдем, уж он-то тебя ни с кем не спутает.

— Эгоистка ты. Ната.

— С кем поведешься, Ванечка,— лукаво сказала Наташа.

Иван уже второй час возился с андроидом, изредка помечая что-то в тетради. Принцип действия изобретением не явился, но в отличие от первой модификации, подбитой «Жучкой», в данной конструкции появились новые монолитные блочки, «черные ящички», назначение которых настораживало. Застыв в неудобной позе над электронным микроскопом, Иван аккуратно отрезал от очередного блочка тончайшие слои лазерным скальпелем. Работа была нудная и требовала хорошего пространственного воображения.

— Ага,— сказал, наконец, Иван.

— Что? — озабоченно спросил Вовка Прынц.

— Ага означает ага,— сказал Иван, не отрываясь от микроскопа.

— Ага,— озабоченно согласился Вовка.

— Так, так, так,— Иван, потирая поясницу, встал с высокой лабораторной табуретки.— Ясенько.

Затем распорядился, чтобы вызвали ПКУ-2.

«Бобик» с порога доложил:

— Явился, не запылится.

Иван взглянул на Прынца, тот сделал тупое лицо.

— Ты заметил что-нибудь необычное во время боя? — обратился Иван к «Бобикю».

— Так точно, заметил. Моя защита нуждается в доработке. Я бы доработал систе...

— Стоп, стоп. Это уже моя забота. («Дяди с Кольца бьют меня моими же идеями... Оперативно. Но это ничего, ничего! Они еще не все знают»). Меня волнует другое. Эта конструкция, в отличие от прошлой, с которой ты, кстати, знаком, должна была просверлить в твоей защите ма-аленькую дырочку, с микрон, и поразить тебя. Где дырочка, я спрашиваю? — свирепо закончил Иван.

— Так точно. Понимаю. Таковая дырочка имеется, только в дубле.

— В каком дубле? — не понял Иван.

— В моем, уважаемый. Я его опосля кремировал.

— Принц, что ты делаешь с установкой? — нехорошо спросил Иван.

— В каком смысле? — от усердия Вовка вытаращил глаза.

— В прямом: опосля, уважаемый. Мало тебе собачьего диалекта?

— Иван Иванович, да ведь заслушаешься. Как по роте босиком. Будто с народом пообщался.

— Ну — демагог, — Иван поглядел на хихикающих ребят и усмехнулся. — Так что за дубль?

Оказалось, что «Бобик» в момент приема излишней энергии умудряется из наличествующей глины или другого подножного материала сотворить себе подобных, которых считает своими сыновьями, и очень гордится дублем, «повесившим лапшу на уши контрагенту».

— Навешавшим, — машинально поправил Иван и застонал — про себя, в душе.

— Виноват — исправлюсь. Он погиб, — с дрожью в мембранах провозгласил «Бобик», — но дела его пребудут в веках, едрена палка. Дабы не раскрыть секрета, я вынужден был его кремировать. И это высшая почесть, язви ее в душу.

Иван, глядя на потупившегося Вовку Принца, шмыгнул носом и почесал в затылке.

Доработка «Бобика» заняла несколько дней. Интенсивное участие в ней принимал Виктор Булкин. Именно он своими толстыми обкуренными пальцами виртуозно спаял электрическую часть на двадцати микросхемах и заготовил моноблоки, используя для заливки надежную эпоксидку. Он же отчистил до блеска послушного «Бобика», впрыснул маслица в его шарниры, в благодарность за что был обучен колыбельной на языке экзотической народности тибетского нагорья.

Обедали они вместе с Ивановым в ближайшем кафе «Орбита». Кормили здесь дороговато, но хорошо, под приглушенные записи современных рок-групп. Музыка создавала уют и одновременно отодвигала на задний план атавистические звуки, сопровождающие прием пищи. Кроме того, сюда после стипендии заглядывали симпатичные девочки из мединститута, которые как-то по-особому умели «стрелять» глазами. Это бодрило.

На одну из них, миниатюрную блондинку, Булкин обратил особое внимание, а все потому, что хорошенкая студентка частенько поглядывала на их столик. Поглядит, мило улыбнется Витьке и о чем-то думает, но уже с серьезным, почти хмурым лицом.

Совпало так, что они вместе вышли из кафе, однако Иван, весь в заботах, вышел первым, а Булкин, придержав дверь, чтобы пропустить девушку, поотстал и потому не заметил, когда же, собственно, они успели познакомиться. Прошли-то какие-то секунды.

— Виктор Николаич, ты иди один, — попросил Иван. — Мне надо переговорить с... товарищем.

Булкин ушел, а Иван внимательно всмотрелся в незнакомое юное лицо.

— Я вас не помню.

— Я из последнего выпуска, — холодно сказала девушка. — Земное имя, скажем, Света. Для удобства.

(12) — Пойдемте вон на ту аллею, — предложил Иван. — Для удобства.

— Не иронизируйте, — Света вынула из сумочки, висевшей на плече, сигареты. — Вашему положению я не завидую. Угощайтесь.

— Не курю. И запомните на будущее — угощать сигаретами и вообще ухаживать должны мужчины.

— Очень вам благодарна, Иван Иванович. Обязательно запомню.

Она опустила пачку в сумочку.

— А вы что же? — спросил Иван.

— Перебьюсь. Присядем.

Они сели на скамейку в середине аллеи. Люди проходили, но редко. На девушку заглядывались, с Ивановым вежливо здоровались.

— Вам не страшно? — участливо спросила Света. — Герой. В одиночку против Кольца. Супермен.

— Вы давно здесь? — Иван усмехнулся.

— С неделю. А что?

— Через месяц будете думать по-другому.

— Вот что, Иванов, — жестко сказала девушка. — Руководитель приказал прекратить всякую деятельность. То есть: уничтожить все результаты работы и с первым же спецрейсом явиться для официального отчета. Учитывая кое-какие ваши заслуги перед обществом, Руководитель обещал хлопотать о смягчении приговора.

Иван засмеялся.

— Послушайте, что вы мне предлагаете. Я нескольковольно повторю ваши слова. Вы предлагаете бросить работу, дом, семью, уехать в тридевятое царство и сесть там в кутузку. И ждать в этой кутузке — аннигилируют тебя сразу или же сошлют на рудники, что почти равнозначно. Веселенькая перспектива.

— За ошибки надо расплачиваться!

— Хорошенький, но все же солдатик, — сказал Иван. — Крепко в вас вбили казарменные законы. Впрочем, и я был не лучше. Только сумел перестроиться. Вот вы говорите — ошибки. А я говорю — нет. Это как раз то, что должен делать думающий человек. Иначе, он — вечный мальчик на побегушках.

— Не зарывайтесь, Иванов. Дисциплина есть дисциплина. Нечего защищать распущенность и расхлябанность.

— Пожалуй, месяца на адаптацию вам будет мало, — задумчиво сказал Иванов. — А знаете что, Света, или как вас там... Вы же красивая женщина. Вам надо мужа, детей. Зачем вам эта суета с мировым господством?

— Обо мне не беспокойтесь, агент Иванов.

— Хорошо. Тогда я просто расскажу, что вас ожидает... Пока вы молоды и смазливый, вас будут держать на чужих планетах. А это далеко не сахар. Сами понимаете — двуличная жизнь, нервы, неизбежное вранье, провал или его ожидание. Вы станете раздражительной, вредной, подурнеете и облысеете раньше времени. Вас уволят в запас. Если повезет, будете преподавать азбуку шпионажа курсантам. И обязательно среди курсантов найдется юная девица, которой вы не сможете простить молодость и красоту, будь у нее хоть семь пядей во лбу. И вы начнете ее преследовать, хотя она ни в чем не виновата. Если с преподаванием не повезет, тогда вообще дело швах. В обоих случаях вы останетесь одиноким выжатым лимоном. Очень кислым и злым. Подумайте, на что вы хотите растратить свою драгоценную жизнь.

— Ишь, какой цыганка нашелся, — проворчала Света. — Тьфу.

— Тогда уж скорее цыган, — сказал Иван. — Следите за речью.

— «Облысеете» — тоже мне цыганка. Типун на язык.

— Но есть другой вариант, — хладнокровно продолжал Иван. — Вот она — Земля. Перед вами. Бросьте

все и оставайтесь здесь. Ей-богу, лучшего варианта вы не найдете. Хорошенько подумайте, Света.

— Все?

— Да нет, не все. Я полагаю — мы еще раз встретимся.

— Значит, вы,— официально сказала девушка,— агент Банг-17, отказываетесь выполнять приказ руководства.

— Категорически.

— Пеняйте на себя.

— Вы, Света, позванивайте,— Иван поднялся, взглянул на часы и поморщился.— Я вас познакомлю с чудесным парнем. Пока.

Он шел, не оглядываясь, и не видел, как девушка вынула из сумочки пистолет бесшумного боя, тщательно прицелилась в его широкую спину, под левую лопатку, но так и не выстрелила. На аллее в это время никого не было, и никто ей не мог помешать...

В жизни Ивана началась черная полоса. Впрочем, он был оптимистом и привык к частому невезению, поскольку затем обязательно следовала удача, и поэтому не обращал особого внимания на всю эту мышиную возню вокруг своей персоны. В партком института последовала стая анонимок, в которых на разные лады муссировались все тот же «Якорь» и тот же Булкин. Увидели свет новые факты, как то: совращение юных девушек (Света), нарушения КЗОТа (работа вечерами и в выходные дни), протекционизм (опять же Булкин) и прочая несуразица. В статье доцента К., опубликованной в вестнике нанайского университета, работы Ивана оценивались как «перепевки и передривания теории Эйнштейна», а к самому Иванову был приклеен ярлык беспринципного плагиатора. О бездоказательности и псевдонаучности идей Ивана зашумукались в околонучных кулуарах. Побичевать Ивана стало модно, хотя никто толком не знал — что это за фрукт и чем он там занимается. Мода есть мода.

За Ивана горой встал Чешуйчиков. На открытом партийном собрании он попросил администрацию и партком оградить молодых и способных научных сотрудников от злобных нападок фом неверующих. «С нанайским доцентом я сам разберусь,— заявил Чешуйчиков,— а вы уж, будьте любезны, позаботитесь о повышении жалованья товарищу Иванову. Это, во-первых, явится компенсацией за моральный ущерб, причиненный уважаемому начальнику сектора, а как бы послужит нашим ответом грязным инсинуаторам, а во-вторых, в семье Ивановых ожидается пополнение, так что, извините, денёжки не повредят». На том и порешили.

Сопоставив факты, Иван пришел к выводу, что черная полоса — дело рук закордонного Эрэфа, ведь она последовала сразу после разговора с девицей-агентом Светланой. Кажется, в стане Эрэфа начиналась тихая паника. И еще один вывод сделал Иван: кляузники действуют одинаково — что доморощенные, что закордонные.

Сделав коварный ход ладью, Булкин спросил:

— Как Наташа?

— Нормально,— ответил Иван.— Бойтся.

— А ты успокой, успокой,— сказал Булкин.— Не ты, мол, первая, матушка. У некоторых по двенадцать детей.

— Так то у некоторых.

— А это у нас,— закончил Булкин.— Она ведь мне звонила на днях. Что это, спрашивает, за девушка у Вани?

— Чудачка. Могла бы и у меня спросить.

— Что это была за дама?

(12) — Какая еще дама? — разозлился Иван.— Дай з шахматы поиграть. Ты про Светлану, что ли?

— Не знаю, как ее зовут. Не знаю.

— Слушай, Витька. Если я поговорил с женщиной, то это вовсе не значит, что между нами что-то есть.

— Ты вот только мне не темни,— сказал Булкин.— Наталью в обиду не дам.

— Замолкни, Булкин,— попросил Иван.

— Ладно, это я для профилактики. Просто ребята доложили, что тебе какая-то особа названивает.

— Пусть названивает по моему телефону,— буркнул Иван.— Не иначе, как Светка балуется. Тоже для профилактики.

— И что же это за Светка?

— Ну и надоел ты мне,— Иван вздохнул.— Ладно, расколось. Это шпионка. Мата Хари. Мне сейчас шпионы названивают. Я ведь агент.

— Поехал.

— А я тебе правду сказал. Только ты никому. Наташа-то молчит.

— Угу. Агент. Понял.

Зазвонил телефон.

— Вот, пожалуйста,— Иван взял трубку.— Да. Совершенно верно... Товарищ, у меня обед... Да, подумал и серьезно... Вы все сказали? Тогда перестаньте отвлекать по пустякам.

Он положил трубку и улынулся.

— Дружки-приятели обещают ликвидировать. И так каждый божий день.

— Как — ликвидировать?

— Ну, как ликвидируют? Застрелят, например. Кирпич сбросят. Задуют. Машиной задавят.

— Дите ты, Иван, я смотрю. Сущее.

— Если бы,— задумчиво сказал Иван.— Так. К черту шахматы, есть идея...

Идея, в общем-то, была примитивна. Иван рассудил просто: если создать локальное гравиполе, реагирующее на тела, движущиеся со скоростью, скажем, 200 метров в секунду и выше, и с помощью этого поля одновременно искривить траекторию и ускорить движение, то вполне можно нейтрализовать огнестрельное оружие. И не только огнестрельное. Разогнать, например, пулю, снаряд или бомбу до первой, а лучше — до второй космической скорости и вышвырнуть в космос.

Булкин, в целом, идею одобрил, но засомневался по поводу гражданских самолетов (военные — те пусть себе летают в вакууме). Иван обещал отреагировать на сомнение. К работе привлекли испытанных сотрудников, которые взяли на себя выполнить ее в рамках личного творческого плана.

Название новой установки возникло во время вечерней партии в «бешку» — помесь шашек с бильярдом, где кии были настоящие, а шарами служили алюминиевые шашки. Кто-то посоветовал, что бешка бешешкой, а в старый добрый преферанс давненько не играли. Так и появилось название — «Пулька».

Сначала «Пульку» испытали в тире, а затем, в сопровождении бывшего начальника штаба, ныне школьного военрука Федора Георгиевича, на полигоне его родной войсковой части. Во время стрельб Федор Георгиевич подавал специальные команды: заряжай, огонь — пли, снаряд, заряжай. Команды он подавал самому себе, так как никто из испытателей не умел стрелять из современного артиллерийского орудия. На невзрачную «Пульку», похожую на лампу УВЧ, какую убивают микробов в помещениях во время антигриппозных кампаний, он не обращал внимания. Зато после каждого выстрела Федор Георгиевич апеллировал к обескураженному сержанту. Последний не мог вразумительно откликнуться на апелляции, поскольку сам не понимал, отчего снаряды не взрываются и не поражают макеты вражеских танков. Это у самого-то товарища полковника. Пусть и в запасе.

Осмотр мишеней и отсутствие свежих воронок повергли Федора Георгиевича в глубокое изумление. Чтобы привести кадрового военного в чувство, Миша Бенц похлопал его по плечу тяжелой ладонью и сказал:

— Ничего, Георгич. Теперь так все бабахалки будут стрелять.

— У дедушки твоего бабахалка,— прошептал военрук, сраженный этой бесхитростной тирадой.— На гороховой каше... Сопляк!

Радиус действия «Пульки» оказался вполне сносным — 27 километров. Перекрывался весь Околорыбинск с пригородами.

— Там эта дамочка пришла, Мата Хари,— сказал Булкин, просунув лохматую голову в кабинет Иванова.— В вестибюле дожидаться изволят.

По лицу его гуляла ироническая ухмылочка.

— Наконец-то,— Иван отложил ручку.— Ты заходи, Булкин. Проблемы есть?

— В местком выдвигают,— Булкин поспешил и вошел.— Говорят, в председатели.

— Рад,— сказал Иван, надевая пиджак.— Только вот жадный ты, Виктор Николаич. У тебя ведь путевки не допросишься. Не буду за тебя голосовать.

— И не голосуй, родимый! В ножки бухнуть, только не голосуй. И ребят подбей!

— Обсудим,— сказал Иванов.— Так где, говоришь, наша Мата Хари? В административном?

— Иваныч...— Булкин покачал головой: не надо бы, мол.

— Кроме шуток,— Иван стал серьезным.— Я тебе все объясню, но потом. А ты мне скажешь, надо, чтобы все знали, или нет?

— Что ты все темнишь, Иваныч? Ей-богу, надоело.

— Как скажешь, так и сделаю. Но потом,— и Иван вышел.

При подходе к административному корпусу он поймал себя на излишней спешке. «Как на свидание»,— подумал он без иронии.

Светлана скромно сидела на диванчике в огромном вестибюле и разглядывала красочные планшеты с отвлеченными институтскими показателями. Мило улынувшись Ивану, она сказала:

— Никак не пойму, чем вы здесь занимаетесь. Во всех конторах одно и то же.

— А, это?— Иван мельком взглянул на показатель роста производительности труда.— Это эквивалент, позволяющий соревноваться с другими конторами. Забавная штука. Объяснить?

— Ради бога, я не за этим.

Она встала и надела на плечо сумочку. Точеная такая девочка, которую не портили даже «бананы». Женственный подросток с льняными волосами и голубыми доверчивыми глазками. Агент начальной ступени, в совершенстве владеющий холодным и огнестрельным оружием, а также приемами рукопашного боя.

Ивану стало смешно, и он дотронулся до ее плеча, делая вид, что снимает пушинку. Плечико было худенькое, беззащитное.

— Прошу вас, не надо,— она посмотрела ему в глаза.— Мне нужно посоветоваться.

— Пойдемте,— сказал Иван голосом театрального сердцееда.

Заканчивался август, еще хранивший буйство летних красок, но уже не изнурительно жаркий, а приглушенный, спокойный. Солнце стояло высоко и отбрасывало резкие тени, и почему-то казалось, что старые липы опрокидываются в небесную голубизну.

— Что вы там увидели?

— Небо,— признался Иван.— Там я не видел неба. Не замечал.

— Ох, Иван Иваныч. Прозрели. Там же купол зашиты!

(14)

— От кого, простите, защиты?

Света не светила, но видно было, что она рассердилась. То, что вбито в голову с пеленок, нелегко отпускает.

Все еще сердясь, она довольно кровожадно сказала:

— Я вас тогда должна была убить. Я нарушила приказ.

Иван внимательно посмотрел на нее с высоты своего роста и улыбнулся.

— Убить, Светочка, легче всего. Убивают, когда не понимают.

— На днях прибудет Эрэф.

— Ого,— Иван даже остановился.— Но здесь полно исполнителей рангом пониже.

— Они не пойдут на это.

— И нарушат приказ?

— А почему я нарушила, как вы думаете?

— Что-то помешало, наверное.

— Ничто не помешало. Абсолютно. Просто меня взяло сомнение — правильно ли я сделаю? Ведь вы же наш, не абориген какой-нибудь. Я вас помню по училищу. Но потом я поняла, что дело совсем не в этом. Вы не похожи на преступника.

— Польщен,— сказал Иван.— Присядем, а то все ходим да ходим.

— Пожалуй.— Устроившись на скамейке, Света вынула сигареты и закурила.— Одним словом, вы какой-то убежденный. Другой бы заюлил, а вы только смеесть. Скажите, множество — это ваша работа?

— Моя,— ответил Иван.— Допущеньице, так сказать.

— Допущеньице?

— Ну ладно, Света, вас я приблизительно понял. Но вот вы сказали, что и другие на это,— Иван подчеркнул последнее слово,— не пойдут. Почему, интересно?

— Да все из-за вашего множества,— она вздохнула. Я ведь не разбираюсь. Говорят, что-то новое в науке. Говорят, что вас надо беречь. На Кольце очень беспокойно.

— Ах, вот оно что... Вот для чего я вам нужен. Ну что ж, тут я могу набить себе цену.

— Фи, Иван. Я в вас разочаруюсь.

— Ладно, не буду, не буду. Этого бы мне не хотелось. Последний вопрос — Эрэфу-то что здесь понадобилось?

— Вы,— кратко ответила Света...

Вернувшись, Иван застал в своем кабинете Булкина. Задрал ногу на ногу, Витька обосновался в его кресле и болтал с кем-то по телефону.

— Ладно, Наталья,— сказал он наконец,— тут хозяин вернулся. Дать? Дома поговоришь? А может, все-таки дать? Тогда пока.

Витька бросил трубку и встал.

— Какая-то сволочь растрезвонила, что ты опять с этой мамзель встречаться.

— Витька,— сказал Иван,— а ведь Светлана желает остаться.

— Ты хоть чего-нибудь соображаешь?— Булкин постучал себя по голове.— Жена, понимаете, на сносях, а он в рабочее время по свиданиям шастает.

Иван радостно захохотал.

— Дурачок, она же на Земле хочет остаться! Значит, не я один такой. Трещина в Кольце. Раскол. Закономерность это, ты понял?

— Сластник,— возмущенно заклеил Булкин.— Дамский угодник...

Наташа изменилась: стала увальнем, лицо раздобрело, обабилось и покрылось какими-то пятнышками, ела понемногу, но часто, много спала. Иван удивлялся, как это она в теперешнем своем положении успевает прибраться, приготовить еду, вкусную еду, надо признать, обойти врачей и магазины, постирать, покопаться на приусадебном участке и, самое главное,

«Эпизоды»

151

всегда быть в курсе злободневных новостей. В выходные дни, дабы не чувствовать себя узурпатором в семье, он самозабвенно впрягался в громоздкий воз домашнего хозяйства. Как ни странно, это помогало ему быть в форме всю неделю.

Черная полоса отложила-таки отпечаток на их отношении. Нет, Наташа не предъявляла претензий по поводу телефонных девушек, просто между ними возникла какая-то недосказанность. Иван не считал нужным объясняться, а она не спрашивала, и недосказанность хоть и не росла, но и не уменьшалась.

В чем-то он, наверное, все-таки здорово изменился, потому что однажды вечером Наташа, терпеливо дождавись окончания его молчаливого ужина, сказала:

— Ваня, если тебе трудно со мной, я уйду.

— Как уйдешь? — не понял Иван. — Куда?

— Ты не думай, я не ревную. Но если тебе тяжело со мной...

— Прекрати, — в сердцах оборвал Иван. — Чтоб об этом больше ни слова.

Он резко отодвинул стакан, стакан упал и покатился по клеенке. Докатившись до края стола, хлопнулся об пол и разбился. Ни он, ни она не сделали попытки его поймать.

— Вот видишь, — сказала Наташа, опустив голову. — Я, наверное, пойду.

«А ведь уйдет, — холодея, подумал Иван. — Что это между нами? Как пропасть».

— Нет, — сказал он через силу. — Я не отпущу. Я выброшу этот несчастный телефон. Запущу его в космос.

— Да что телефон-то, — она не поднимала головы. — Вещь город говорит.

— Вот злодеи, — сказал он угрюмо. — Знаешь, Наташка, тяжело что-то. Я о людях лучше думал.

— А люди, может, ни при чем.

— Может быть, — Иван бочком-бочком обходил пропасть. — Я слишком влез в чистую науку. Но ведь не бывает такой науки — чистой. Она для людей и делается людьми, а люди бывают разные. Я как-то забыл об этом. Ты меня прости, Ната.

И он рассказал о последних передрыгах — всех этих доносах, угрозах, рассказал о Светлане, ее коллегах и о том, что скоро по его душу придет сам Эрэф.

— А этот стакан я давно собирался расколоть, — завершил он неожиданно. — Давай купим бокалы. С цветочками. Тебе и мне.

— Так вон, в шкафу стоят, — Наташа уже отошла. — Не знаю, что ты в этот стакан вцепился.

— Привычка, понимаешь, — объяснил Иван. — Привык в училище и в общежитии чай стаканами хлестать. Но теперь все. Все!

В доме Ивановых долго еще, дольше чем обычно, горел свет. Под специальным навесом бдительно стоял «на часах» безмолвный «Бобик», да по кустам шагал ночной зверь Жулик.

Этот вечер был самый обычный. У калитки Иван попрощался с Булкиным, который зорко следил за моральным обликом начальника и старался сдавать его Наташе с рук на руки. Посмеиваясь над этой мелочной опекой, Иван прошел в дом.

Жена с книгой в кресле сделала вид, что не замечает его прихода.

— Натка, — зашептал он вкрадчиво, — дай пожевать.

— Кто-то там слындает до полуночи, а теперь дай ему пожевать, — отозвалась Наташа из-за книги. — Хуже Жулика... Ладно уж...

Поставив перед ним тарелку с дымящимися пельменями и бокал в цветочках с чаем, она сказала:

— Тут к тебе товарищ один приходил. Потерся себе у калитки, звоночком потренировал. Скромный такой. Не в пример твоему Бенцу. Этот как вставит палец в звонок, так и не отпустит, пока не откроешь.

— Мишка — гусар. И часто хаживает?

— Как уговоримся, так он и хаживает.

Понятно: маленькая месть за Светлану. Иван стеснительно похихикал.

— А каков из себя скромненький-то?

— Так ить — с бородой.

— Понятно. Бороде, стало быть, надо на чем-то расти — значит, есть голова. Голове надо на чем-то сидеть — значит, есть тулово. И так далее. Емкий словесный портрет. Надо запомнить.

— Ты ешь пельмени-то, ешь.

— Ыгы, — промычал Иван, давясь огненным пельменем.

— Стало быть, словесный портрет сказал, что зайдет попозже...

Отужинав, Иван вышел в сад, присел на крылечке было около десяти, и, наконец-то, врубили уличное освещение. В кустах зашуршало, в упор глянули немигающие зеленые глаза. «Кс-кс», — машинально сказал Иван, но Жулик, увлеченный мышкованием, не отреагировал. Потянул ровный, свежий ветерок, запахи сконцентрировались, и от этого голова стала ясная, как после хорошего, крепкого сна. В глубине сада была темень — глаз коли, а ближе к дому глянцево блестя жесткие листья уже отошедших вишен, отбрасывая на асфальтовую дорожку дрожащие размытые пятна.

Там, в конце дорожки, за калиткой, появился кто-то бесформенный, с неразличимым лицом, будто бы скрытым наполовину маской, и деликатно тренькнул звонком. Иван, пристукивая задниками шлепанцев, пошел открывать.

У человека была борода, мешающая сразу определить — кто это, но глаза казались знакомыми. Он был немолод, грузен и высок, хотя и сутулился. Возможно, сутулился он нарочно, чтобы казаться меньше ростом. И еще сбивала с толку эта черная пышная борода...

— Вы? — узнал Иван. — Проходите.

— Маскировался, маскировался, — пробурчал Эрэф, не двигаясь с места. — Давай-ка прогуляемся, чтоб без лишней ушей. Разговор есть...

— Чудесно здесь, — говорил Эрэф, шагая неторопливо, словно давая понять, что спешить особо некуда. — Зелень, цветами пахнет. Чем тебе не юг? Доводилось в Сочах-то побывать?

— Не довелось пока, — вежливо ответил Иван.

— А мне довелось. Чудесное место, я вам доложу. Там и с... женщиной одной познакомился. Впоследствии своей супругой. Ты ее не помнишь.

— Слышал, что у вас была жена, — сказал Иван, — но не знал, что она отсюда. Говорят, она рано...

— Да, да, — поторопился перебить Эрэф. — Такое несчастье. Врачи ничего не могли сделать. Но мальчишка жив-здоров. Да он и не мальчишка уже... Как пахнут. Я уж и забыл, что это такое — цветы.

— Давно прибыли? — спросил Иван, чтобы отвлечь старика.

— Буквально пару часов, — сказал Эрэф.

«Врет», — убежденно подумал Иван и, не сдержавшись, хмыкнул. А хмыкнул он потому, что раньше и представить бы себе не смог, будто Эрэф способен соврать. Да что там представить, он бы в драку полез, вздумай кто-то хоть намекнуть, что Эрэф врет. Это был столп, титан, умница. Его слово было закон. Курсанты подражали ему во всем и на досуге отрабатывали перед зеркалом тяжелый, давящий эрэфовский взгляд из-под насупленных бровей. Во время семинаров на любой, даже самый заковыристый и едкий, с подтекстом вопрос он отвечал молниеносно и с таким спокойствием, словно читал по бумажке. После этого наступал его черед. Теперь он задавал вопросы, а затюканный курсант, кляня себя, начинал путаться, мямлить. Эрэф снисходительно улыбался, и это было хуже, чем если бы он кричал или издевался, как другие наставники... Там не менее, как понимал теперь Иван, этот кумир, этот образец для подражания

частенько врал самым заурядным образом. Врал, обучая их непобедимой стратегии и тактике, врал, красочно описывая блестящее настоящее и будущее внедренных агентов, вот и сейчас по мелочи, но врет. Только зачем?

Они прошли квартал, и Эрэф неожиданно свернул в переулок. Прогоуливаться в шлепанцах было очень неудобно: спадали, черти.

— Можно быть с тобой откровенным? — спросил между тем Эрэф. — Я хочу, в конце концов, чтобы между нами не было недоразумений. Тебя, сынок, в свое время удивило, что я вышел на прямую связь. Да, это, конечно, дорогое удовольствие, но дело в том, что это не кто-нибудь, а ты, с другими я так не общаюсь. Ты, Ваня, всегда выделялся среди курсантов. Одной прилежности да исполнительности мало. Было в тебе что-то такое неординарное, что-то такое, знаешь ли, многообещающее. Что греха таить, ты всегда был моей надеждой, моей будущей опорой. Поверь, ни за кем я не следил так пристально, как за тобой. Признаюсь честно, твои быстрые успехи сначала поставили меня в тупик, потом понял — недооценил. Недооценил, Ваня, есть такой грех.

«Ох, мягко стелет», — подумал Иван.

— Но это все лирика, — продолжал Эрэф, резко меняя тему, — Я вот к чему. Как-то у нас на родине все обанкротилось: у власти серость непролазная, в искусстве — шарлатанство, науку двигают обросшие шерстью питекантропы. Народ истосковался по истинным гениям и героям. Надоело, понимаешь, обходиться суррогатами. Вот тут мы и подходим к главному... Какой-то идиот из агентства новостей пустил в эфир закрытую информацию: есть, мол, в свеженькой колонии, на так называемой Земле, наш отечественный супермен, который изобрел новое оружие и уже в одиночку расправился с контрагентом. А нашей публике только дай сенсацию. Белковых почему-то недолюбливают, хотя любой из них стоит сотни бездельников, которые норовят помитинговать, а не работать. А тут — герой, с самим контрагентом справился! От известия о новом оружии просто в какой-то экстаз ввали. Да еще один умник хворосту в огонь подбросил. Улучил момент. Это, говорит, никакое не оружие, а возможность использовать пространство и время в мирных целях. Бред собачий. А народ опять в экстаз. Из крайности, что называется, в крайность.

— Не бред, — хмурясь, сказал Иван. — Это действительно не оружие.

— Не буду спорить, — охотно согласился Эрэф. — Одним словом, толпа ухватилась за это пространство и время в мирных целях, и вот наш Дай Банг на пьедестале. Как тебе это нравится?

— Не понимаю, — Иван скопился на наручные часы.

— А что тут понимать? — добродушно сказал Эрэф. — Ты уже обогнал Президента на добрую сотню голосов. Учти, что военный сектор за нас. А это основное в перевороте. Народ — за тебя, ты с нами, следовательно, и народ за нас.

— За кого: за вас? — уточнил Иван.

— За тебя, за меня, за наших друзей.

«Старый лис», — подумал Иван. — Вот и ты попал в ситуацию от которой сверху пахнет. Выходит, здорово припекло, если единственный выход — переворот. Ай да патриот! Собственная шкура-то, оказывается, роднее абстрактного отечества. А еще трибуналом пугал, злодей».

Будто услышав его мысли, Эрэф сказал:

— Ты, Ваня, не беспокойся, тут все без обмана. Я похлопотал, никакого трибунала не будет — ты амнистирован. Так что можешь смело баллотироваться в Президенты. — И ободряюще подмигнул.

— А если откажусь? — поинтересовался Иван.

— Ой, не советую, сынок.

— Ну, так я отказываюсь, — обезоруживающе просто сказал Иван.

(16) Усмехнувшись, Эрэф прищелкнул пальцами, и из темного переулка бесшумно выдвинулось нечто громоздкое, блеснувшее металлом. Узнав индивидуальную капсулу, Иван сказал спокойной:

— Бросьте-ка вы, че суетитесь.

Ему вдруг страшно захотелось спать. Он брел в своих шлепанцах по гладкому асфальту, надеясь приютиться, а рядышком где-то стояла кровать с пышно взбитой периной, и он отыскал ее, и приютился, только было очень жарко под пуховым одеялом. Захотелось его снять, но одеяло попало на редкость неснимаемое, в нем все запуталось — руки, ноги. Проскользнула мысль, что завтра к девяти на работу, как бы не проспать. Что такое проспать? — спросил он себя голосом Эрэфа. И почему к девяти, а не к двенадцати? Эта профанация хороша для Голубой планеты и недостойна Президента. Президент правит всегда, но встает, когда ему угодно. Сейчас Президент маленько поспит, правители спят мало, но ведь и им надо покемарить (черт бы побрал этот землянский лексикон), а затем, прокемарившись, примется за госдела. И тут очень кстати будет умудренный помощник — старый, добрый Эрэф. Вот мы сейчас осторожно пойдём на Корабль и отдохнем до самого Кольца. Ох, и славно же мы отдохнем...

И тут чужая воля внезапно отпустила. В голове обрвалась ясность, Иван весело спросил:

— За какие такие госдела?

— Что? — Эрэф, державший его под локотки, на мгновение остолбенел. — Немедленно спать! Спать!

Иван узрел неподалеку «Бобика», сообразил, что сейчас будет жарко, схватил грозного Эрэфа за руку и, напрягаясь, потащил прочь. Сзади, обжигая, возник занавес огня. На асфальте вздулись пузыри. Очевидно, собираясь спалить мелкого «Бобика», Эрэфовская машина пустила в ход пошлый огнемет.

Стало невозможно дышать, Эрэф как-то обмяк и свалился на колени. Пришлось взять его под мышки. Это было трудно, Эрэф тянул пудов на семь. Опустив на газон, Иван пошлепал старика по щекам. Тот, кажется, был в шоке.

«Бобик» вел переговоры с позиции силы. Не сомневаясь в их исходе, Иван огляделся. Вроде бы и шли потихоньку, а вон куда забрались, почти на окраину. Но и здесь была жилая улица, с пятиэтажными домами, на крыше одного из которых, как в насмешку, полыхала красная с голубым надписью: «В случае пожара звонить 01». Ивану стало нехорошо, когда он подумал, что лазер может случайно полоснуть по окнам. Он разглядел в них темные настороженные силуэты.

Но «Бобик» был молодцом. Со своим противником он расправился на удивление быстро и аккуратно. Похоже, он видел уязвимые места и бил по ним экономно и точно, будто гвозди вбивал. По сфере его защиты еще лихорадочно, как в судороге, ползал ядовитозеленый луч, высекая искры бенгальского огня; но вот «Бобик» огрызнулся таким прицельным и мощным выстрелом, иначе не назовешь этот плотный и короткий разряд, что все тут же и кончилось.

— Все в порядке. Боб? — крикнул Иван.

— Так точно. Мура, а не конструкция. Решето.

Ввиду позднего часа «Бобик» приглушил звук, и все равно вышло громко.

Убедившись, что самое страшное позади, из окон начали высовываться встревоженные жильцы.

А посмотреть было на что. Огромное, в два этажа, устройство неизвестного назначения и неизвестно откуда взявшееся чадило густым черным дымом, воняя жженой резиной, и, наверно, кто-то давно уже набрал «01», ибо раздалась приближающаяся сирена, на бешеной скорости примчалась пожарная машина, и выскочившие из нее серо-зеленые пожарники принялись разматывать длинную кишку.

Эрэф поднял набрякшие веки, но, увидев свой корабль в плачевном состоянии, тут же смежил их снова.

Тугая водяная струя окатила крышу с неоновыми буквами «В случае пожара...», прошлась вскользь по открытым окнам, откуда донесся азартный детский визг, и, наконец, уперлась в объект тушения. Дым от объекта стал еще гуще. Зеваки отошли подальше.

Подкатил «Бобик».

— Спасибо, Боб,— сказал Иван, умачиваясь на газоне рядом с Эрэфом.— Ты как здесь оказался?

— Аномалия, однако.

— Если бы не ты,— Иван вздохнул.— Но мощно меня обработали, черти.

— Чепуховина,— возразил «Бобик».— Примитивная модуляция. Трухлявое враждебное решето — гипноизлучатель, старичок — модулятор. Я спалил резистор в анодной цепи — и амба.

— Ты что же, электронная голова, видел конструкцию решета насквозь? — удивился Иван.

— И даже глубже. Мы с Виктором Николаевичем Булкиным постоянно совершенствуем и шлифуем мои незаурядные способности.

— Ишь ты — отец и сын Черепановы...

Эрэф вновь открыл глаза и слабо спросил:

— Это еще что за говорящий пылесос?

— Это «Бобик»,— охотно ответил Иван.— У вас контрагент, у нас «Бобик». Ты свободен, Боб.

Тот пошевелил индикатором, убедился в отсутствии посторонней аномалии и уплыл, не касаясь асфальта.

Эрэф вроде бы оклемался, но вид имел чрезвычайной кислый. Собственно, его можно было понять, ведь индивидуальная капсула, на которой он должен был улететь со своим полукоронированным пленником, сейчас годилась только в утиль.

Пожарные, лихо попрыгав в свою машину, умчались под вой сирены. Их отъезд как бы поставил точку в спектакле: стало безлюдно.

— Сынок,— сказал Эрэф.— Я ведь к тебе по-хорошему. А ты? Ну зачем ты так-то?

— Слушайте,— сказал Иван.— Оставайтесь у нас. Куда вам одному?

— Мне?

Эрэф, поднявшись с газона, полез в карман и, шепча: «Тут вот у меня гостинец, сынок...» — вынул допотопный пистолет с глушителем. Направил его на Ивана.

— Ты меня прости, сынок, но такой уж я эгоист. Мне очень жаль, что тебя больше не будет. Я понимаю, конечно, что из моей затеи вряд ли что выйдет и все же на что-то надеялся. Такой я эгоист. Зря надеялся, оказывается. Да ты сиди, сиди, сынок, так будет удобнее. Страшное это дело — одиночество.

— Естественно,— согласился Иван, глядя на него с любопытством.

— Не захотел ты меня понять, Дай Банг. Опозорил перед всем честным народом и не захотел понять. Что же теперь прикажешь делать? Ты уж прости старика. Согласись: это неплохо — скопытиться от руки отца.

— Жаргончик у вас прямо Прынцевский,— весело сказал Иван.— Не знаю, кто мой отец, но «пущку» дайте-ка лучше сюда.

— Я, я твой отец, Дай Банг! — лицо у Эрэфа странно дернулось.— Это про твою маму мы сегодня вспомнили. Такое будущее — и коту под хвост! Эх, сынок.

— Вы мой отец? — изумленно спросил Иван.— Оригинальная ситуация...

«Что за неустроенный мир, где тебе все равно, кто твой отец», — подумал он.— Вот мой отец — а мне все равно».

— Впрочем, это ничего не меняет,— сказал он вслух.— Дайте ваш пистолет.

— Так ты ничего и не понял. Прощай, сынок!

Выстрелив в упор, старик выронил оружие и закрыл лицо трясущимися руками.

— Да жив я, жив,— вставая, сказал Иван.

Эрэф опустил руки, лицо у него было жалкое и мокрое, губы дрожали.

— Это «Пулька»,— объяснил Иван.— Антибабахалка. У нас теперь стреляй, не стреляй, все равно не попадешь. Пойдемте, а то поздно уже. Со снохой, гм, гм, познакомлю... Да вот она, кстати.

Действительно, появилась «Бобик», за ним осторожно шла Наташа. И конечно же, она сразу увидела и изувеченный корабль, и оплавленный асфальт, и пистолет под ногами.

— Наточка,— заторопился Иван.— Это вот, представь, мой отец. Он немного погостит у нас. Хорошо? Эрэф в это время, шипя, отдирает приклеенную борду.

— Отец? — тихо переспросила Наташа.— Горе ты мое...

Ивана вызвали в Москву. Он отсутствовал ровно неделю и вернулся с неподъемным чемоданом и гигантской раздутой авоськой.

Эрэф, обычно проводивший время в выделенной для него уютной комнате, на этот раз вышел в столовую, угнездился, приняв на колени Жулика, в кресле и оттуда наблюдал за действиями молодой пары.

— Ой, «меделька»,— восхитилась Наташа.— Какая прелесть!

— Это Валентине Егоровне,— возвестил Иван.

— Да на нее же не полезет,— убито сказала Наташа.

— Значит, дочке. Или внучке. Заказ, Ната.

— У людей ни стыда, ни совести,— сказала Наташа.— Лифчики тоже заказывали?

— Лифчики, гэдээровские комбинации,— пробубнил Иван,— импортные румяна, духи «Быть может», помаду, не помню какой номер, у меня все записано.

— Купил?

— Не все.

— Воду на тебе возят, я смотрю.

— Наталья,— подал голос Эрэф.— Мужа должно уважать и лелеять, а не дергать.

— Я его люблю,— спокойно сказала Наташа.— Поэтому поправляю, когда он не прав. Ваня порой такое отчебучит, будто с Луны свалился.

— Все мы тут с Луны свалились,— проворчал Эрэф.

— Что есть, то есть,— сказал Иван.— Этот быт для меня темный лес... Вот еду, понимаешь, домой, а у самого сомнение — зачем же чужим людям все это барахло везу? Что они — больше уважать меня будут?

— Тогда на кой ляд? — буркнул Эрэф.

— Я же говорю — темный лес. Просто хочется сделать приятное. Для себя жить — последнее дело.

— Много тебе помогают,— с сомнением сказал Эрэф.— Все своим горбом заработал. Правильно Наташка говорит: воду на тебе возят. Зря я ее ругнул, извини, Наталья.

— Что-то я вас не пойму,— сказала Наташа.

— А что тут понимать? Простота хуже воровства,— веско произнес Эрэф.— Уж больно ты, Ваня, прост. Вот погоди — на твоём материале какой-нибудь умник накропает докторскую... Мадо жизнь вот так держать.— Он сжал кулак.

— Издержки, конечно, бывают,— согласился Иван,— но они от нашего несовершенства. Ведь кто ворует идеи? У кого ни гроша за душой, кто думает спинным мозгом. Так мы далеко не уйдем.

— С Луны свалился,— констатировал Эрэф и от возмущения даже отвернулся, стал смотреть в угол.

— Каждый человек талантлив,— продолжал Иван. Надо не поленишься и найти свое «я». Тогда и воровать чужое будет незачем. Своего будет достаточно.

— Все, мужчины,— сказала Наташа,— пора обедать.

— Идеалист... — Эрэф пощекотал Жулика за ушком, тот, не просыпаясь, неожиданно громко мурлыкнул.— Ну, так что там, в столице?

— Будем ставить эксперимент,— коротко ответил Иван и сделал вид, что не заметил, как скривился Эрэф.

На эксперимент были отпущены большие деньги. Сектор Иванова переименовали в КБ по тематике «Заслон», которое вскоре отпочковалось от филиала ВНИИ. Из Москвы теперь в Околорыбинск частенько навещался академик С., курирующий новоиспеченное КБ. Иван к этому времени защитил докторскую. Собственно, защита была формальной, никуда даже не пришлось ехать, академик С. привез все бумаги с собой. Работа шла до того успешно, что С. временно переселился в Околорыбинск. Видно было, что работа в молодом жизнерадостном коллективе очень ему по душе. С Ивановым и Бенцем он исколесил живописные окрестности в поисках места для полигона. Остановились на районе Старицы, неподалеку от того берега, где «Бобик» сражался с контрагентом. Здесь еще остались следы сражения, и академик С. только головой качал да все поглядывал на «Бобика».

— Он и на это умеет,— сказал Иван.

— Что же еще?

— Например, может отыскать неисправность в подземной магистрали. Или, скажем, раковины, микро-трещины в любой конструкции. Может заниматься сваркой в вакууме. Верно, Боб?

— Так точно,— преданно рявкнул «Бобик».— Я на все руки. И на все ноги.

— Боб у нас от скромности не помрет,— Иван хлопал установку по могучему «плечу»...

В начальники полигона Иван определил педантичного военрука. Федор Георгиевич ломался недолго и сразу принялся за дело. Для начала он составил перечень оборудования, необходимого для строительных работ, и каждое утро насаждал на Иванова, а затем, получив его визы, жал на соответствующие инстанции, пока не выбил все, что запланировал — от амбарного замка до роторного канавокопателя...

Как-то субботним вечером к Ивановым на огонек заглянул Миша Бенц. Он был загадочен, и по суровому его лицу блуждала застенчивая улыбка.

— Ты проходи, Миша,— сказала Наташа, заинтригованная его видом.— И перестань вытирать ноги. Ты уж час их вытираешь.

— Да где же час-то? — не согласился Бенц.— Пара минут, как зашел. Я ведь не один.

— Ого,— удивился Иван.— Старая гвардия меняет принципы. Кто божился, что еще не родилась та самая? Ладно, ладно, знакомь.

Бенц исчез и тут же вернулся. Со Светланой.

— Вот,— сказала девушка.— Здравствуйте. Миша говорит: зайдём да зайдём.

Наташа кинула быстрый взгляд на мужа, потом на Светлану. Та смотрела на что-то за ее спиной, и лицо у нее вытягивалось, а в синих глазах наливался испуг.

Там, в дверном проеме, стоял Эрэф.

— Это мой отец,— представил Иван.

— Здравствуйте, молодые люди,— скрипучим голосом произнес Эрэф и удалился в свою комнату.

Светлана вдруг очень заторопилась, Бенц приглушенно сказал: «Да неудобно так сразу».

— В чем дело? — спросила Наташа.— Что за спешка?

— Мы пойдем,— Бенц явно ничего не понимал.

«Значит, Светка пока молчит о своей профессии,— подумал Иван.— Ничего, это до поры до времени».

— Ната, я немного провожу ребят.

Наташа кивнула. На улице Иван попросил:

— Миша, ты покури пока, у меня к Светлане маленький вопрос. Только не хватайся за кинжал, нет причин.

— Тебя оглоблей не свалишь,— сварливо буркнул Бенц, но отстал.

— В общем, так. Эрэф — мой отец,— сказал Иван.— Это аксиома, и надо с ней смириться. Характер у него препаршивый, но он сейчас не опасен. Думаю, без поддержки он даже безвреден. Мы постараемся побережь его от прошлых связей.

— Нужна моя помощь? — спросила Светлана.

(18) — Дело, конечно, деликатное,— промямлил Иван.— Придется изолировать всю агентуру.

— Нет надобности. На Кольце переворот.

— Ах, вот даже как... Кто же у власти?

— По крайней мере, не военные,— она вдруг фыркнула.— Ученые. Ваши коллеги. Представляю, что они там натворят.

— Ну, хуже не будет, положим.

— Надоело мне все это до смерти,— сказала Светлана.— Я все-таки баба. Я Мишку люблю.

— Рад за Мишку.

— Спасибо,— сказала она тихо, потом подняла на него блеснувшие глаза.— Наших осталось совсем мало. Основная часть вернулась на Кольцо, а остальным тоже надоела эта игра. Хочется жить по-человечески...

Когда Иван привез Наташу из роддома, Эрэф долго рассматривал сонное, безмятежное лицо внука, который тарачился серенькими глазенками в потолок, потом признался:

— Второй раз в жизни вижу младенца. Первым был ты, Иван. Такой же кроха, пустынный взгляд, а гляди ж ты — каков вырос. Даже не верится, что из этого шалопутика получится человек.

— Получится,— сказала Наташа.— Еще как получится. Мы тоже не лыком шиты.

— Удивительно,— сказал Эрэф.

Замечая, что дед старается почаше видеть внука, Иван вдруг поймал себя на мысли, что, очевидно, разгадал одну из причин космополитизма жителей Кольца. Они не знали детства. Сызмальства распределенные по интернатам, они изучали точные науки, кодекс юного бойца, маршировали по каменному плацу, играли в военизированные игры, пока из них не вышибало сам дух детства это вечное соперничество, стремление быть первым во всем. Человечки быстро становились микровоенными и дрались за место в жизни с упорством зверенышей, используя для этого дозволенные и недозволенные средства. Мрачные здоровенные воспитатели, пожирающие их пайки, очень успешно избавляли их от мягкотелости и слюнтяйства, то есть от доброты и сострадания. И вырастали постепенно, и обживали Далекий Космос крепкие, умные и безжалостные хищники, которые, в свою очередь, не нуждались в такой обузе, как собственные дети, и сразу после рождения рассылали их по специнтернатам. За что получали наличными.

Это было ненормально, как только может быть ненормальным отсутствие родителей у детей, детей у родителей, человеческих отношений между людьми. На Кольце жили безбедно, но только для себя. Поэтому с поразительной легкостью рвались связи, свершались смертные приговоры и убийства, войны, захват населенных планет. За все платили полновесными наличными, а раз есть деньги, значит, можно пожить в свое удовольствие.

Немудрено, что на очередную «отсталую» планету агенты ринулись косяком. Как же, триста процентов «за отдаленность», да еще сто за передвижной характер работы, да премии за этапы «освоения»... плюс гарантированный оклад. Ежемесячно выходила кругленькая сумма.

Встретив же достойного противника, не только оказавшего сопротивление, но и способного в любой момент перейти в атаку, агентурный косяк запаниковал, и эта паника передалась на Кольцо, вызвав самые неожиданные последствия.

А все из-за того, что у людей Кольца не было детства.

«Так что Эрэфа, в общем-то, можно понять»,— думал Иван.

Что у него осталось? Близкие, которые за ним ухаживают, да внук, за которым нужно ухаживать. То самое обыкновенное, ради чего можно отказаться от натужного самоутверждения и престижа, что о двух концах.

«Аэлига»-90

Впрочем, все это пока были домыслы. Эрэф стар, мудр и сложен, и неизвестно, какие мысли бродят в его голове. Несомненным было одно — за последнее время Эрэф посвежел, внутренне приободрился, перестал шарахаться от людей.

Работы на полигоне двигались полным ходом, но конца еще не было видно. Параллельно на экспериментальном участке КБ, руководимом В. Н. Будкиным, совершалась сборка действующего образца.

Как-то после обеда, приехав на полигон, Иван к своему удивлению в компании академика С. и Федора Георгиевича обнаружил Эрэфа. По причине ненастной погоды Эрэф был облачен в новенький ватник и резиновые сапоги, на голове блином лежала замусоленная кепка. Эта кепка, в совокупности с грозными бровями, придавала ему вид измученного борющейся за урожай киноагронома. Шкафообразный киноагроном говорил и жестикулировал скупно, но к его мнению явно прислушивались. Подождя, пока компания, миновав все траншеи, вырытые канавокопателем, скрылась в теплушке, Иван вышел из машины.

За столом три ветерана мирно гоняли чай. Федор Георгиевич, как всякий радушный хозяин, обрадовался:

— А вот и четвертый! Как насчет «козла», Иван Иванович? В качестве разминки?

— Какой «козел»? — спросил Иван. — Какой в рабочее время «козел»?

— Не возникай, — отрезал Эрэф, чувствующий себя не особенно уютно.

— По КЗОТу полагается, — словоохотливо объяснил Федор Георгиевич. — Поработал на морозе — перекури в тепле.

— Что-то не видел, — сказал Иван.

— Не видел — и не возникай, — Эрэф нахмурился и стал теперь похож на кинобандюгу.

— У вашего отца, Иван Иванович... Это ведь ваш отец? — уточнил академик С. — Да. Прекрасно. У вашего отца, Иван Иванович, просто какой-то непостижимый опыт фортификационных работ. Он нас с уважаемым Федором Георгиевичем маленько повозил носом по паркету. Признаюсь, к своему стыду, что мы совершенно не учли действия химического оружия.

— Такой задачи не ставилось, — несколько неуверенно сказал Иван.

— И напрасно, голубчик. Ведь мы разрабатываем универсальную систему защиты.

— Сергей Александрович, попрошу вас, — Иван хотел сказать: «здесь посторонние», но вышло иначе. — Здесь могут быть посторонние.

— Что, бдительность? Да, да, я понимаю, — и, понизив голос, академик С. продолжал: — Мы должны предусматривать защиту не только от вашего М-эффекта, но и от ядерного, химического, бактериологического, лазерного и прочего оружия. Мне кажется, опыт Рудольфа Феофилактыча нам очень пригодится в дальнейшем... А что, Рудольф Феофилактыч вам родной отец?

Эрэф надвинул кепку на глаза и засопел.

— В том-то и дело, что родной, — вздохнул Иван.

Тут он был вынужден вкратце рассказать свою историю. То есть, это ему показалось, что вкратце, а на самом деле, когда он закончил, рабочее время уже вышло, и пора было возвращаться домой...

Этой ночью Иван никак не мог уснуть. Думал. Признание вышло неожиданным, и это было хорошо, и одновременно плохо. Хорошо — потому что снял груз, плохо — потому что это могло изменить отношение к нему и помешать работе. Всему могло помешать. Про Эрэфа он упоминал вскользь, но и тот, судя по скрипу дивана, доносившемуся сквозь закрытую дверь, не спал. Ну и пусть. По крайней мере, будет знать, что выкинуть фокус теперь так просто не удастся.

Иван встал, сменил у орущего Саньки пеленки и

(19) принял их стирать. Этого развлечения хватило как раз до утра. Санька со своими младенческими обязанностями справлялся исправно.

Утром его худшие опасения подтвердились. Академик С. деликатно приказал свернуть до его возвращения работы по программе «Заслон» и вечером уехал в Москву.

— В чем дело? — спросил напористый Бенц, завалившись в кабинет начальника как всегда без вызова, но во главе внушительной делегации, среди которой затерялся Федор Георгиевич. — У меня план сгорит!

Иван, у которого голова раскалывалась после бессонной ночи, безразлично пробубнил:

— Что за паника, товарищи? Новый этап, понимаете, решающий, так сказать. Напряженный момент. Не время для демонстраций. Расходитесь, товарищи, по рабочим местам.

— Хватит. Начитались статей, — решительно сказал Бенц. — Наслушались сплетен. Будет. С анонимщиками и фискалами у нас теперь разговор жесткий. Точно, ребята? Как новое дело, сразу добрая душа пишет, строчит доноски. Хватит. Да это ж уму непостижимо такое ляпнуть! Ведь на Сатурне нет и быть не может разумной жизни — климат не позволяет.

— На каком Сатурне? — обалдело спросил Иван.

— На обыкновенном. С кольцами. Федор Георгиевич, ты не прячься. Это что за идиот тебя проинформировал, что Иван Иванович родился на кольцах Сатурна? Ты вчера, кроме чая, чего еще пил?

— Да это я смею ради болтанул, — быстро сориентировался Федор Георгиевич и громко спросил у соседа: — Ты чего, Василий, всякую ерунду разносишь?

— Я только Вовке. Он у нас помешался на фантастике — что хочешь проглоти. А я что, чокнутый?

— Федька — Ваське, Васька — Вовке, Вовка — Кольке, — сердито сказал Бенц. — Ш-шутники. Стыдно, Федор Георгиевич.

Строптивый полковник в отставке на этот раз смиренно проглотил пилюлю.

— Вот и разобрались, — сказал Иван, чувствуя, что рабочее настроение понемногу возвращается. — Начальников секторов попрошу остаться, остальные свободны... Ну что, ребятки, пока Сергей Александрович утрясает «Заслон». Есть одна идеяка.

— Просто любо-дорого послушать, — расцвел Бенц...

Вечером Ивану стало известно, что пропал Эрэф. Ушел после обеда из дому и не вернулся. Наташа себе места не находила...

Эрэф, проворочавшись всю ночь на диване, многое передумал. Среди людей он прожил уже довольно долго и особого вреда от них не видел, разве что никто его не боялся как там, на Кольце, и никто не заискивал. В академике С. и Федоре Георгиевиче он неожиданно встретил близкие своему духу натуры. Это были опытные, смелые и незаурядные бойцы. Оба, в свое время, воевали, имели за спиной хорошую жизненную школу, были преданы своим убеждениям, но в то же время умели признавать собственные ошибки. С ними Эрэфу было просто, как с равными, и если бы не Иван... Иван опять испортил всю кашу. Видно было, что ему мутно, а все молот и молот без остатков, рыл себе яму, а заодно и отцу родному, и допрылся. Это Эрэф сразу понял, когда увидел, как переглянулись те двое. Теперь надо было исчезать.

Поэтому Эрэф сначала тщательно подготовился в дорогу, то есть вынес по частям и припрятал в укромном месте теплые вещи, инструмент, консервы, которые он запасал на непредвиденный случай, и лишь потом, сказав Наташе, что погуляет немного, дал деру. Здесь он тоже проявил осторожность, запутал следы: сменил несколько электричек и сошел на безлюдной станции.

Немногочисленные свидетели (билетерша в приго-

родной кассе и уборщица) показали милиционеру наряду, что да, брал вчера билет до Ахтинки мужчина описываемой наружности. Расплатился жеваным червонцем, явно не фальшивым. Имел при себе солидный и, по всей видимости, тяжелый портфель. В портфеле что-то брякало, скорее всего — железо. Ахтинские свидетели припомнили, что с вечерних электричек сошло трое или четыре мужчин подобной внешности с тяжелыми брякающими портфелями и устремились в сторону барахолки. Это было вчера. А сегодня на ахтинской барахолке таких мужчин было пруд пруди, и все с лохматыми бровями, сердитым взглядом и крайне недоверчивые...

Академик С. вернулся из Москвы на третий день и сразу прошел в кабинет Иванова.

— Попросите никого не принимать, — сказал он.

Иван высунулся из дверей, немного поболтал с секретаршей, потом защелкнул замок. Академик уже повесил пальто и шляпу в шкаф и расположился в кресле, искоса поглядывая на эскиз какого-то непонятного устройства.

— Готов, Сергей Александрович, — Иван сел тоже.

Помолчав, академик начал с откровения:

— В более глупом положении я еще не бывал. Но давайте уточним для порядка. Вы тогда о себе правду сказали, или это был розыгрыш?

— Я тогда сказал правду, — отозвался Иван.

— Я вам верю. А там, в столице-матушке, засомневался было. Дурят, думаю, тебя, старого перенчика, — академик грустно улынулся и сказал очень серьезно: — Что в этой истории самое страшное? Да то, что вы — все еще человек Кольца. На силу вы отвечаете еще более мощной силой. Ваш М-эффект родился постольку, поскольку вам угрожали. Ваши беды вы перенесли на Землю и поневоле втянули в эту опасную игру нас. А ведь нам еще рано играть в ваши игры. По сравнению с вами, мы — дети. Понимаете вы это?

— Да, — тихо произнес Иван. — Понимаю.

— Тогда, может быть, вам вернуться? А уж мы тут как-нибудь сами... разберемся.

Академик был тысячу раз прав. Было лишь одно «но», и Иван им воспользовался.

— Мне сейчас трудно об этом говорить, Сергей Александрович, но представьте, что было бы, если бы я действовал, как обыкновенный агент. Как действуют все агенты, будучи пассивными наблюдателями. О, я был бы осторожен. И все бы шло по плану. И в конце концов, Земля неизбежно стала бы колонией Кольца... Вот когда вам стало бы страшно.

— Ну, а если бы не стала? — спросил академик.

— Поверьте мне, это было неизбежно.

— М-да, — академик встал и прошелся по кабинету. Действительно — ситуация. Я и не предполагал, что все так серьезно. Втянули вы нас в драчку.

— Драка пока отменяется, — Иван тоже встал. — На Кольце переворот, и у власти стоят разумные люди. Контакт, конечно, будет, но уже не с позиции силы. И я думаю, что Земля сможет кое-кого поучить человечности. Там по этому атавизму очень исстрадались.

— Вот как — исстрадались. Рыдающие оккупанты.

— Я вас понимаю. Конечно, целое человечество так сразу не переделается. Трудно это.

— А знаете, что мне сказали в Москве по вашему поводу? — спросил вдруг академик С. — Сам, мол, заварил кашу, сам пускаяй и расхлебывает.

Академик подошел к столу, приценился к заинтересовавшему его эскизу и сказал:

— Ну что же, мистер завоеватель. Будем продолжать работу до победного конца...

не хватало. Несмотря на старческое брюзжание, которое он себе изредка позволял, Эрэф был мужчиной деликатный, ненавязчивый. Санька при нем моментально затихал, в это время Наташа имела возможность позаниматься домашним хозяйством. Да и поболтать с ним было интересно.

Эрэфом интересовался академик С., но получал ответ, что старик прихворнул. Академик чувствовал, что ему врут, и хитровато подмигивал.

И вот тут неожиданно Ивану пришла очень простая мысль.

Стоял промозглый день поздней осени. В ворота выгороженной площадки, забитой списанным оборудованием, отходами производства ВНИИ «Точприбор», съеденными ржавчиной трубами различного диаметра, отслужившими срок службы батареями парового отопления и прочим утилем, разбрызгивая грязную воду, въехал «газик». Из него вышли академик С., Иванов, Бенц и спец на все руки Булкин с набором слесарного инструмента.

— Где-то там, — кивнул Булкин и первым двинул по шпалам к дальним железнодорожным воротам.

У ворот пришлось свернуть направо, в самую грязь. Здесь уже стали слышны какие-то подозрительные приглушенные звуки. Метнулся под железо откормленный кот, застрял на мгновение, и тут же из темноты мрачно засветились кошачьи глаза.

— Жулик, — узнал Иван. — Вот ты где пропадаешь. Кс-кс... — В ответ — настороженное мерцание.

Капсула стояла в стороне, и видно было, что на нее сначала сыпанули железный хлам, а затем кто-то старательно расчистил к ней подходы.

— Все мечтал покопаться, да руки не доходят, — сообщил Булкин, вынимая из набора молоток.

— Боб здесь живого винтика не оставил. — Иван прислушался, но никаких звуков из капсулы больше не доносилось. — Он должен быть там.

— Ясно — здесь, — Витька три раза бухнул молотком по обшивке, выбирая место, где гремит позвоночник.

— Милейший, что это такое? — спросил академик.

— Если вы про корыто, то это экипаж Эрэфа, — хладнокровно отозвался Булкин. — А если про это, то так я его вызываю на связь.

Снова бухнул, потом начал выстукивать какой-то противный немзыкальный ритм.

— Сколько шума, — поморщился академик С.

— Ножовкой еще хуже, — с одышкой сказал Булкин. — Мишка, ну-ка смени. Запомни?

— Запомнил, — сказал Бенц и примерился.

В это время крышка люка уехала вверх, а в проеме появился сильно небритый Эрэф в испачканных ржавчиной пальто и кепке и до колен забрызганный еще не подсохшей грязью.

— Аккуратнее, молодой человек, — прогундосил Эрэф, выбираясь наружу. — Не видите — открыто... Вы с мотором? Мне надо срочно принять ванну. — Эрэф в своем убежище подхватил ужасный насморк. — Жулик, иди сюда, дружище. Сейчас домой поедем.

И Жулик, этот своенравный избалованный кот, послушно вылез из железной норы.

Повернувшись к капсуле, Эрэф покачал головой и сказал несколько театрально:

— Здесь самое твое место. На свалке.

— Пробовали починить? — участливо спросил Булкин.

— А-а, рухлядь, — Эрэф махнул рукой.

Они пошли по шпалам к машине. Впереди, оживленно беседуя, академик с Эрэфом. За ними Жулик, прижимающий уши всякий раз, когда Эрэф огульно чихал.

— Дите малое, — проворчал Иван и озабоченно спросил: — Виктор Николаич, банку организовать реально?

— Что за вопрос? — уверенно сказал хозяйственный Булкин.

Эрэф отсутствовал почти уже неделю, и его как-то

ИСТРЕБИТЕЛЬ В НЕБЕ НАД КОЛЬЦОВОМ

«БЕЛЫЕ ПЯТНА»
ИСТОРИИ

Григорий ПЕЧЕНКО, инженер-летчик

С первых дней войны для нас, авиационных специалистов, было ясно: нужен новый тип истребителя-перехватчика с более высокими летными данными, особенно по скороподъемности. Такие данные можно получить только при использовании жидкостного реактивного двигателя (ЖРД).

Создание самолета марки БИ-1 (ближний истребитель) было поручено конструкторскому бюро под руководством главного конструктора В. Ф. Болховитинова, а он привлёк для совместной работы КБ по ракетным двигателям, возглавляемое Л. С. Душкиным.

С началом войны оба конструкторских бюро были эвакуированы на Урал. КБ Болховитинова разместились на заводе в Билимбае. КБ Душкина — в районе Свердловска. Местные жители, потеснившись, приняли приезжих на квартиры, помогли устроить быт.

Работа шла в три смены, все понимали необходимость для фронта самолета-перехватчика. Рабочие не считались с усталостью, а после смены шли строить цеха. Зима в Свердловске наступила рано.

Мне пришлось включиться в работу при следующих обстоятельствах: я прибыл в Свердловск с фронта в начале 1942 года. Явился в штаб НИИ ВВС, который тоже был эвакуирован из Москвы в Свердловск. У начальника института генерала Федорова встретил знакомого по академии В. Ф. Болховитинова, который читал у нас теорию расчета на прочность узлов самолета и был у меня руководителем курсового проекта. После окончания академии он стал инженером-испытателем и возглавил КБ по созданию самолетов. В числе его детищ — четырехмоторный дальний бомбардировщик ДБ-А. На нем в 1937 году Леваневский совершил перелет (правда, неудачный) через Северный полюс в Америку.

Генерал Федоров заговорил без предисловия:

— Вот Болховитинов предлагает на летное испытание самолет-перехватчик БИ-1, а наши летчики

принять отказываются: нет данных о продувке модели самолета в аэродинамической трубе, испытании на прочность. Такими документами КБ не располагает, и получить их в настоящее время невозможно. А самолет позарез нужен для защиты столицы.

Решение о государственном испытании было принято. Назначена комиссия под председательством профессора В. С. Пышнова. Ведущим летчиком-испытателем по моей рекомендации был назначен капитан Бахчиванджи. Я хорошо знал Григория Яковлевича. Он — фронтовик, за два месяца войны сбил семь фашистских самолетов, но был отозван для испытательной работы в НИИ ВВС. В опытной эскадрилье специализировался по высотным полетам. Еще до войны испытывал самолет-разведчик «Р-зет». Тогда испытанием вдруг заинтересовался Сталин и пригласил Бахчиванджи для беседы в Кремль. Я начал было докладывать о ходе испытаний, но Сталин прервал меня и сказал: «Мы послушаем летчика».

Рассказ Бахчиванджи ему понравился. «Вы — настоящий герой и достойны высокой правительственной награды». О нашем посещении Кремля и словах Сталина я доложил начальнику ВВС В. Я. Смушкевичу. Он при мне дал указание включить Г. Я. Бахчиванджи в список для награждения. Но по каким-то причинам Григорий Яковлевич до войны награды не получил.

А сейчас шел 1942-й... Встретив летчика на аэродроме Кольцово, я сказал ему о своей рекомендации.

— Работа предстоит ответственная и опасная. Как вы на это смотрите?

— Раз вы порекомендовали, я согласен, — без колебаний ответил Бахчиванджи.

Весть о прибытии летчика-фронтовика, сбившего в бою семь вражеских самолетов, быстро разнеслась среди рабочих. Бахчиванджи стал на заводе самым популярным человеком. Его приглашали в цеха,

расспрашивали о положении на фронте.

Изучение самолета и двигателя шло под руководством ведущих конструкторов А. Я. Березняка и А. В. Полло. Последним этапом подготовки к полету стала отработка запуска жидкостного реактивного двигателя (ЖРД). На пруду построили специальный стенд — в форме кабины самолета БИ-1 с таким же расположением приборов. Двигатель по конструкции не сложен, но система его питания капризна. В качестве топлива для ЖРД самолета БИ-1 использовались керосин и азотная кислота. Последняя весьма агрессивна, токсична и в случаях аварии или неосторожных действий опасна для жизни.

Освоение запуска шло успешно. Руководил опытный инженер-конструктор Арвид Владимирович Полло. И вдруг при очередном — последнем — запуске ЖРД взорвался.

На заводе меня встретили представитель КБ Сорокин и Бахчиванджи. На его лице были заметны пятна от ожогов азотной кислотой. При запуске он сидел к двигателю спиной, кроме того, спасли кожаный ремень, летный шлем и очки. Полло сидел к двигателю лицом и пострадал сильнее. Но очки и специальная шапка тоже оказали спасительное действие. Заводские врачи обещали, что через 2—3 дня Полло будет на ногах.

Бахчиванджи рассказал, что двигатель запустился нормально, и он хотел перевести его на максимальный режим тяги. При переводе двигатель затрясло, за спиной послышался взрыв...

Меня, конечно, интересовало строение Бахчиванджи, намерен ли он продолжать подготовку к испытательному полету. Я осторожно спросил:

— Что будем делать, Григорий Яковлевич?

— Вот придет из больницы Полло, будем продолжать отработку запуска, — бодро ответил он.

Я стал разыскивать Болховитинова. На заводе его не было, дома — тоже. Жена сказала, что он

чрезвычайно расстроен и, чтобы успокоиться, ушел в детский садик. Я поспешил туда. Виктор Федорович сидел на табуретке и играл на баяне, дети веселились вокруг него...

— Видел Бахчиванджи? — тотчас спросил он.

— Видел, — ответил я.

— Что он сказал?

— Сказал, что будет отрабаты-вать запуск...

Весь апрель 1942 года ушел на подготовку самолета к испытательному полету. Приближался назначенный срок — 12 мая, но погода в районе Свердловска помешала. Назначили новый — 15 мая. Ожидание погоды было беспокойным и мучительным, особенно для Бахчиванджи. Он ходил вокруг самолета, вдруг залезал в кабину, вступал в разговор с Полло и Сорокиным. Иногда заходил на командный пункт. Знал, что ему сочувствуют, но ничем помочь не могут.

В 16 часов генерал Федоров вызвал на командный пункт Бахчиванджи и Сорокина.

— Погода проясняется, — сказал он. — Но нужно все же удостовериться, что она не подведет. Садитесь в самолет У-2 и посмотрите, нет ли облаков с запада.

После обследования района, прилагающего к аэродрому, Бахчиванджи доложил генералу, что погода устойчива, и пространство просматривается хорошо. Генерал Федоров дал разрешение на полет.

Около самолета находились только те, кому положено было находиться. Самолет БИ-1 был совершенно секретным, а полет — особенно. К Бахчиванджи подошел Болховитинов, обнял, поцеловал. Тот бодряще улыбнулся:

— Не беспокойтесь, все будет в порядке.

До взлета оставались секунды.

— Я забыл перчатки, — сказал Бахчиванджи Сорокину.

— Возьми мои.

Из сопла ЖРД рванулось пламя. Самолет необычно быстро набирал скорость и, пробежав не более 150 метров, стал круто набирать высоту. Присутствующие не успели проследить за подъемом, как БИ-1 уже летел горизонтально. Он был похож на ревущую комету с огненным хвостом.

Полет длился немногим больше двух минут. За это время все топливо было израсходовано. Самолет сделал круг и благополучно совершил посадку.

Бахчиванджи вышел из кабины и возвратил перчатки Сорокину.

— Они у тебя счастливые, спасибо.

Что же совершилось 15 мая 1942 года?

Тогда, в 1942 году, по причинам секретности и военной обстановки

о рассказанном событии знали лишь немногие. И тем более не все, я думаю, понимали историческую грандиозность происшедшего. Могло показаться, что основной смысл одержанной победы заключался в создании скороподъемного истребителя-перехватчика, который смог бы стать эффективным средством борьбы с вражескими бомбардировщиками. Да, это так. Но самолет БИ-1 — принципиально новый летательный аппарат, самолет-ракета. Установленный на нем ракетный двигатель способен перемещать летательный аппарат в безвоздушном пространстве. Короткий по времени полет Г. Я. Бахчиванджи предвосхитил наступление эры ракетной техники и космических полетов, о которых мечтал великий Циолковский. Этот полет явился первым шагом на пути человечества в космос. И произошло это на уральской земле.

Дальнейшие испытания БИ-1 продолжались в соответствии с утвержденной программой, но на другом экземпляре самолета. Дело в том, что при посадке во время разворота у самолета подвернулась стойка шасси. Некоторые узлы второго экземпляра машины были усилены. В конце испытаний согласно программе самолет должен был облетать еще один летчик-испытатель. Им стал фронтовик К. А. Груздев. Облет был совершен зимой, в начале 1943 года, при этом самолет был поставлен на лыжи. Груздев тоже положительно оценил самолет.

Комиссия рекомендовала изготовить опытную серию — около двадцати самолетов — для проведения войсковых испытаний в частях ВВС, во фронтовых условиях. За героические действия на фронте и испытание новых самолетов капитан Г. Я. Бахчиванджи в октябре 1942 года был награжден орденом Ленина.

К сожалению, из-за ведомственных неувязок между Наркоматом авиационной промышленности и ракетным научно-исследовательским институтом производственное изготовление самолетов БИ-1 задержалось, а впоследствии, когда налеты на Москву и другие крупные города прекратились, и вовсе потеряло актуальность. Но научно-исследовательские испытания самолета продолжались. Руководство ими было поручено ведущему инженеру НИИ ВВС И. Г. Рабкину, не имевшему достаточного опыта. Он дал Бахчиванджи задание замерить максимальную скорость самолета БИ-1. Вопрос интересовал всех, в том числе и самого Болховитинова, но ответ на него нужно было искать с особой осторожностью. В день полета на максимальную скорость руководящий состав НИИ ВВС находился в Москве, не было на

аэродроме п. Болховитинова. 27 марта 1943 года Бахчиванджи ушел в седьмой испытательный полет на самолете БИ-1, ставший для него последним.

Комиссия, созданная для расследования катастрофы, истинной причины не установила, не хватило знаний и опыта. Как рассказал летчик-испытатель Холод, руководивший в этот день полетами на аэродроме Кольцово, самолет Бахчиванджи из горизонтального полета перешел в крутое пикирование и, не выходя из него, врезался в землю. Ясно, что задание на полет было выдано неправильно, не было деловой связи между ведущим испытание и летчиком. Вероятно, роковую роль сыграла и самонадеянность летчика, не знавшего неудач в предыдущих полетах. А причины для особой осторожности были. Инженер-летчик-испытатель А. Г. Кочетков рассказал комиссии о том, что Бахчиванджи обращался к нему перед полетом с вопросом: почему самолет БИ-1 при увеличении скорости выше заданной для испытаний (550 км/час) ведет себя странно — не слушается рулей. На этот вопрос Кочетков ответить не мог. Только после катастрофы аэродинамики начали изучать и устранять причину.

Память о выдающемся советском летчике-испытателе живет в народе. О нем написаны книги, создан документальный фильм. В военном городке на доме, где он жил, установлена памятная доска. Центральная улица городка названа его именем, а на площади воздвигнут памятник. Поставлены памятники в пос. Кольцово Свердловской области, где он погиб, и в станции Бриньковской, где родился.

По нашему ходатайству (инициатива В. Ф. Болховитинова была поддержана Главным маршалом авиации К. А. Вершининым и космонавтами) в апреле 1973 года Григорий Яковлевичу Бахчиванджи было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза,

Несколько слов о Болховитинове.

С некоторого времени, особенно после его смерти в 1970 году, делаются попытки приуменьшить его роль в создании самолета БИ-1. Даже индекс расшифровывают как «Березняк-Исаев». Спору нет, А. Я. Березняк и А. М. Исаев много сделали по разработке этого самолета под руководством опытного конструктора. Сама же идея создания самолета-перехватчика с установкой на нем ракетного двигателя принадлежит Болховитинову. Индекс с самого начала обозначал «ближний истребитель», и совпадение его с фамилиями конструкторов — чистая случайность.

ЗОВ ПРОСТРАНСТВА

Юрий ЛИННИК

Птицы дают мне новое чувство пространства. Гляжу на картину перелета и явственно ощущаю выпуклость земного шара. Это птицы раздвинули мои горизонты.

Люблю перелет.

Мир укрупняется в эти дни, обретает новую масштабность. Вчера он кончался у той опушки,— сегодня у него нет границ и пределов. За пролетными птицами тянутся незримые нити, связывающие меня с далекими странами. Столько нитей сошлось надо мной! Я держу их в руках и перебираю, как струны. Музыка великих пространств начинает звучать в моей душе.

Несколько валунов торчит из воды у нашего берега. Каждый год здесь отдыхают пролетные полярные крачки. Порой неподвижно сидят два, три часа. Слово вспоминают об увиденном на пути. Думаю, им есть что вспомнить: ведь путь крачек огромен. Птицы летят из Антарктики в Арктику!

Когда думаю я об этом, глядя на красноклювую птицу с черной шапочкой, меня охватывает восторг. На крыльях фантазии я поднимаюсь ввысь, откуда целокупно вижу весь путь крачки: четырнадцать тысяч километров — от моря Амундсена до Баренцева моря. Потрясает амплитуда этого перелета! И я благодарен судьбе за то, что его глобальная дуга проходит над моим домом. Слово вижу хрустальный мост в небесах: надстрой его немного с обоих концов — и соединяются два полюса нашей Земли.

С помощью птиц я зондирую земное пространство. Пролетные пути для меня — как своеобразные телескопы: вижу в их оптике неведомые земли. Сейчас мне это помогает сделать чернозобая гагара. Я знаю, когда ее можно увидеть у нас на пролете: только-только сойдет лед на озере, и она через несколько часов непременно сядет на чистую воду. Постараюсь пронаблюдать ее отлет, вооружусь для этого биноклем и компасом.

Компас мне нужен для замера азимута — я еще раз хочу убедиться в том, что путь гагары лежит на восток. Другие птицы тянут в северном и северо-восточном направлении. Почему же гагара не по дороге с ними?

У этой птицы за спиной Черное море и Балтика. С Куршской косы она повернула в Карелию. Отсюда полетит в Сибирь, к берегам Лены. Загадочная трасса! Отчего бы гагара не лететь напрямик?

Все дело в сроках таяния озер. В Западной Европе лед сходит раньше — и открытые водные зеркала притягивают к себе гагар. Эти птицы могут делать посадку только на воду. И взлетают только с воды! На земле чернозобые гагары беспомощны. Поэтому веки их перелета — открывающиеся озера. Если учесть особенности гагар, то надо признать, что их трасса целесообразна. Для другого вида этот путь был бы неэкономичен. Но для гагар он оптимален.

Совсем недавно проникла в Карелию овсянка-дубровник. Рядом с моим домом есть болото, затопляемое во время половодья. Здесь я и увидел впервые дубровников, они строили гнездо под сенью приболотного ивняка. Стройка велась прямо на земле, рядом с побегами конского щавеля. Идеальное местечко для дубровников! И чтобы найти его, они проделали невероятный путь: ниточка от этого гнезда тянется в Индию.

Рано покинут дубровники наше болото. Уже в августе их не увидишь — птицы через Сибирь летят в сказочную Индию. Вот какая волнующая связь установилась

благодаря дубровникам: от моей скромной Чалны провод птичьей связи дотянулся до священного Ганга.

Как и дубровник, пеночка-таловка сейчас озабочена расширением своего ареала. В последние годы у меня состоялось несколько встреч с этой птицей. Стоит ли говорить, что я им был несказанно рад? Ведь зеленая пигалица является великой путешественницей. Она видела пагоды Таиланда и Явы, она пролетала над Филиппинами.

Зимует таловка в Юго-Восточной Азии. Через северную Сибирь она летит гнездиться в Европу. Почти тринадцать тысяч километров проделывает таловка дважды в год. Почему бы ей осенью не полететь с другими пеночками прямо на юг? Но голос наследственности берет верх над логикой целесообразности. Путь пролета таловки отражает путь ее расселения. Вот ключ к разгадке длительного путешествия. Каждой осенью таловка возвращается на свою древнюю родину, пролетая над Тиманским краем и Уральским хребтом. Саяны, Байкал, Амур, Хуанхэ — сколько интересного видит птица! Прощаясь с таловкой на берегах Онеги, я даю ей фантастическое задание: вести репортаж во время пролета. Ее глазами я вижу земной простор.

Перелетные птицы рассказывают мне об увиденном и услышанном. Вот зеленая пересмешка, птаха с чудесной памятью. Она зимовала в Африке и привезла мне отсюда подарок: «звукозаписи» африканских птиц. Среди северной природы я слушаю голоса тропиков. Это волшебство, сказка.

А вот милая варакушка рассказывает мне о южных степях. Подумать только: в свою песню она вплела крик перепела! Отчетливо слышу знаменитое: спать пора, спать пора. Нет, сегодня спать не буду. И природа в эту белую ночь не уснет.

Летят птицы.

Летят на зов прекрасного Севера из различных краев. И я ощущаю мир как единое целое, ощущаю во всей его огромности и красоте.

В 1890 году датский учитель Х. Мартенсон надел на лапки птиц металлические кольца. Ободок каждого кольца был с адресом: кратко указывалось место кольцевания. Мартенсон проделал эту безболезненную операцию со 109 птицами. Теперь ежегодно окольцовываются многие тысячи птиц. Крохотное колечко помогло охватить огромные горизонты птичьей вселенной.

Метод кольцевания дает двойную информацию. Во-первых, он помогает выявить меру рассеяния птиц в пространстве. Во-вторых, он подтверждает факт их возврата к родным гнездовьям.

Это два противоположных момента: рассеяние, дисперсия и филопатрия, верность отеческим гнездам. Какой момент преобладает в жизни птиц? Вероятно, они двуедины. А потому и равноправны. Но на шкале наших человеческих ценностей мы особое значение придаем филопатрии. Это субъективный подход. Но в контексте духовной культуры он вполне оправдан. Когда ласточка из года в год возвращается под нашу крышу, мы встречаем ее с радостью и умилением — птица верна родине. Этот возврат к гнезду находит отзвук в самых святых наших чувствах. Пусть ученые не судят нас строго за сантименты. Ведь филопатрия птиц — феномен не только биологический: это еще и значительнейший факт нашей духовной жизни.

Именно по этой причине особое значение мы придаем случаям возвращения окольцованных птиц. Факты филлопатрии заслоняют для нас факты дисперсии. Тогда как, на самом деле, оба процесса в природе сложно взаимодействуют между собой.

Орнитологи окольцевали в северном лесу 1229 птенцов горихвостки. На следующий год было обнаружено лишь пять окольцованных птиц. Но три из этих птиц вернулись на родину еще через год, правда, обосновались они не у старого гнезда, а на расстоянии 200—500 м от него. Две горихвостки возвращались в один лесной квартал четыре года подряд! Это своеобразный рекорд постоянства у горихвосток.

В этой статистике проявляется общая для птиц закономерность: молодые птицы склонны рассеиваться, тогда как для взрослых характерен гнездовой консерватизм. Родина для птиц и родина для человека — эти понятия далеко не совпадают. Тогда как мы склонны их отождествлять. Но вот что нельзя упускать из виду: родина птицы — это не всегда место ее рождения, а часто та область, где у нее включился удивительный процесс запечатления (импринтинга).

У воробьиных птиц импринтинг начинается примерно в месячном возрасте. Это период обостренной чувствительности. Длится он недолго, около десяти дней. Но образы местности, запахи в птичью память при импринтинге, уже нельзя стереть. Каждую деталь птица видит в особом ярком свете. Эти елочки, эти валуны, этот родник: все будет впечатлено, врезано в птичью душу. И птица непременно вернется сюда — словно оставляет здесь некий магнит, с которым находится в постоянной связи и на чужбине.

Где произойдет импринтинг? Иногда в прямом соседстве с гнездом родителей. Иногда на ближней кочевке. Иногда во время первой остановки на пролете. Но то неповторимое место, которое будет увидено птицей в близи вспышке импринтинга, и станет ее родиной. Сюда она вернется строить свое первое гнездо. Здесь она будет петь свои первые песни. Однако это не является правилом для всех птиц.

Вот надо мной просвистели первые криквы. Так хочется признать в них птиц, которых я уже встречал прежней весной! Уверенно находят криквы уютную заводь; уверенно садятся на лесное болотце. Словно не первый раз в этих местах; словно каждый уголок у них подробно изучен.

Но впечатление это обманчиво. Вероятность того, что я вижу прошлогодних крикв, очень и очень мала. Дисперсия у этих птиц особенно велика. Они свободно перемещаются по всему миру, не связывая себя узами верности и постоянства.

Огромное количество уток линяет в дельте Волги. Разлетаются они оттуда широким веером. Окольцованных возле Астрахани крикв можно встретить в Ирландии и в Норвегии, на Валааме и на Соловках, у Тиманского края и в северной Индии, в экваториальной Африке и на юге Испании.

Самцы уток надевают яркий наряд уже осенью. Странное время для линьки! Впрочем, оно находит свое объяснение, если вспомнить о ритмах утиной жизни. Семейные отношения у них завязываются на зимовках. Значит, кавалеры должны быть при всех брачных регалиях, потому и переоблачаются они так рано.

В местах зимовок встречаются утки из разных краев. Когда между ними заключается брачный союз, то одна из птиц часто оказывается перед необходимостью сменить место гнездовья — она полетит на родину партнера. Это первая причина территориального неустоянства.

Другая причина связана с экологией уток. Их жизнь приурочена к водно-болотным угодьям. Лик Земли меняется от места к месту, от широты к широте. Но есть в этом лике одна неизменная, всюду повторяющаяся черта: это болота и заболачивающиеся водоемы. Они почти одинаковы и на севере, и на юге. Схожий состав растительности, одна экологическая динамика. Многие птицы

как бы привязаны к определенным широтам, к зонам растительности. Утки от такой жесткой связи свободны, они на любой широте найдут свой излюбленный биотоп.

Но этот биотоп весьма непостоянен во времени. Уровень воды колеблется! И поэтому утиные угодья часто пересыхают. Излишне прочные связи с ними могли бы оказаться губительными. Вот почему утки не имеют особой привязанности к родным местам. В единой популяции каждого вида происходит сильное перемешивание генов. По этой причине утки не разбиваются на географические расы и подвиды, их гигантскому содружеству свойственны цельность и однородность.

Но даже среди этих космополитов известно немало случаев возвращения к старому гнезду. Является ли тяга к родным местам врожденной? Многие орнитологи склонились ответить на этот вопрос утвердительно. Однако в понятие родины они вносили двойной смысл: есть родина вида и родина индивидуума — далеко не всегда они совпадают географически.

Родиной птиц Ч. Диксон считал Антарктиду. Великий исход из нее произошел в силу климатических условий. Произошла грандиозная инверсия: зимовки и гнездовья поменялись местами. Однако в птицах живет неустрашимая память об антарктических гнездовьях предков. Влекомые родовой ностальгией, они стремятся к южным широтам, порой пересекают экватор.

В необычных явлениях птичьей жизни Ч. Диксон пытался найти указание на их связь с южной родиной. Почему сорокопуты и ласточки линяют весной? Потому что у антиподов этих птиц сейчас время осенней линьки. Птицы пересекли линию экватора, но не перевели стрелки биологических часов. В лесах Европы они продолжают жить по календарю Антарктиды. Почти межполярная трасса ласточек свидетельствует о тяге к земле предков. Птицы долетают до мыса Игольный — самой южной точки Африки. Ч. Диксон утверждает: они готовы к броску в Антарктиду, и это может произойти в случае помягчения климата.

Что-то романтическое есть в концепции Ч. Диксона. Какими психологически сложными получаются у него портреты птиц! Вот та же ласточка, например. В ее душе живет две силы: зов страны предков — и зов родного гнездовья. Может быть, и птицам свойственна внутренняя борьба. Однако взгляды Ч. Диксона все же представляются спорными. В одном ученый прав: гнездование и зимовка — это как бы два полюса птичьей жизни. Между ними существует предельное напряжение. Какой полюс является исходным в распространении птиц? Это дискуссионный вопрос. Однако душа человека — его поэтическое чувство — тут ответят однозначно: конечно же, родина для ласточки — вот это глинобитное гнездо под стрехой деревенской крыши. Здесь находится таинственный магнит, чьи поля простираются до мыса Игольный.

Люблю осторожно заглядывать в птичьи гнезда. Глиняная чашечка ласточкиного жилища; глубокая гнездовая ямка с бортиками из пуха — гнездо криквы...

И на дне этих сокровищ биосферы — кладка...

Если возврат к гнездам предопределен наследственно, то это означает: широта и долгота местности записана в генетическом коде — птичье яйцо уже содержит в себе эту информацию. А что будет, если кладку криквы перенести за сотни километров от гнезда? Полетят ли молодые птицы, высиженные приемной матерью, на зимовку предков? Или они примут направление, характерное для уток их нового отечества? Интересно и другое: проследить за весенним возвратом крикв. Если филлопатрия наследственно обусловлена, то утки должны вернуться к гнезду, из которого была вынута кладка.

И вот яйца английских крикв переносятся в ладожские гнезда. Результат опыта становится очевидным осенью: утята полетели вслед за карельскими утками! Часть из них вернулась весной на берега Ладоги. О своем британском подданстве они забыли начисто. Не наследственность, а импринтинг закладывает в юных птиц координаты их будущих гнездовий.

Птицы находят обратный путь на родину. А как они определяют места зимовок? Лишь в редких случаях их приводят туда бывалые вожаки. Но птицы часто летят в одиночку. И бывает так, что молодые улетают раньше старших! Тем не менее, они без всякой подсказки находят далекий остров, где издревле устраивает свои зимовки данный вид. Первыми начинают отлет молодые скворцы и вальдшнепы — на зимовке они будут ждать прибытия родителей. В одиночку мигрируют кукушки, вертишейки, козодои, иволги, жуланы, удоы, перевозчики, черныши, зимородки.

Значит ли, что место зимовок запрограммировано у птиц? Это очень и очень трудный вопрос. Некоторые опыты показывают: наследуется направленность перелета, а не конкретно места зимовок. Дабы убедиться в этом, переместим птиц по долготе. Скажем, петрозаводских птиц перевезем в Архангельск. Найдут ли они зимовку своих соплеменников? Опыты показывают: в большинстве случаев птицы полетят параллельным курсом. Они сохраняют унаследованный азимут, но не сделают поправки на смещение по долготе.

Так тянутся ли все же незримые нити от птиц к их родине? Много неясного в этой проблеме. Но одно изумительно красивое явление говорит в пользу филопатрии. Это — хоминг: возвращение птиц к гнезду после завоза в другую местность.

В самолете альбатрос был переправлен за 5120 км от родины. Через 10 дней он вернулся домой. Замечательный факт! Таких фактов накоплено наукой немало. Способность к хомингу у голубей давно используется человеком в целях почтовой связи.

Для объяснения хоминга было выдвинуто две гипотезы: или птицы используют навигационные приемы, или у них есть сенсорная связь со своей родиной. Последняя возможность кажется весьма таинственной. Представим себе такое: из гнезда в пространство уходят позывные, и птице остается лишь запеленговать их. Но какие волны несут этот призыв родины? Наши приборы почему-то не могут уловить их.

Способностью к хомингу обладают многие птицы. Интересно наблюдать за деревенской ласточкой, перемещенной на большое расстояние от родного гнезда. Птица не проявляет признаков растерянности. Хотя кажется странным, что поначалу она берет направление на север, тогда как надо лететь на юг. Но можно понять такую ориентацию: ласточка оторвана от гнезда, и у нее восстанавливается перелетное состояние. Весной именно путь на север приводит к гнезду. И вот сейчас ласточка инстинктивно включает свой весенний компас.

Но через некоторое время птица осознает новизну ситуации. Она уточняет направление — и берет правильный курс. Лететь ласточке довольно далеко — 60 км. Казалось бы, это расстояние она промчит стрелой. Однако у гнезда ласточка появится лишь через 5—6 часов: скорость хоминга меньше обычной полетной скорости. Но время возвращения может сократиться вдвое, если ласточка полетит не одна, а вместе с напарницей. Вообще, чем больше ласточек участвует в опыте, тем скорее они находят обратную дорогу. Интереснейшая зависимость! Она говорит о значении коллективного опыта стаи. Убьстрается хоминг и в том случае, если птица летит по течению реки.

В 1703 году появился трактат, в котором утверждалось: зимовка птиц находится на Луне. Наввно, но позитивно! Быть может, в будущем человек поставит опыты по космическому хомингу птиц. Ни привычных созвездий, ни геомагнитного поля, ни родного солнца: как в этих условиях будет ориентироваться птица?

Я сознательно ухожу в область фантастики. И это дает мне право сказать: птица укажет верное направление к дому.

Это шестое чувство.

Оно безошибочно действует в любых условиях.

Думая о способности птиц возвращаться к гнезду, я еще больше люблю и своих крылатых друзей, и нашу общую родину.

ЦАРЬ

И паровые машины

Сороковые годы прошлого века... В рутинное состояние уральской промышленности врываются новые струи технического прогресса. Идеи Черепановых и применение паровых машин на уральских рудниках привлекают все большее число технической интеллигенции. На Сысертском заводе мастеровой Алексей Шинов еще в 1811 году изобрел и пустил в дело две вододействующие машины для полировки снарядов. Прославился своей выдумкой и изобретательством сысертский мастеровой Григорий Макаров.

Какие трудности приходилось преодолевать новой технической мысли, можно видеть на следующем факте. 15 июня 1839 года царский указ запретил уральским заводчикам вводить какие-нибудь новшества, потому что каждая новая, это значит лишняя, установка потребует топлива.

За время 1837—1840 годов на Сысертском заводе наследников Турчанинова «было совершено тяжкое служебное преступление» (как отмечает документ). В Сысерти осмелились без разрешения Уральского горного начальства... установить три паровые машины. Понятно, что к этому наследников Турчанинова понудили конкуренция и кризисное состояние завода.

И вот об этом «преступлении» стало известно в Екатеринбурге всесильному генералу Глинке. Он-то и сообщил в Департамент горных дел Министерства финансов, а Канкрин доложил царю.

Итогом этого и был царский указ от 15 июня 1839 года. Хорошо, что бюрократическая машина так работала, что данный указ из Екатеринбурга циркулярно разослан всем заводским исправникам 29 октября 1841 года.

Владелец Сысерти Колтовскую и ее сына П. Д. Соломирского, а также заводского исправника, не сообщившего об их действиях в Екатеринбург, царский указ объявлял «подлежащими суду». Но в порядке особой монаршей милости им сделано только строгое внушение и предписано: «Впредь без разрешения горного правления никаких перемен в заводских и горных устройствах не делать, о чем сделать известным через исправников ко всем заводам к предостережению, чтоб они не решились на подобное же своеволие».

Но кто же был «виновником этого преступления»? Ставши совладельцем Сысертских заводов, ротмистр П. Д. Соломирский еще в 1833 году просил Демидова, чтобы Черепановы построили для него паровую машину.

Документов же, подтверждающих участие Алексея и Ефима Черепановых в постройке трех паровых машин для Сысерти, пока не выявлено. Но эти машины строились действительно по черепановским чертежам и проектам. Вероятно, от начала до конца, т. е. до монтажа машин в Сысерти, над этими тремя паровыми машинами трудился их племянник Аммос Черепанов.

ЛЕГЕНДЫ КАМЕННОГО КОТЛА

Юрий ВИЛИНОВ

Вначале было слово. Была заметка — «Яшмовая живопись» — на обложке вашего журнала. Она заинтересовала нас по многим причинам. Во-первых, мастерская по обработке камня-самоцвета, какую организуют в 130-й школе Свердловска, уже десяток лет работает в клубе юных техников титаномагниевого комбината в нашем городе Запорожье. Во-вторых, мы уже водили две группы юных туристов по яшмовому поясу Урала. В-третьих, мы наметили этот же маршрут, но расширенный, для семинара-практикума учителей, ведущих геологические кружки.

Поэтому мы завели переписку с Юрием Григорьевичем Крежевских — геологом-наставником свердловской школы № 130. И попросили его прислать привязки к месторождениям на предполагаемом маршруте. Мы получили от Юрия Григорьевича схему хребта Северный Ириндык с участками пестрых и полосчатых яшм.

Забегая вперед, скажем, что качество схемы мы оценили на месте, без труда найдя все десять выходов яшм. Следует объяснить, что половину успеха в сложном туристском походе составляют хорошие схемы. Их перечерчивают от руки, переносят на кальку, перефотографируют. Лучше всего, конечно, карты. Но дело в том, что в течение многих и долгих десятков лет обычные топографические карты в нашей стране были строго засекречены; крупные неприятности ожидали того, у кого карту обнаружат. Сколько туристов погибло из-за отсутствия хорошей карты!.. Никто еще не подсчитывал этой категории жертв авторитарного общества...

Перестройка «раскрыла карты». Сначала масштабом 5 км в 1 см, затем 2 км в 1 см. Теперь за пользование ими не преследуют в уголовном порядке. Карты такого масштаба вполне удовлетворяют туристов, остается малое — эти карты достать...

Поэтому наше путешествие было по схеме, и по хорошей схеме — за что свердловчанам спасибо.

Мы прошли весь маршрут, обследовав знаменитые Калкановское, Аушкульское и Мулдакаевское месторождения яшм. Из этих однотонных яшм в позапрошлом и прошлом веках уральскими камнерезами были изготовлены сказочно красивые огромные вазы, которые сейчас украшают Эрмитаж.

Но больше всего нас поразили яшмы из месторождения Таш-Казган в самой середине хребта Северный Ириндык, рядом с деревней Старомуйнаково. Мы восхищались немыслимым сочетанием цветов и форм: камень перемешан, словно пенитное варено в котле. Вечером возле костра кто-то предположил, что Казган, возможно, — искаженное «казан» — котел. Камень кипел, как в котле, в недрах хребта, где почему-то образовалась чрезвычайно высокая температура.

— Может, в древности в холм ударил метеорит? — предположил руководитель группы Сергей Бородин. И тут же родилась легенда...

«...Огненное диво прилетело из-за гор около полуночи. Оно осветило холмистую равнину, и пастухи, что пасли на ней табуны коней, увидели, как шар пламени, разделившись на части, ударил в поросшие лесом холмы. Земля задрожала, как раненый зверь, и лес на холмах вспыхнул сразу, как от удара тысячи молний. И те, кто находился

ближе, утверждали, что камень в чреве холма кипел. Им, конечно, не верили: ведь камень не размягчается даже в самом жарком пламени...

Пастухи погнали свои табуны прочь от надвигающейся стены огня. А когда через много дней вернулись, то увидели запекившую корку камня. И если эту корку расколоть — камень радует глаз перемешанными и вспененными полосами и кольцами белого, желтого, оранжевого и сиреневого цвета. Перемешанными, словно варено в котле... С тех пор холм назвали «Гора-Котел»...

Кто-то предложил другую версию. В знаменитых «Махабхарате» и «Рамаяне» неоднократно описывается применение сверхоружия, которое некоторые современные исследователи относят к ядерному. И родилась еще одна легенда, уходящая во второе тысячелетие до нашей эры.

«...Цепь холмов заняли лучники. Узкие глаза степняков всматривались туда, где зимой заходит солнце, и кремниевые наконечники стрел сами просились в тело врага. Разведка донесла, что лавина ариев с повозками, в которых женщины и дети, движется через степь. Идет пожива!

Вождь поставил свой шатер из белого войлока на вершине холма. Его окружали три сотни отборных воинов, вооруженных бронзовыми мечами, — личная охрана. Им предстоит добывать поверженного врага, им же достанется большая часть добычи.

Арии подошли, и их встретил дождь стрел. Лавина отшатнулась. Вождь ждал: когда же враг начнет атаку...

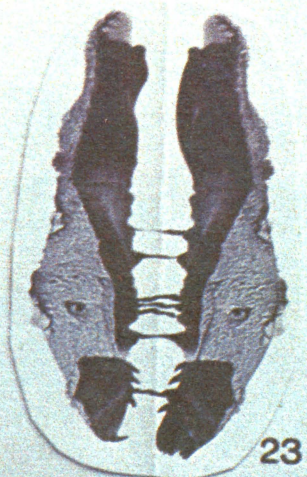
Но вместо этого люди, идущие через степь, поставили у подножия холма колесницу. Остроглазые степные воины рассмотрели на ней что-то наподобие свинцового сундука, из которого торчало какое-то бревно. «Бревно» фыркнуло и полетело по дуге. Оно упало на холме рядом с шатром верховного вождя. Вмиг в огненном вихре исчезли и шатер, и вождь, и охрана... Они просто испарились, как горсть снега. На холме бушевал огненный смерч, и плавилась камни. Арии прошли мимо пожираемых огнем холмов и исчезли из виду...

Когда утих пожар, степняки вернулись к холмам. В тот год ягода была во много раз больше, чем обычно. Только потом люди стали болеть болезнями, от которых не было лекарства, и умирать. А у живых стали рождаться дети-уроды. И люди прокляли эти места, где кипели камни...

Как ни заманчивы сочиненные у костра легенды, нам пришлось согласиться с самой нормальной версией. Это — явление интрузии вулкана. Сотни миллионов лет назад, когда рождались Уральские горы, расплавленная магма прорывалась к поверхности и расплавляла породы на своем пути. Вспучивались горы, но на поверхность магма так и не вырвалась — у нее не хватило сил, чтобы образовать вулкан.

Что не сделала чудовищная температура — сделало бесконечное время. Уральский хребет разрушался, и вот бывшее каменное «варено» оказалось на поверхности.

...Мы унесли с собой частицу вашего Каменного пояса. В рюкзаках и в сердцах.

23

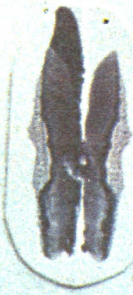
29

30

31

32

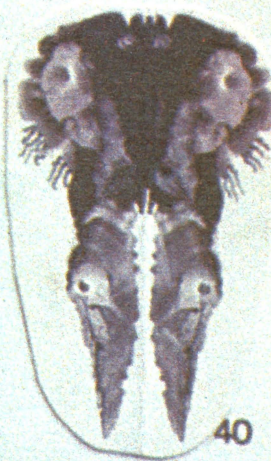
37

38

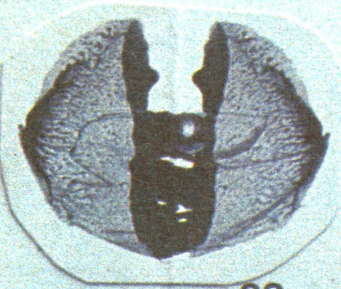
39

40

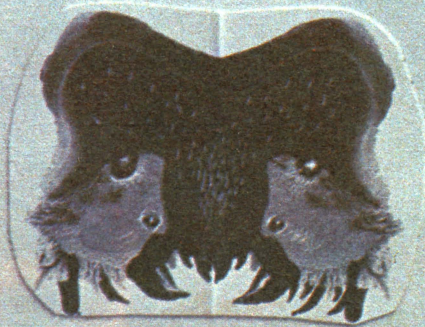
24

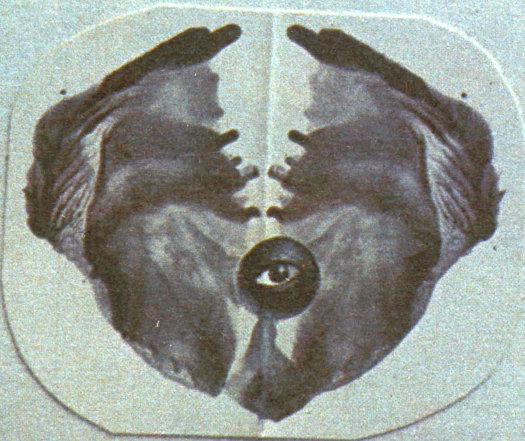
33

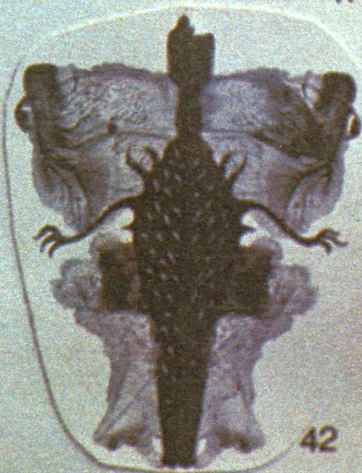
41

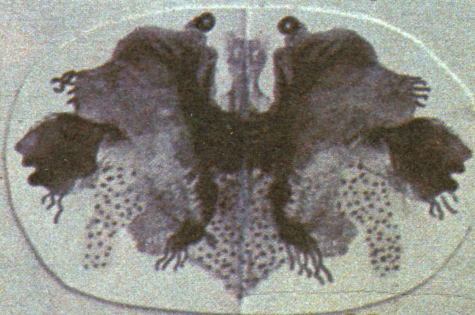
25

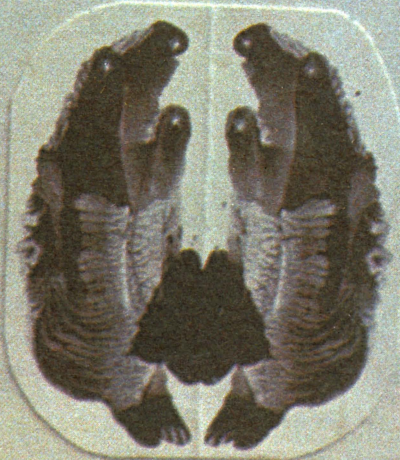
34

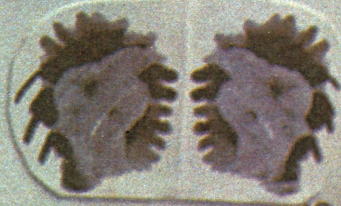
42

26

35

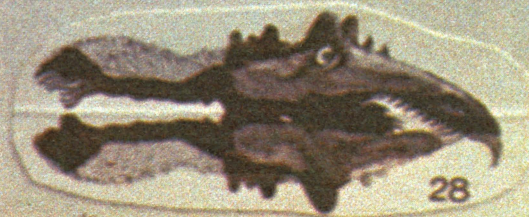
43

27

44

28

36

45

06,

Корогич '89

АЭЛИТА

УРОК ТРУДА

Юрий ИВАНОВ

Рис. Николая Мооса

Семена Можаява послали в подшефную школу ломать полы. Не забыли, что до формовки работал строителем. И хоть литейный цех пришелся по душе, перерыв все же нужен. Выходит, заботу о человеке проявили, а это всегда приятно. Молоток и зубило взял, пропуск, чтобы через проходную пропустили, и пошел.

На улице весна. Даже машины показались веселыми, хоть и бежали, как всегда, плотным стадом — дорогу не перейдешь. Решил добираться пешком. Школа недалеко. Не заметил, как и дошел.

Ломать полы надо было в вестибюле. Вернее, из-под плитки снимать слой раствора. Плитку уже убрали. Кучи ее, побитой, громоздились на улице. В углу вестибюля была заготовлена мраморная крошка. Рядом стояли затирочная машина и небольшая растворомешалка.

«Мозаику будут выкладывать, — сразу догадался Семен. — Плитка-то, наверное, повыбилась. Пацанва».

— А как же вы плитку побили? — спросил он у вахтерши, которая сидела возле входной двери в пальто и валенках.

Семен перевел взгляд на чисто подметенный пол. Увидев посередине выбитую канавку, решил начать оттуда. Во-первых, легче отбивать, а во-вторых, в любую сторону гони. Приладил зубило под край, молотком ударил — подалось маленько. Еще постучал — кусок отвалился. Кое-где раствор лежал на бетоне шубой. «Ну, если так дело пойдет, за неделю, а то и скорее управиться можно», — подумал он.

До перемены отковырнул кусков десять. И тут выскочили ребята. Чертенята какие-то: кричат, орут, визжат, друг друга гоняют. Еле инструмент убрать успел...

Пыль поднялась столбом. Вахтерша вязание спрягала, притихла, будто ее оглушили. Появился пожилой учитель, стал грозиться, кого выгнать, кого за родителями отправить. Да где там!

А тут один, второклашка вроде, как заорет:

Достать бананы нелегко,

Достать бананы нелегко...

А с десяток таких же огольцов разом:

Ха — ачу банан,

Ха — ачу банан!

И мигом врасыпную. Молоденькая учительница кинулась к ним. Но учительница Семену не понравилась. Вернее, сама-то она ягодка-малинка. Юбка не понравилась. С разрезом. Побежала — аж мороз по коже. Это при детях-то! Нет, нехорошо. Вернее, хорошо, конечно, но не тут.

Старшеклассники вышли. Степенные. Кому подзатыльник, кого за косу — потише стало. Но одеты — куда там учителям. Вроде не в школу пришли, а на парад мод.

Пока звонок на урок прозвенел, в голове зашумело.

— Это что ж у вас, всегда так? — спросил Семен вахтершу.

— А как же? Школа ить, — удивленно посмотрела она поверх очков. — Забыл? А школу грех забывать. С нее все начинается.

Можаяв ничего не сказал, снова молотком стучать пошел. А что говорить? Семилетку окончил когда еще. Потом в вечерке доучивался. Жили вдвоем с бабушкой, и надо было работать. В первом классе когда учился, помнит, как очередь за хлебом с ночи занимал, как кости собирал — в лавку сдавал. Раньше в такие лавки кости принимали, цветной металл, тряпки. После войны всего девять лет прошло и металла-патронов, артиллерийских гильз — было навалом. Особенно в рощицах, недалеко от города. Ребята постарше находили пулеметы, разбитые пушки. Случалось, подрывались на оставленных фашистами минах. Но все же, несмотря на опасности, какой-никакой заработок был. Подмога в хозяйстве. Такая вот школа.

Правда, запомнилась первая учительница, Глафира Ивановна. Седая, старенькая. У нее была силеневая кофточка и длинное черное платье. И голос добрый, добрый... Да еще в четвертом классе премия за хорошую учебу и за то, что пел лучше всех. Наградили тогда военной формой — как раз по росту и кирзовыми сапогами — по ноге.

— Здравствуйте, — мужской голос прервал воспоминания.

Можаяв обернулся. Интеллигентный мужчина заложил за спину руки. Лицо круглое. На большом животе не сходится темно-синий пиджак.

— Здравствуйте, — отряхнул с коленей пыль Семен, руку о штаны вытер.

У интеллигента ладошка слабенькая, Семен нарочно придавил, мол, знай наших. Не очень уважал ухоженных. Тот стерпел, виду не подал, но руку снова спрятал за спину.

— Хорошо работаете, только торопиться не нужно. Через два часа урок труда, мы вам восьмой «Б» дадим на помощь.

— Ну, спасибо, — смутился от своей грубости Можаяв.

Выручил звонок. Ребятишки выскочили и давай, как в первый раз, ходить на головах. Шум, визг.

И надо же, все хорошенькие. Мордашки кругленькие, глазенки блестят. Вот огольцы, аж на душе радостно. Один увидел Можаява, подскочил. И за ним все, окружили, облепили со всех сторон:

— Дяденька, а вы зачем полы ломаете? — спросил тот, что прибежал первый. Остальные притихли.

— А новые класть будем. Мозаику, знаешь?

— Знаю. Это когда квадратами зелеными и синими. А потом полосками еще.

— Точно, — подтвердил Семен.

— А у нас попугайчики есть. Они тоже зеленые и синие, — похвастал другой.

Всех как подхватило:

— Ура! Полы с попугаями будут.

И снова куча мала пошла.

Звонок прозвенел, «попугаев» сдуло как ветром.

И тут с улицы зашли два старшеклассника. Лет по пятнадцать. Один стройный, темноволосый, с карими глазами. Второй светлорусый голубоглазый крепыш. У обоих яркие приталенные рубашки. На ногах кроссовки. Прошлись по вестибюлю расслабленной походкой и остановились возле небольшой кучи, которую успел набросать Можаяв. Кареглазый небрежно пнул кусок раствора, Семен смотрел на них и улыбался, мол, еще два «попугая» на урок опоздали. И вдруг кареглазый презрительно сощурился:

— Работяга, — процедил сквозь зубы, в глазах злость, будто перед ним раб, который провинился. — Расселся, а за него ишачь.

И пошел. Сплюнув, светлорусый побежал за ним. Семен продолжал смотреть им вслед и улыбаться. А когда понял — внутри все дрогнуло. Хотел броситься вдогонку, да след уже простыл. А дрожь не утихала.

«За что? Ну, присел отдохнуть. Все равно не дали бы работать. Да и чтобы говорить так, самому лет двадцать отпахать надо. Ведь молотка в руках не держал».

— Вот нахалюга, а? — вахтерша тоже все слышала. — А ты, сынок, нервы-то не трать. Они что хоть наговорить могут.

Весь урок Семен рвал полы как проклятый. Вахтерша поглядывала в его сторону, вздыхала и качала головой.

В перемену он так шуганул подскочивших «попугайчиков», что те разлетелись, как от камня.

В вестибюле уже собрался весь класс. Мастер производственного обучения, пожилой, грузноватый мужчина в застиранном халате и кособоко сидящими на носу очками, о чем-то разговаривал с директором.

— Вот, пожалуйста, — подойдя к Можаяву, сказал директор. — Класс готов приступить к работе. И не думайте, что ученики у нас белоручки.

— Я и не думаю, — стараясь усилием воли снять внутреннее напряжение, угрюмо буркнул Семен. — Но тридцать человек — это много. Мешать будут друг другу, — мельком заметил среди ребят знакомых «попугаев», проглотил взбухший комок в горле обиды, досадливо махнул рукой: — одного если дадите, и на том спасибо.

Мастер нерешительно покашлял в кулак, поправил совсем съехавшие очки и оглядел ребят:

— Пименов, Лысняков, — негромко попросил он, — сходите в мастерскую. Возьмите зубила и молотки. Остальные за мной.

Остались «попугаи». Потоптавшись, они двину-

лись в мастерскую. Семен ошарашенно посмотрел вслед и в сердцах поддал ногой кусок раствора. Уж чего-чего, но этого никак не ожидал. «Попал, мать честная. В воспитатели записали,— подумал он, прилаживая зубило под затвердевший, как гранит, выступ и с силой наворачивая молотком по блестящей шляпке. В лицо брызнули мелкие острые осколки, потому что в горячке наткнулся на присохший к бетону кусок раствора.— Помощники... От... помощники. Не только школа, родная мать, наверное, не справляется...»

Он вспомнил, как после седьмого класса вместе с бабушкой, которую звал матерью, поехал поступать в ремесленное училище. Из небольшого городка до областного центра было не далеко. В приеме тогда отказали. Ему было тринадцать, а брали с четырнадцати лет. Из кабинета директора они вышли расстроенные. Случайно попали в производственные мастерские. И когда увидел Семен токарные станки, когда на себе почувствовал гордые взгляды ребят, он заплакал. Так хотелось не быть обузой в доме, а получить специальность. Он проплакал всю дорогу до дому под глубокие вздохи бабушки и утешительные слова пассажиров.

Смахнув пот со лба, Семен наставил зубило под другим углом. Островок все не поддавался. Решил, видимо, стоять насмерть.

«Ты еще нервы будешь мотать!» — не выдержал Семен.

Сцепив зубы, он шарахнул по зубилу так, что и зубило, и кусок раствора, пролетев через вестибюль, врезались в противоположную стену.

— Господи, господи... — торопливо закрестившись, охнула вахтерша. С коленей скатился клубок зеленых ниток.— Так и убить можно, сынок.

Поднявшись с корточек, Семен заметил ребят, нерешительно топтавшихся на месте с инструментом в руках и халатами под мышками.

Подобрав зубило, он крутнул головой:

— Да... место попало. Еле сбил.

— Я понимаю, что тяжело. Нешто я не понимаю,— с кряхтением потянулась вахтерша за клубком.— Только так и школу развалить недолго. Ишь, как стенку ошкарябало.

— Цела будет стенка,— буркнул Семен и обернулся к ребятам:— Ну, чего стоите? Пришли помогать, так начинайте.

Те покрутили в руках молотки, будто впервые их увидели:

— Откуда начинать? — неприязненно спросил высокий.

— Откуда хочешь. Простору хватает.

Потоптавшись еще немного, ребята сделали несколько шагов и, посверкивая бляхами и замками, уселись неподалеку. С тревогой посмотрев на их рубашки и брюки, Семен сердито дернул плечом:

— Халаты накиньте. Разрядились как... — хотел добавить: «как попугай», но сдержался. Жалко было хороших вещей, которые через минуту покроются пылью.

Ребята неохотно, но молча, натянули халаты. Вахтерша некоторое время приглядывалась к ним. Узнав, удивленно посмотрела на Семена. Качнув головой, принялась за свое вязание.

Работа после островка заладилась. Легко отбивая кусок за куском, Семен отбрасывал их в кучу. Скоро небольшая горка заметно выросла. Ожидая

резких слов, ребята настороженно поглядывали на хмурого мужика. Но Семен, не обращая внимания, продолжал сбивать раствор. «Попугай», наконец, немело застучали молотками. Но с каждым разом удары становились все менее уверенными. Появившаяся вначале небольшая, с детский кулачок, ямка расширилась всего на несколько сантиметров. Лица ребят скоро покраснели, чубы взмокли. Они, как видно, поняли, что при всем старании так ловко, как рабочий, не смогут отбивать раствор. Собственные слова, получалось, оборачивались против них. «Ишачить» не выходило. Была какая-то детская возня. Злясь друг на друга, они, конечно, пожалели о том, что остались работать.

У незаметно наблюдавшего за ними Семена все другие чувства начало пересиливать беспокойство. Было как-то нечестно смотреть на неуклюжие движения. Каждый формовщик в бригаде считал за позор не помочь новичку. Но и набиваться в учителя Семен не решался. В душе все еще держалась неприязнь к «попугаям».

«Работяги. От... работяги,— поглядывал он на них с возрастающим волнением.— Языками только чесать».

Семен видел, что ребята посверкивают друг на друга глазами, как два озлобленных волчонка, и чувствовал, что скоро должен произойти взрыв. Как ни странно, именно этого он хотел.

И взрыв не заставил себя ждать.

Тот парень, который обозвал Семена, схватился за руку. Чуть повыше запястья, из небольшой царапины выступили капельки крови. Видимо, кожу задел отлетевший острый осколок.

— Ты что, обалдел? — прикладывая руку к губам, замычал он. Сплюнув, зло уставился на хлопавшего растерянно глазами белобрысого.— По шее дать? Тьфу... Дурак.

— Чего ты,— обиженно засопел тот.— Они сами куда попало летят.

— Смотреть надо.

Светловолосый крепыш развел руками и покопался на Семена.

И Семен не выдержал. Чертыхнувшись, бросил инструмент:

— Как ты зубило держишь? — возмущенно сказал он крепышу.— Ты что, в плотники записался? Это не долото, чтобы вертикально ставить, а это,— ногой топнул по раствору,— не дерево. Хэ-т, работнички,— оглядевшись, недалеко увидел трещину.— Идите сюда.

Забыв про обиду, Семен опустился на корточки. Ребята присели рядом.

— Образовалась трещина так: когда высыхал раствор, он стал сжиматься. И где послабее, воды, например, больше бухнули,— там и разошелся. Меньше оказалось молекул цемента. Проходили, наверное, в школе? — он сердито посмотрел на ребят.— Они, эти молекулы, не стянули песок и воду как следует. Видите, здесь одна труха. А в этом месте как сталь. Тут и отковырнуть будет труднее, потому что молекулы раствора проникли в молекулы бетона.

— Как корни? — радуясь, что рабочий разрядил обстановку, все же съехидничал крепыш.

— Что это тебе, дерево? — не поддержал его темноволосый, продолжал облизывать руку.— Они просто разбомбили кристаллическую решетку бетона, и все.

Крепыш смущенно шмыгнул носом. Он хотел реабилитировать себя перед другом, но тот все еще злился. Семен задумчиво потер подбородок:

— Не знаю, может, разбомбили, а может, как диверсанты проникли. Но война у них еще идет крепкая.

Некоторое время вахтерша, заинтересовавшись их разговором, о чем-то думала. Вязальные спицы в ее руках замерли. Затем встрепенулась:

— Сынок, вот ты куда первый раз показал, где труха-то, там не этих мало, как ты их назвал, а цементу. Я помню, там Митька работал по первости. Так он этот цемент ведрами гнал кому ни попадя. А потом его вытурили. Поставили Михалыча. При нем-то и стало крепко, потому как он весь цемент в раствор замешивал. Даже лишку кидал.— Добавила она с гордостью за неизвестного Михалыча.

— Если лишнего кинуть, тоже трещины будут,— повернулся к вахтерше Семен.— Раствор жирным станет.

— Ну... не знаю,— обиделась старушка.— Только Михалыч добросовестно работал, не то что этот прохиндей Митька. Я лишнего наговаривать не хочу.

Пожав плечами, Семен обратился к ребятам:

— Дальше. Зубила надо ставить под углом, градусов под сорок пять. Чтобы, значит, между ним и раствором образовались две стороны треугольника. А вы лупите квадратом, поэтому ничего не получается. Это на шубе если, тогда под любым углом гони, все равно отвалится.

— Тебя как зовут-то? — обратился он к крепышу.

— Алексеем,— неохотно ответил тот.

— А тебя? — Семен обернулся к другому.

— Михаилом,— прикладывая к царпине кусочек бумаги, буркнул парень.

— Меня Семеном Даниловичем,— холодно отрекомендовался Семен.

— Теперь, когда бьешь по зубилу, надо смотреть не на шляпку, а в конец. Тогда и удар сильнее будет.

— Ага,— подскочил злорадно Михаил.— Я уже смазал себе по пальцам, а вы учите, чтобы руку вообще разможжило.

— Так оттого, что боишься промазать, ты и попадешь по пальцам,— усмехнулся Семен, тронутый наивностью парня.— Что она, рука-то, враг сама себе? Она знает, куда ей бить. Смотри.

Быстро расширив трещину, он снял несколько кусочков раствора.

— Видите, я не гляжу, куда бью, а смотрю на то, что отбиваю, потому что своей руке верю,— протянув Алексею зубило, он встал.— Держи. Урок скоро кончится, а мы ничего не сделали. И не садитесь друг против друга. Глаза повышибаете.

Вахтерша уважительно посмотрела на Семена. Заметив, что на разноцветном носке навязала одну полоску шире, чем другие, всплеснула руками:

— Тьфу, ты, господи, когда это я успела.

Со стороны ребят некоторое время доносились нерешительные удары. Потом стук молотков стал увереннее.

— А правда, когда на шляпку не смотришь, удар сильнее получается,— отбрасывая большой кусок раствора в кучу, негромко сказал Михаил.

— Ну. Отваливается только так,— согласился с ним Алексей.

Работа у них заладилась. Усердно сопя, ребята медленно продвигались к месту, очищенному от рас-

творя Семеном. Скоро их стала разделять перемычка, шириной примерно в полметра.

Напряжение с Семена начало спадать. Нет, слова «попугаев» не забылись, царапали душу. Может, это и совсем не пройдет. Но поначалу думалось, что они вообще работать не будут. Где-нибудь пристроятся, сунув руки в джинсы, поглядывая с презрением на Семена. Или вовсе исчезнут. А они, смотри-ка, ковыряются. Даже заинтересовались.

Через несколько минут перемычки не стало. И в это время прозвенел звонок.

— А здорово у нас получилось,— сказал Алексей, когда они, вытирая платком потные лица, втроем отошли отдышаться в угол вестибюля.

Облокотившись об подоконник, Семен неопределенно хмыкнул.

— А кем вы работаете на заводе? — неуверенным баском спросил Михаил. Пот все еще струился из-под взъероженного чуба.

— Работягой,— ответил Семен, нащупывая в кармане сигареты, и, заметив удивление в глазах парня, тут же сменившееся смущением, улыбнулся.— Формовщиком. Из земли делаем формы, потом их заливают расплавленным чугуном. Получаются шкивы, муфты, шестеренки. Детали для комбайна.

Звонок на урок прозвенел как-то неожиданно.

— Что вы здесь делаете? — услышали они голос подошедшего сзади директора.— Марш в класс.

Схватив зубила и молотки, ребята быстро пошли в правый коридор. Перед тем, как скрыться, Михаил обернулся.

— Ты меня не понял? — резко сказал директор.

Михаил посмотрел на Семена растерянно и, увлекая приятеля, исчез за поворотом.

— На следующий урок труда дайте этих же ребят,— раскуривая сигарету, глянул им вслед Семен.

ШЕСТЬ ОРДЕНОВ ИЛЬИЧА

Григорий МИШКЕВИЧ

Владимир Ильич Ленин имел только одну правительственную награду — орден Труда Хорезмской Народной Советской республики. Владимир Ильич принял его в знак уважения к народам Востока, но никогда не носил. Орден хранится в Музее В. И. Ленина в Москве.

И все же Владимир Ильич был награжден еще шестью орденами! Это не были правительственные акты. Люди снимали с себя свои боевые награды и возлагали их к гробу Ленина в скорбные дни января 1924 года...

ОРДЕН ТРУДА ИЗ ХИВЫ

Он был учрежден ЦК Компартии и Президиумом ЦИК Хорезмской республики 16 февраля 1922 года. Нарком финансов республики Худайберген Диванов подобрал группу художников, ювелиров и чеканщиков, в которую вошли живописец и поэт Камил Дивани, ювелир Атаджан Мадрахимов и другие народные мастера. Орден Труда Хорезмской республики был решен в художественных традициях Востока. На металлической грушевидной пластинке можно различить яркую голубизну южного неба, синеву Аму-Дарьи, желтizinу песчаных барханов пустыни, молот с лопатой, сноп пшеницы и стебель джугары, сплетенные, словно братское рукопожатие русского крестьянина и хивинского декханина.

Орден № 1 решено было вручить Владимиру Ильичу Ленину. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится документ: «4 апреля 1922 года. Председателю Совета Народных Комиссаров тов. В. И. Ленину. Дорогой товарищ! В память второй годовщины Хорезмской революции мы установили орден Труда для наших героев труда. Мы просим Вас, дорогой и любимый наш учитель, принять этот орден согласно постановлению ЦИК и носить его как символ освобожденного труда на Востоке после многовекового рабства».

ЯНВАРСКОЙ НОЧЬЮ

До 1938 года в Мавзолее на лацкане ленинского пиджака поблескивал алой эмалью не только значок члена ЦИК СССР, но и орден

боевого Красного Знамени. Это зафиксировано на старых фотоснимках и засвидетельствовано поэтической Верой Инбер:

*И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
и красный орден на груди...*

Владельцем этого ордена был секретарь СНК РСФСР и личный секретарь Владимира Ильича — Николай Петрович Горбунов (1892—1937) — видный советский государственный деятель, ученый и политработник Красной Армии, член Коммунистической партии с 1917 года. В 1920 году за боевые заслуги Н. П. Горбунов награжден орденом Красного Знамени. Николай Петрович внес заметный вклад в развитие советской географической науки. Вместе с Н. В. Крыленко исследовал горные хребты Средней Азии, немало сделал для развития массового альпинизма в нашей стране. С 1935 года Н. П. Горбунов — действительный член АН СССР и ее секретарь.

...Морозный январский вечер спустился на Москву. Куранты пробили семь раз. В этот момент в одном из кабинетов СНК раздался резкий звонок телефона. Николай Петрович снял с рычагов трубку. Он не сразу узнал голос Надежды Константиновны Крупской, звонившей из Горок: «Приезжайте... Владимир Ильич десять минут назад скончался...»

И вот по заснеженным полям Подмосковья, сквозь режущий ветер мчатся аэросани. Когда Горбунов приехал в Горки, тело Владимира Ильича уже перенесли из маленькой комнаты в большую. У входа стояла елка — Ленин устроил ее для окрестных деревенских детей. У гроба на скамье сидели Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, Л. А. Фотиева. Ленин был одет в зеленатоватый френч. На лацкане значок члена ЦИК СССР. Николай Петрович расстегнул китель и стал дрожащими пальцами отвинчивать свой орден Красного Знамени. Снял его, прикрепил к ленинскому френчу...

В 1938-м лихом году, те, кто послал Н. П. Горбунова на плаху, изъяли орден из Мавзолея... Жизнь Николая Петровича была оборвана на 45-м году. Ныне его доброе имя реабилитировано.

«ЗА НЕГО ГОТОВ ОТДАТЬ ЖИЗНЬ»

Вторым человеком, положившим свой орден Красного Знамени к гробу В. И. Ленина, был Николай Ильич Подвойский (1880—1948).

С Лениным он встретился в 1907 году. А в 1917-м Подвойский — член Петроградского Совета, редактирует газеты «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», назначается руководителем Военной организации при Петроградском комитете партии. Он участвовал в штурме Зимнего дворца. В ноябре 1918 года по рекомендации В. И. Ленина назначается наркомом по военным делам. За храбрость, проявленную в борьбе с белогвардейцами, награжден орденом Красного Знамени.

В 1944 году Николай Ильич писал сыну Льву на фронт: «Выше всего была для меня радость встречи с Владимиром Ильичем, с тем человеком, с которым мама и я навсегда связали свою жизнь и за кого готовы были в любую минуту отдать ее».

«Когда гроб с телом Ильича стоял в Колонном зале, — писала «Правда» в 1970 году, — Подвойский снял со своей груди орден Красного Знамени и положил его к Ленину, как бы символизируя этим, что всеми своими заслугами обязан Ильичу».

ОРДЕН № 14599

Третий орден боевого Красного Знамени к гробу Владимира Ильича положила, образно говоря, вся Красная Армия. Орден был прикреплен к металлическому венку из листьев дуба. Венок с орденом хранится сейчас в Музее В. И. Ленина в Москве. Его принесли в Колонный зал 23 января 1924 года преподаватели и слушатели Военно-академических курсов высшего командного состава при Академии Генерального штаба Красной Армии. Академия была создана в 1918 году по личному указанию В. И. Ленина. На базе ее существовали одногодичные курсы для высшего командного состава. Их слушателями стали прославленные командиры полков, комбриги, начальники комкормы и командармы Красной Армии. Среди них С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, И. П. Убо-

ревич и другие. Почти все они погибли в зловещие годы культа личности Сталина.

Но курсы к тому времени не были награждены этим орденом. Когда печальная весть о кончине В. И. Ленина дошла до стен Академии, слушатели и преподаватели Курсов обратились в Президиум ЦИК СССР с просьбой о награждении орденом Красного Знамени специально для того, чтобы, прикрепив его к металлическому венку, возложить к гробу Ленина как символ почестей Красной Армии своему создателю и вождю.

Учитывая огромные заслуги полководцев, подписавших ходатайство, Президиум ЦИК СССР счел возможным удовлетворить его.

ЧЕЛОВЕК НА КОСТЫЛЯХ

И снова события переносят нас в Колонный зал. Это произошло 27 января 1924 года, в день похороп В. И. Ленина.

Через Колонный зал двигались нескончаемые людские потоки. На Красной площади тысячи людей спешно заканчивали сооружение временного деревянного Мавзолея. В Петрограде (он вскоре станет Ленинградом) рабочие питерских заводов, невзирая на лютую стужу, поддерживали на Марсовом поле огонь пятидесяти трех громадных костров — по числу лет, прожитых Лениным. В Москве специальная эскадрилья самолетов готовилась разбрасывать траурные листовки...

...А стужа над Москвою

Такая лютая была,

Как будто он унес с собою

Частицу нашего тепла,— так писала Вера Инбер.

В этот час к подъезду Колонного зала подошел человек на костылях, в солдатской шинели и старой папахе. На его груди атели три боевых ордена Красного Знамени. Люди невольно посторонились, пропуская героя. Часовые у входа отдали честь. Один из них поспешил было на помощь ветерану, но тот твердо сказал:

— Спасибо, не надо, до Ленина сам дойду!..

Медленно подошел к гробу Ленина и остановился у кадки с пальмой, у самого гроба. Неторопливо, закованенными пальцами человек на костылях отвинтил все три ордена и протянул их командиру из почетного караула.

— Это Ленину! — сказал он.

И повернувшись, пошел к выходу из зала. Эпизод этот описан газетой «Правда» в очерке А. Зорича «У гроба» 27 января 1924 года.

Кто был тот человек на костылях?

Неизвестно... Но сам по себе этот эпизод ярко передает народную любовь к Ленину.

ДЕТСКИЕ ЯСЛИ 1915 ГОДА

**Дмитрий ТРИФОНОВ,
краевед**

Шла империалистическая война с Германией. Оставались без кормильцев жены с маленькими детьми. В поселке Верхняя Салда Екатеринбургского уезда возникла мысль помочь семьям солдат. Под началом волостного старшины П. И. Трифонова, псаломщика А. И. Федорова и при участии общественности были организованы детские ясли для детей салдинцев, погибших или участвовавших в боях.

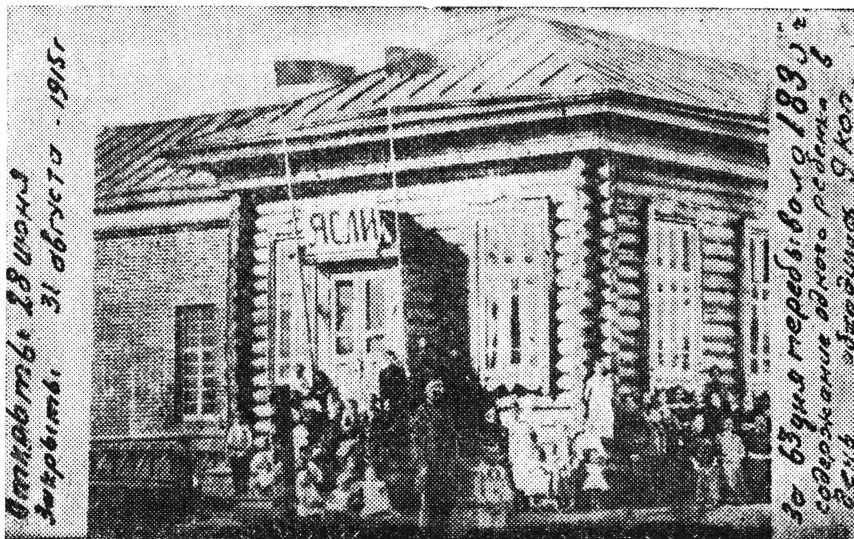
Часть средств выделило волостное правление, был проведен сбор пожертвований. Белье для яслей приготовили учителя, белошейки, местная интеллигенция. Драмкружок Софьи Германовны Грум-Гржимайло (см. «Уральский следопыт» № 8, 1988 г.) ставил платные спектакли, а вырученные деньги отдавал яслям. Они разместились в здании ремесленного училища (на время летних каникул), построенном в 1913 году в честь трехсотлетия царствования Дома Романовых (в наше время здание было снесено под новую застройку).

Существовали детские ясли недолго: открыты 28 июня, закрыты 31 августа 1915 года. Содержание одного ребенка в день обходилось в 9 копеек. Принимались дети не только ясельного, но и более старшего возраста.

Как-то прочитал в областной газете, что до Великого Октября в нашем крае не было ни детсадов, ни яслей. А! нет! Захолустный заводской поселок Верхняя Салда с населением в семь тысяч человек опроверг это утверждение.

г. Верхняя Салда.

На снимке: детясли 1915 года.

ФИГНЕРЫ ИЗ НИЖНЕ-ОЗЕРНОЙ

Валентин ШУМОВ,
краевед

«Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам». Позже пугачевцы захватили и крепость Нижне-Озерную, и майора Харлова. «Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова».

Известно, что в «Истории Пугачева» все события излагаются с полной достоверностью. Был майор Харлов, были прапорщики Кабалеров и Фигнер. Фамилию последнего носили вошедшие в историю нашей Родины герои Отечественной войны 1812 года и видная участница революционного движения.

Что касается командира партизан капитана Фигнера, то, скорее всего, это был дальний родственник погибшего от руки пугачевцев прапорщика. А вот народница Вера Фигнер, как теперь установлено, являлась правнучкой защитника Нижне-Озерной крепости.

В семейном архиве Фигнеров сохранилась доверенность вдовы погибшего прапорщика Екатерины Корнильевны, выданная ею в 1794 году своему сыну, вахмистру Оренбургского драгунского полка Александру Фигнеру.

У него был сын Николай. В 1850 году 35-летний губернский секретарь Николай Александрович Фигнер вступил в законный брак с 18-летней дочерью местного землевладельца Екатериной Куприяновой. Позже Николай Александрович служил в Казанской губернии лесничим.

В его семье росли шестеро детей: два сына, четыре дочери. Все они оказались людьми незаурядными. Николай Фигнер стал известным оперным певцом, чьим дарованием восхищались Верди, Чайковский, Шаляпин. Младший — Петр — служил инженером на уральских заводах.

Три сестры активно участвовали в революционном движении. Лидию судили в 1877 году по «процессу 50-ти», Евгению — в 1880 году по другому процессу и обеих сослали в Сибирь. Самая младшая — Ольга — вышла замуж за врача С. Н. Флорского и последовала за ним в административную ссылку.

Наибольшую известность получила старшая дочь скромного лесничего — Вера. Еще в ранней юности она решила стать врачом, поселиться в деревне, лечить крестьян. Но двери высших учебных заведений в России были закрыты для женщин.

Вера Фигнер уехала в Швейцарию, стала студенткой Цюрихского университета. Здесь вошла в кружок русских политических эмигрантов. Это произошло в 1873 году — ровно через сто лет после гибели своего предка от руки крестьянских революционеров.

Вернувшись на родину, Вера Фигнер стала активным членом Исполнительного комитета партии «Народная воля». В сентябре 1884 года ее судили, приговорили к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

22 года провела революционерка в одиночном заключении сначала в Петропавловской, затем в Шлиссельбургской крепостях. И после выхода из тюрьмы деятельно участвовала в общественной жизни, написала книгу воспоминаний «Запечатленный труд».

Умерла эта героическая женщина в возрасте 90 лет 15 июня 1942 года в Москве.

ЦИРК ТРУЦЦИ

Валерий ЗЫРЯНОВ,
краевед

Как-то в одной из книг, оставшихся от отца, я обнаружил образчик рекламы конца XIX века — книжную закладку в виде лоскута ткани. На атласной лицевой стороне сохранился текст, отпечатанный типографским способом:

«Итальянский цирк М. Труцци.

Приглашение.

**В четверг, 8-ого марта 1884 года
на последний бенефис
русского клоуна**

Адольфа Балакирева.

Милостивые государыни и государи! Поощряемый постоянно благосклонным расположением Вашим, я позволю себе перед наступающим днем бенефиса моего обратиться к Вам с просьбой о том, чтобы, направивши в этот вечер путь Ваш к Итальянскому цирку, Вы наполнили его любезным присутствием Вашим и этим глубоко порадовали артиста-бенефицианта, который так искренне старается заслужить Ваше бесценное внимание. В полной надежде, что Вы не отвергнете настоящего чистосердечного приглашения моего

Ваш преданный и покорнейший слуга
Адольф Балакирев».

Захотелось узнать, где, в каком уголке России, на позор или успех обрелась тогда любезная публика последнее выступление бенефицианта. Знаток и ценитель цирка А. Куприн почти по этому поводу писал в рассказе «Дочь великого Барнаула»:

«Русские города всегда были загадками и сюрпризами для цирковых администраторов, которым никогда не удавалось предугадать доходы и расходы предстоящего сезона. Но особенно капризен был в этом смысле богатейший город Рыбинск или Рыбное, как его просто зовут на Поволжье. Случалось, что там самый захудалый ярмарочный цирк с дырявым «шапито», с костлявыми одами под видом лошадей, с артистами-оборванцами и безголовыми клоунами имел сказочный, бешеный успех и рядовые полные сборы.

А когда на следующий год, привлеченная молвой, приезжала в Рыбное образцовая труппа с европейскими именами, с прекрасной конюшней, с блестящим реквизитом, то, не выдержав и месяца, она вынуждена была бежать из города — прогоревшая, разорившаяся, прожившая все прежние сбережения...»

Из не слишком многочисленных источников я узнал, что в ту пору короли манежа веселили публику в бродячих полотняных шапито, каменных и деревянных стадио-

нарах Москвы и Одессы, Петербурга и Киева, Пензы и Астрахани. В Москве владели цирками К. Гинне и А. Саломонский, в Петербурге — Г. Чинизелли, в Пензе и Саратове — братья Никитины, в Одессе — Ж. Годфруа и М. Витторио. Были еще цирки Джеретти, «папаши» Сура, «директора со счастливой рукой» Момино, братьев Феррони...

Но меня интересовал только цирк М. Труцци, как значилось на афишке. Такой инициал носили двое Труцци — Максимилиано и Максимилиан. Максимилиан Труцци не мог владеть цирком в 1884 году, так как в ту пору еще не родился. Значит, речь идет о самом основателе цирковой династии — Максимилиано Труцци. Он приехал в Россию из Италии по приглашению А. Саломонского, немало поколесил со своей труппой по городам и весям России. В 1882 году построил деревянный цирк в Воронеже. Примерно через год состоялось его первое цирковое представление в Казани — в здании временного типа.

На нашей афише название города не указано. Однако, присмотревшись повнимательнее к старому клочку материи, я обнаружил в самом низу лоскутка «выходные данные»: «Печ. доз. Полицийм. Барон Таубе. Типограф. «Екат. Недели». Попробуй узнай, где это в последний раз в традиционном просторном балахоне Пьеро, в войлочном колпаке выходил на манеж на потеху публике Адольф Балакирев и чертил длинными носами своих башмаков тырс — смесь песка и опилок?.. Может быть, речь идет о Екатеринославе (ныне г. Днепропетровск)? Там в старину существовал цирк Труцци, но построил его после 1899 года один из сыновей основателя династии — Рудольфо.

Но что гадать: словарь Брокгауза и Ефрона сообщает следующее: «Екатеринбургская неделя» — газета политическая и литературная, выходит в Екатеринбурге еженедельно с 1879 года. Издатель-редактор А. М. Симанов, редактор П. Н. Галин».

Значит, вслед за Казанью Максимилиано Труцци построил цирк в Екатеринбурге. И произошло это в 1883—1884 годах. Отныне здесь по вечерам аплодировали гуттаперчевым артистам, силачам, восхищались лихими наездниками, смеялись над проделками клоунов. Блистал при исполнении комических и героических ролей сам Максимилиано Труцци, и лучшей из них, как вспоминают очевидцы, была роль Тараса Бульбы в одноименной пантомиме...

Пока ничего не удалось выяснить о русском клоуне Адольфе Балакиреве, чей прощальный бенефис состоялся 8 марта 1884 года. Возможно, это чье-то вымышленное имя. Но бесспорно, что человек, носивший его, был незаурядным артистом. Максимилиано Труцци обладал профессиональным чутьем на таких людей. Именно в его цирке раскрылся яркий талант таких клоунов, как А. Л. Дуров, Эйжен (Пилатт), С. Альперов.

г. Ноябрьск

Рис. Сергея Малышева

**Светлана
МАРЧЕНКО**

Все весной тяготеет к полету —
Теплый воздух и тонкие стебли,
Восходящие струи колеблют
Белый сумрак и синюю воду.
Тетивой напрягая мгновенья,
Тянет нас в поднебесье крутое
Неизбывная жажда стремленья,
И заплечья болят высотой...

Утро сегодня — подарок судьбы...
Пену туманную солнце молотит,
И в ожиданьи шмелиной гульбы
Сад напряжен лепестковой плотью.
Воздух качает в окне кисею —
Парусом в комнату штора вливает...
Страшно подумать: в минуту сию
Кто-то глаза навсегда закрывает.

НА ДАЧЕ К УТРУ

Мрак предзорный начинен
Необычным свойством света:
Как выказывает он
Суть обличий и предметов!
Плед в качалке прикорнул,
Как озябшая монашка.
Под ведром прогнулся стул
Будто мул под ношей тяжкой.
В раме низкого окна —
Ржавый бак под водостоком.
И такая тишина,
Будто мир живой — далеко...
Странно мне, что так глубок
Сон твой в час глухой и мутный,
И далекой, древней лютней
В сердце тенькнул холодок...
Тонко скрипнуло крыльцо,
Дым с реки плывет межю...
Я смотрю в твое лицо
Неожиданно чужое.

Тугую осязаемую нить
Через судьбу
Протягивает вечность:
А на концах —
душа и бесконечность,
И их уже нельзя разъединить.
Но остальное —
все, что нам дано —
Так тленно и легко разъединимо,
Что брэнному уму непостижимо:
Как дух
и плоть
Сливаются в одно?..

Татьяна ЧЕКАСИНА

Святочный рассказ

Рис. Николая Мооса

Нет, мать не оставила ее в роддоме, не отказалась от доченьки, а принесла ее во мрак жизни своей и начала воспитывать:

— Я из тебя человека-то сделаю!

Ребенок лежал на столе, ничего не понимал.

— Ты у меня будешь хват из хватов, за мамку всем бошки поотрываеть и в помойку их побросашь!

Ребенок заревел.

— Я те повенгаю! Не ОРИ!!!

Ребенок испугался и умолк согласно.

Дни стояли морозные, в окно дуло, молодая мама, чтоб капельку тепла добыть, раскопегарила печку да не заметила, как один уголек выпал.

Соседка Евгения Пантелеймоновна, очевидица, повествовала:

— Вижу: дым. Из-за фанеры так и прет. Шла я с дровами, положила полешки да в подвал. Хорошо — не на затворе. Сама в одурении, а ребеночек, крошечная, кричит во всю головушку, посинела аж.

Промелькнул месяц.

Надоела медсестра, «гадина чистенькая». «Как же так можно, мамаша!». «А вот так! Пошла отсель! Как хочу, так и воспитую!»

В красоте и чистоте Дома культуры играли в прятки. У шторы тяжелой (от пола до потолка) ненароком очутились вместе, притаились две девочки. Одна высокая, пухлая, близорукая:

— Сейчас найдут!

— Прямо! — возразила худенькая мальчишеским силным тенорком. — Айда за мной! Я каждый зауголок знаю тут. Я не только на «елках», я тут каждый день ношусь. Обыщутся, не найдут. Мы на верхо-туру проберемся.

— По лестнице? А там... там не очень страшно?

Слуховое окно было прикрыто решеткой, смотрели через квадраты в ней.

— Гли-ко, город виден: вон де почтамыт, а вона плотинка, памятник дедушки Ленина!

— Очень интересно! Это как в «Тимуре и его команде»? У них тоже был чердак, помнишь?

— Не-ка.

— Не читала?

— Пока нет.

Когда спустились вниз, пухлая девочка, поражен-ная бывалостью новой подруги, сказала:

— Давай обменяемся телефонами...

— Как это?

— Ты мне — свой, а я тебе — свой.

— У нас... нету-ка.

— Нет телефона?

— Нам вскорости приладят, и тогда звони, сколь влезет.

— Но мой ты запишешь?

— Я памятлива.

Девочку потеряли. Она выскочила из укрытия, напугав свою бабушку, сестру, уже взрослую, тоже в очках, и подружек с красивыми бантиками. Они ее журили, сами от радости чуть не плакали:

— Где мы только тебя не искали, даже под елкой!

— У меня насморк, прости... — обнимала их девочка, отворачивая лицо.

А ее новая знакомая, остроглазенькая, отказавшись выходить, стояла за шторой и глядела на них с интересом и какой-то неясной пока надеждой. Она твердила цифры, порядок которых запоминала навек, так как это был самый первый номер телефона в ее жизни.

«Человек должен любить свое детство», — напеча-тано в газете, которая лежит под хлебом.

Мама и дядя Валя (жена его опять турнула) спят. Допоздна сидели. На столе бутылка, на дне ее — темная жидкость. Один таракан ест крошки, другой, надо же, налился из капли на столе, он тащится по клеенке, давая кругалю...

В запечке — кровать, отданная соседями десять лет назад, ноги не входят, девочка спит согнувшись. Через щель между подоконником и фанерой, кото-рая вместо стекла, проникает холод. Темновато. Днем и то горит лампочка под низким потолком. Уголь валяется на полу, оконные задергушки побу-рели.

Кроме хлеба сырого серого, еды нет. Придется голодом.

Телефон! «Пятьдесят один...» Вот он! Перед сном записала на выколупанной из-под грязной штука-турки беленькой дранке.

На улице — вот где славно!

Напротив катушка. Катись хоть к самому «Кос-мосу». Как выстроят его, снесут их дом. А пока бе-тонные стены торчат, уходя в поднебесье, возят к ним блоки, кирпичи и радиаторы парового отопления.

Скорее на досточку и вперед мимо белой убор-

ной, мимо сараев (у одного — козлы, и двое дядек пилят широкой пилой с ручками; туда-сюда, дзы-дзе, дзы-дзе). Промчалась, запах свежих опилок уколос лицо. Тот, кто прется встречь с дровами, про-пускает летящего. Коленки уткнулись в сугроб — приехали! Забор. Лаз.

Вот и простор улицы, трамвай пробренчал, такси промахнуло, грузовик огромный чуть не смял...

В кармане позвенькивают десятчик и двушка, дядя Валя дал, все чего-нибудь принесет: то яблоко, то мандарин, он добрый, хотя и не умеет растить детей.

— ...Хочешь быть моей доченькой? Мои дылды не признают отца. Так и говорят: «Пошел ты на пень, дурак!» Невежливые.

— Заткнись! Первей своих воспитуй, сколь вле-зет! А мою не трожь. Чтоб никакой боясти в ней не было!

— Я тебя, Анька, уважаю, мы ж с тобой друзья. Я всегда буду уважать тебя, Анька. Ты живешь как: сама, все сама. За это уважаю.

...Как страшно, оказывается, звонить! Тыкаешь в цифры, тянешь пальцем колечко, рука дрожит. Трубки делают изо льда...

— Да, слышу. Хорошо. Не кричи, у меня слух в порядке, даже отличный. В музыкалке Ирина Ве-ниаминовна мне вчера такое задала! Я говорю, хоть бы в каникулы пожалели, но она заявила, мол, че-ловек с такими данными просто обязан заниматься сутками, неделями, месяцами, а я посмотрела в кла-вир, ужас! Одни дизы, бемоли... Я с ума сойду, пока все это сыграю...

Как непонятно и волнующе то, что неторопливо и не волнуясь, а лениво и будто все время сквозь улыбку, произносит в трубку голос.

— Хочешь придти ко мне? У меня домашняя елка.

— А как? Я же не знаю ни дома, ничего! — серд-це разорвет отчаяние.

— Я объясню. Ты где находишься?

— В автомате.

— На какой улице?

— Переулок Красный.

— Где такой?

Досадка осеняет, пронзает:

— Знаешь, где строится «Космос»?

— Конечно. А ты что, там живешь?

— У самого!

— Здорово! Мы же с тобой рядом, почему я тебя во дворе не видела?

Рука, что держит трубку, скоро отвалится (ва-режки потеряны).

— Я живу в желтом доме...

— Там же царя расстреляли...

— Нет, царя расстреляли в другом, он рядом, он тоже желтый, как наш.

— Красивый дом, окна у вас там старинные.

— Это с улицы! Каждый год красят, а со двора ни разика. — Ноги окоченели. Они в пимах, но пимам — рознь. Если новые, ходи — не хочу, а если в каждой подошве по форточке?

— А я живу в «Диете».

Ну, это понятно! Там проспект. Дома большущие, слитные: между ними только дырки, над которыми застекленные какие-то коридорчики. Один дом пре-вращается в другой, в каждом по магазину, а то и по два. Надо бежать скорей, отогревая руки и ноги, вызубривая адрес.

Вот и «Диета». Но как же входить, всюду двери магазинные, а нормальных нет!

— Тетенька! Мне надо в подъезд!

— Под арку, разумеется...

Ага, дырка-арка! Вперед!

Каждое утро дедушка, почетный железнодорожник и персональный пенсионер, спускается в «Диету». Встает в коротенькую очередь за кефиром, молоком и сметаной. Полную сумку он несет домой, входит в большой, с зеркалом на стенке лифт, едет к себе на третий этаж.

— Здравсьте!

— Здравствуй, девочка! — ответил дедушка тонким голосом. — А ты к кому такая?

— Я в квартиру номер шесть.

— К нам?!

Лифт останавливается, и они выходят на площадку: дедушка, удивленный и необрадованный, и девочка в задубевшем на холоде болоньевом плаще с разными пуговицами; там, где их нет, видна «лыжная» байковая куртка, взятая у матери (вкрадче) из-под матраца. (Интернатское пальто, новехонькое, загнала мамка за червонец, а то дворничиха чуть дверь не оборвала: «За комнату не плачено! Свет вырубим!» Гадина). Мама и не слышала, как она куртку из-под нее тянула, они с дядей Валей на работу не пошли, будто у них тоже зимние каникулы.

Пока дедушка неторопливо отпирает высокую, обитую бордовой кожей дверь, девочка притопывает ногами.

— Холодно? — поглядел он с опаской.

— Малость заколела, — на всякий случай она рассмеялась, но вышло громко, ее грубоватый смех

прокатился гулкой широкой лестницей, ударяясь о гранит ступенек, будто слепленных из каменных зернышек.

— Герой! — дедушка открыл дверь. — Ну входи, коли так. — А что «коли так», не пояснил. — К тебе, Катенька, тут...

— Изабелла пришла! Ой, ты чего это так вырядилась? Бабушка, это такая смелая девочка, и ее Изабеллой зовут! Представляешь, у нее имя, как у винограда! Когда мы в Сухуми отдыхаем летом, там столько этого винограда, у него немного парфюмерный запах!

— Девочка, Изабелла, а ты чья?

Ну и бабушка! Как в интернате врачиха! Того гляди, пырнет иглой! Прививка, мол. На пень нужны эти уколы! В прошлый раз подходит, ехидница: «Пошли со мной в кабинет...» Нет уж, лучше сбегу! Кое-как отвертелась.

— Я вам все распроясню! Меня назвала так наша соседка сверху Евгения Пантелеймоновна. Маникюршей она. Деньги ей под салфеточку кладут: когда тройку, когда пятерку (умеют люди за «так» хапать, это тебе не уборщицей вкалывать, а как получать, так — фига). Когда был пожар и дым у нас с мамкой, она взяла меня и пошла давать имя. Она, Пантелеймоновна, любит все красивое, в комнате кругом пузырьки. Я у нее ногти себе красила, когда была еще маленькой, ну и рожу заодно всю разрисовала! Ха-ха-ха! Я и маленькой была смелая, хват хватом...

— Господи, а мать, кто мать этой девочки! — воскликнула, как бы теряя сознание, бабушка.

Дедушка стоял возле двери, точно боялся упасть, крепко стиснув медное кольцо тяжелой ручки. (Золотая! Вот бы поиграть!). Но был он вроде и наго-

тове бежать за людьми, за помощью. Наверное, кроме старичков и внучки об эту пору в квартире никого не оказалось.

— Мамка моя, говорите, где? Они уже тю-тю с дядей Валей! Поди, у рынка...

Ужас на лице бабушки сделался подвижным: подкинулись брови к гладко причесанным волосам, затрепетали.

А Катя навалилась на стену и (рохля она известная, одиннадцать лет, а ума нет,— говорит старшая сестра Марина) начала понимать, что допустила непоправимую оплошность. Опростоволосилась она, вот что.

— Погодите! Бабуля, дедуся! Мы с ней... (У Кати уж и радости в голосе нет, и восхищения именем — ноль, да она уж и не произносит это, казавшееся только что восхитительным имя). Мы с НЕИ познакомились ТАМ! — словно об единственном козыре вспомнила.

— Где это ТАМ? — вонзается вопросом бабушка. — Где ты ходишь, господи, неужели на катке?! Нет, я и отцу, и матери скажу, пусть они сами разберутся сегодня же и с катком, и с этикетками.

— Ну, бабушка! Чем плохо собирать этикетки?

— Ты же календарики собирала, — укорил дедушка. — А спички — дело серьезное, вдруг пожар. В тридцать четвертом году по вине такой девочки весь наш барак на Магнитке даже и не шаял, а сразу — пыхнул, и нет его!

— Дела давно минувших дней, — окоротила бабушка эти неуместные воспоминания о бараках.

— Мы познакомились в ДРК!

— На «елке»?

— Да.

— В Доме работников культуры?

— Да.

Бабушка ошеломленно посмотрела на Изабеллу:

— А ты что, девочка, у тебя родители — работники культуры?

— ...про рынок, — напомнил дедушка.

— Что же они делают на рынке? — спросила недовольная подсказкой бабушка. — Ты, кажется, сказала, что твои родители пошли на рынок. Они, часом, не спекулируют, не спекулянты какие-нибудь?

— Нет! Что вы! Они ночью пойдут на стройку... Знаете, где «Космос»... Ну вот. Наберут известки, в мешок покладут, а утречком — на рынок, тама у ворот известку всем продают, три рэ — кучка, покупай да бели, сколь влезет... А потом купят бутылку...

— Они работают где-нибудь?

— Мамка в ДРК. А дядя Валя — маляр, но редко ходит на работу, он то болеет, то пьяный.

— А мама твоя тоже пьет?

— Ну дак! Жить-то надо, вот и поддает.

— Какой кошмар!

— Бабуля, дедуся, она мне там ничего такого не говорила про своих родителей! Честное пионерское! И одета она была... нормально, по-моему, в школьной форме.

— Пойдем-ка, виученька, я тебе кое-что скажу.

Бабушка и Катя выходят за стеклянную туманную дверь, но слышно прекрасно:

— Ты не чувствуешь, как от нее пахнет? Не странным...

— Вчера — нет, у меня же был насморк сильный, бабушка! А сегодня... да, кажется.

— Девочка, ты беги домой! Ну, скорей! — Дедушка отворил двери, с площадки потянуло холодом.

Изабелле стало страшно. Ей показалось, что ее сейчас выбросят из жизни, которую она, явившись непрошено, полюбила, непонятно за что.

Дедушка, такой худенький, подал ей плащ. Она вышла, ну и, дверь захлопнулась. Она надела плащ. И запрыгала по лестнице, на которой не видно ни соринки, ни пылинки, угля и тараканов, крошек и окурков тоже нет. «Как в интернате», — подумала Изабелла с ненавистью.

Бабушка, бежавшая в наспех накинутой шубе и кружевной платке, нагнала ее, глядящую в витрины магазинов, где выстроились молочные бутылки, набитые солью.

— Девочка! Изабелла! — окликнула бабушка. Протянула: — Возьми.

— Ой, мне?

— Тебе, тебе...

— Ой!

Изабелла побежала к себе, предчувствуя радость оттянувшего руку подарка. Юркнула за парадное, спустилась во двор черной каменной скособоченной лестницей вниз да вниз...

— Привет!

Дядя Валя с мамой сидят за столом, поют:

— «Ох, мороз, мороз, не морозь меня...»

Изабелла вытряхнула из сетки узел, развернула на своей кровати. Что там было! Вот это да! Школьное платье, совсем почти новое, шапка-ушанка цигейковая, и еще полно добрых вещей! А среди них, завернутый в полотенце, хрусткое новенькое — каравай с изюмом.

Мать поглядела:

— Давай сюда хлеб! Ишь, прям озолотилась где-то! Я ж говорила, будешь у меня пройдошной да пронырливой.

— На-ка, доченька, выпей с нами винца! — пригласил дядя Валя. — За обновочки-то и выпей за свои. Поди, не ворованные?

— Ты чё, сдурел? Чтоб моя девка да с ворьем ватажилась? Пантелеймоновна, большеотая лахудра, поди, и отдала. Она все нам чё-нибудь сбавит, вона, гли-ко, кастрюлю притаранила, целая, а что ручек нет, дак...

Темно было. А катко!.. До самой помойки — сплошной лед, стрелой вез!

Изабелла каталась вслепую.

В темноте полнехонькой, спотыкаясь, нашаривала врезавшуюся в сугроб дощечку и смеялась, хохотала прямо до упаду...

Снова и снова в пьяной радости взбиралась она по склону на самый взъём катушки и едва успевала сесть.

Никого не было вокруг: ни детей, ни взрослых, все уж спали давно, а она летала.

Ей хотелось на дощечке своей переметнуться через все сугробы, через заборы, домчаться до «Космоса», пронестись и над ним, и чтоб все заметили, как ей весело, и ничего, что наутро будет болеть голова, главное — скорее на дощечку, снова и опять, сколь влезет! Хват хватом...

РАСТЕТ В НАШЕМ КРАЕ...

Александр СЕМЕНИН

Рис. Сергея Малышева

ЗИПУН С КРАСНЫМ ГАРУСОМ

Закончилась экскурсия учителей-химиков в оранжерею ботанического сада, они благодарят меня и прощаются...

Спрашиваю: «А кто отгадает загадку: под ярусом висит зипун с красным гарусом?»

В ответ — улыбки, недоумение. Виноваты, видимо, таинственные зипун и гарус.

Немалое оживление овладевает экскурсантами, когда выясняется, что зипуном оказалась всем известная рябина. Но известная ли? Сомневаюсь — а потому продолжаю свой «экзамен»:

— А расскажите мне, пожалуйста, что вы знаете о рябине?

— Как — всё рассказать? — удивляются химики.

— Да, всё, что припомните.

— Но ведь многое можно...

— Пожалуйста...

— Это такое дерево... которое растет на Урале... С красными плодами, — начинает, немного запинаясь, молодая учительница.

— А как схватит их мороз, ягоды — почти сладкие, — выходит ей на помощь чья-то подсказка.

— Рябину в деревне любят сажать, как сирень и черемуху, перед домами, — уверенно утверждает другой педагог.

После краткого обсуждения кто-то пытается создать непринужденную атмосферу:

— Ой, ряби...ина...а кудря...ава...ая, белые...е цветы...

И, наконец, уже после некоторой паузы:

— Моя мама, помню, всегда говорила, что рябина — отличное средство от головной боли и угара, — пожилая добродушная учительница вспоминает одну из картинок своего детства.

Затем — долгое молчание. Прекращаю «экзамен», благодарю экскурсантов.

Спустя неделю вопрос повторяю — теперь уже школьникам. Снова прошу рассказать о рябине и — удивительно! — получаю почти те же ответы.

Не будем придирчивыми: учителя химии ботанику не выбрали своей специальностью. Но не осудим и десятиклассников — и так задают много, а вокруг столько интересного! Уж до рябины ли тут! Добавлю: и не до сосен, не до берез, не до иных деревьев и трав.

Что делать! Проходит в суете и заботах жизнь, и лишь в редкие счастливые ее мгновения печалит нас догорающий летний вечер (другие вечера заняты!), волнуют и зовут куда-то ароматные безымянные травы (узнать бы хоть их названия!), и не досаду, а озорной восторг вызывают разлившиеся дождевые лужи. А впрочем, последнее, кажется, из другой «оперы».

Но как бы там ни было, чтобы испытывать радость общения с природой, уже надо прикладывать усилия. Она все дальше удаляется от нас — немудрено не знать потребности в том, что лишь едва касается твоей жизни!

Вот и рябина — «дерево с красными плодами» (а нет более «уральского» растения) вспоминалась лишь как «средство от угара» и по мотиву часто исполняемой песни. Но верна истина: о чем скудно знание — к тому и отношение поверхностное. Так и проходит, неузнанная и неопцененная, прекраснейшая сторона жизни.

Но мы отвлеклись. Обидно все-таки за рябину. Ведь для жителя Урала она давно стала символом родного края. Везде — в лесу, на улице, в садах — встретите вы это растение. «Уральская рябинушка» — как нежно и естественно это сочетание! Особое место уступаем мы рябине. За что? Не за съедобные после морозов плоды (хотя и все равно горькие!), не за иную практическую благодать, — за поэтический ореол, за нежность...

А что касается плодов, то все-таки есть рябина, у которой они не горькие. Правда, рябина эта особая...

Давно это было. Однажды охотники села Неवेжино вернулись домой со странной добычей. Не зайца, не лесную дичь принесли они, а ядташи, заполненные... рябиной. Руками развели домочадцы. Но когда попробовали знакомую им ягоду, то удивились еще больше: не горькой и вяжущей, а ароматной, почти сладкой показалась она им!

Охотники обнаружили необычную рябину в заречном сосняке, неожиданно встретив там медвежью семью. С аппетитом поедали звери оранжевые гроздья. «С чего бы это? — подумали охотники, когда, напуганные голоса ми, медведи спешно ретировались. — Ведь обожает косолапый сладкое, а этой — оскомину набьешь!» Не поленились — тоже попробовали. И...

Так ли было дело, но старожилы Владимировщины убеждены: именно сладкоежки-медведи указали человеку на особую разновидность рябины, которую в честь первооткрывателей, по названию села, и стали называть «Невежинская».

Прошли годы. Ученые и народные селекционеры создали рябину крупноплодную, сладкую. А знаменитый Мичурин не только подарил миру превосходные сорта груш и яблок, но не почел зазорным повозиться и с горькой рябиной. Отбирал лучшие формы, скрещивал, прививал. И вот явились садоводам удивительно крупноплодная рябина «Гранатная», необычайно сладкая «Десертная». А помогла в этом деле ученому все та же рябина «Невежинская».

Садоводы создали много сортов и гибридов. Красота вершила их труд. И все-таки как плодовая культура известна рябина немногим (так и думать о ней еще не привыкли). Да и не в этом ее главная ценность: детища некоторых селекционеров являются подлинными произведениями искусства. Например, рябина плакучая. Когда смотришь на такое дерево, посаженное где-нибудь на пригорке, то проникаешься радостным чувством. Приглядитесь к рябинам. Какие они разные! В парке это настоящие деревья — высокие, стройные, с раскидистой ажурной кроной. Здесь, окруженным заботой, им и понежиться, и пожировать можно. И живет такая рябина не век, а целых два, и урожай дает небывалые (до 100 кг с дерева!). Иное дело — в лесу. Там рябина — бедная родственница. Прозябает в тени высоких деревьев. Вот и встречаем в лесах чахлые рябиновые кустики — и на родной земле бывает несладко! Лишь корневая поросль да раннее плодоношение и спасают рябину от гибели в собственном доме.

Но почему так редка она на горах, гарях и вообще на светлых местах? Там рябина вполне «показала» бы себя. Но не все так просто. И разгадку находим неожиданно не в «нраве» растения, а в птицах, лакомящихся горькой ягодой. Особенно обожает ее дрозд-рябинник. Да вот незадача: не любит он веселых полянок и лесных просек — предпочитает проводить послеобеденное время в укромных уголках. Оттого-то и всходы появляются именно там, — обреченные на жалкое существование и борьбу за каждый лучик света.

Обширен рябиновый род — более 80 видов. И почти половину встретим мы в нашей стране. Живут рябины в Китае, в Средиземноморье, в Северной Америке. Разные это растения. И 30-метровые колоссы, и низкорослые кустарники. И плоды у них непохожи: величиной с небольшое яблоко и крохотные, как бусинки, оранжевые и желтые, красные и черные. Правда, говоря о растениях с черными плодами, часто допускают ошибку — называют черноплодной рябиной разводимую в садах аронию. Но бывают и настоящие черноплодные рябины...

Горька ягода рябинка. Много не съешь. Но пользу приносит немалую. И варенье, и кисель, и даже квас получают из нее замечательными. Не забыта рябина врачами и народной медициной. В лечении гипертонии и атеросклероза, при ревматизме и заболеваниях легких пособляет лесная ягода. Что же касается витаминов, то красные «гарусы» рябины — неисчерпаемые их кладези.

А уж о роли уральской рябиночки для лесных жителей и говорить нечего. И заяц, и лось непрочь пощипать кору и молодые ветки растения. Не отстал от них, как видели мы, и хозяин тайги. И пернатый мир к ней благоволит: где красна ягода, там и птичий гомон — волнуются, щебечут, боятся, что не достанется!..

В лесу ли, в городе, в саду — везде рябина желанна, везде будет к стати. Любят сажать рябину в деревьях

перед домами. Как уместна там ее кружевная воздушная красота, как весело смотрится она рядом с резными-расписными наличниками окон и как хорошо вписывается в наш русский пейзаж!

ВЕСТНИЦА ЛЕТА

Когда первые ливни обрушатся на землю, тогда зацветает жимолость. И для меня лето начинается именно с этого времени. Уж отошла зыбкая красота черемух, заколосились хлеба, а верный вестник перволетья — лесной шиповник развесил среди колочек свои простенькие розочки. Гreet июньское солнышко!

Но чего же не хватает для ощущения настоящего лета?

Это вы поймете, когда проснетесь однажды после первого июньского ливня. Еще и на улице не выходили — вы только встали, но чувствуете: свершилась перемена! Это расцветшая жимолость теплым и влажным дыханием наполнила комнату.

Выходите вы на знакомую улицу, чему-то волнуясь, с душой открытой и открыленной. Мягкое оранжевое солнце подмигивает вам бисеринками ночного дождя. Дурманящим запахом зовут к себе сирени, расправился, налился изумрудом садовый жасмин. Но не они растрогали вас сегодня — неприметная жимолость удивила своим превращением.

Ее аромат кажется вездесущим. И хотя не соперник он изысканному благоуханию сирени, но ведь на нем же настоян этот вольный утренний воздух, — это он растворился в аромате всевозможных деревьев и трав, соединил их «громкоголосую какофонию» в музыку начинающего лета!

Забываешь на миг о заботах и подходишь к виновнице нечаянной радости. Легкая крона, беловатые длинные ветки и тонкие листочки, на которых, как шарики ртуты, перекатываются дождевые капельки. То белые, то розовые цветки похожи на кисти рук. Приближаешься к ним и неожиданно обнаруживаешь, что аромат их не становится сильнее. Да это и не удивительно, ведь разлит он повсюду и уже напоил вас волшебной легкой силой.

А властью эти цветки обладают: и бабочки, и пчелы непрочь отведают сладкого нектара. И если устраивают пасеку среди жимолостников, то и мед собирают замечательный: целительный, ароматный и прозрачный, как янтарная слеза! Как метко назвали жимолость англичане: «вскармливающая медом». Немного сыщешь на земле кустарников и трав, цветки которых так же хорошо ублажали бы пчел.

И если заговорили мы о всевозможных названиях жимолости, то приведем еще одно, немецкое — «козий лист». Уж не за верную ли к ней гастрономическую любовь наших четвероногих знакомых названа так медовая кормилица? Впрочем, у немцев есть и другое название растения — «вишня для живой изгороди». Плоды жимолости, конечно, можно принять за крохотную вишню. Что же касается изгороди, то и ее загадка раскрывается просто, ведь издавна это растение выращивают как декоративное, и особенно хороши из него аллеи — живые изгороди, разделяющие парки на уютные уголки отдыха. Приходите отдохнуть сюда в начале лета — уверен, что надышавшись «всюдного» жимолостного духа, вы проникнетесь очарованием этой благословенной поры!

И уже потом, когда лето отмахает добрую половину своего скоротечного пути, появятся красные «клюковки» — плоды жимолости. Кажется, именно с них начинается наше знакомство с ядовитыми растениями. Кого в детстве не отговаривали от соблазна полакомиться этими аппетитными плодами? «Не ешь! Волчья ягода!» — говорили нам. А кто не верил, тот убеждался на собственном опыте: вкусив запретный плод, чувствуешь сначала приятную сладость, которая в тот же миг сменяется жгучей горечью. Истинно «волчья ягода» — ядовитые и коварные! И даже у садовой нашей жимолости с вполне съедобными плодами чувствуется во вкусе эта горчинка. Она и придает им тот

пикантный привкус, который особенно ценишь в ситуациях несколько неожиданных...

Перед глазами отчетливо встает картина давнего лета. Август. В полуденном знойном небе застыли лебединые облака. Время, кажется, остановилось, и лишь басовитое гудение пчелы нарушает эту вселенскую дрему.

Чуть разморенные после долгого похода, сидим мы в тени раскидистой бронзовой сосны. Мы — это пятеро веселых мальчишек, закончивших 7-й класс и наслаждающихся бесконечным летом.

Легкий ветерок доносит до нас смолистый дым костра и такой аппетитный аромат мясного супа. Мы — в волнуем предвкушении царского обеда. На разостланной парусине уже рдеют, дразня нас, подбоченившиеся помидоры, искрятся обильным соком разрезанные огурцы, а неопределимый восхитительный аромат ржаного хлеба просто лишает способности думать о чем-либо другом. Остается достать соли, посолить суп и начать трапезу. Но...

И сегодня мы не можем сдерживать доброй улыбки, вспоминая, что было дальше...

Оказывается, маленький мальчишка — курносый облупленный нос! — взятый в поход лишь из нашей милости, не выполнил своей святой обязанности: забыл купить соль! Наши помидоры-великаны, казалось, взорвутся от переполнявшего их возмущения. А фирменный мясной суп... гордость всех прошлых походов!

— Как забыл?! — Готов поклясться, что наш вид произвел бы на постороннего большее впечатление, чем заключительная сцена гоголевского «Ревизора».

Секунды ли, минуты продолжалось это — не помню, только нарушил ее сероглазый паренек, никогда не терявший головы ни в играх, ни в серьезных делах. Дорогой он набрал полное лукошко жимолости (не «волчьей», а той, синей, съедобной). Он предложил все наши блюда... заедать этой горьковатой ягодой. Чем хуже соли? И, знаете, получилось замечательно! Уж и не помню, пошло ли на пользу такое ухищрение помидорам, но что касается нашего фирменного супа, то я твердо знаю, что с тех пор я никогда не ел ничего более вкусного!

ТОПОЛИНАЯ ЭЛЕГИЯ

В окно мое стучится тополь. Чуть слышно, виновато. Двадцать лет назад я посадил его. И вот мы оба выросли...

Был ветренный мартовский день. В парке рабочие срубили старый тополь. Я взял одну ветку сраженного дерева и принес домой. В воде она ожила, а в июне, когда у тополевого прутика выросла белая борода корней, я посадил его перед домом.

И вот тополь стучит в окно третьего этажа. Соседи снизу — доброжелательные, но уставшие люди — вежливо предлагали мне срубить дерево. У них подрастали дети, а тополь забирал себе все солнце. Я просил их подождать и сам спилил несколько крупных веток, бесперомонно заглядывавших в окна. Но тополь все рос и рос, а в этом году стучится и ко мне — тычется доверчиво в окно молодым листом, мажет его клейкой смолой. Так верный пес пытается лизнуть руку своего хозяина.

Но делать нечего: придется срубить дерево! После тополиной метели. Будет жестоко не дать разнестись по свету его миллионному потомству.

Как жаль, что почти все семена обречены на гибель. Упадут ли на дорогу, закружатся ли в воздушном море — везде их ждет одно и то же: прибьет к асфальту дождик, захватят в плен высокие травы, затопчет, проходя, человек, — другая жизнь и холодный камень их погубят...

Не знаю дерева более печального и ранимого. Неистощимое жизнелюбие (воткнул кое-как ветку в землю — укоренится!), невероятная терпимость (какое еще дерево вынесет столь безжалостную обрезку?! — ничто не травмирует ту неизбывную меланхолию, которой навсегда заразились тополя. Но не мы ли в том повинны?

А может, приобрели тополя эту вечную тревогу по наследству? Ведь в близком родстве они с пугливой оси-

ной. У той всегда унылое предчувствие: и ветерка нет, и все кругом хорошо, а дрожат, бьются от страха основные листья. Почти то же и у тополя.

А разыграется к ночи ветер — заговорят, зашепчутся тополиные листья. Неумолчное их трепетанье вдруг покажется людской разноголосицей. Не зря же называли тополь «популюсом», что в переводе с латыни означает «народ»! Налетит потом хлесткий ливень — тут и вовсе расстроится «жизнелюб»: закачается, заскрипит его кряжистый ствол, побросает на землю ветки. Отбарабанит промозглый дождик, а там и стужа, и снег повалит — окостенеют от мороза тополя. И стоят они, хрупкие, безжизненные. Но является долгожданная весна — и оконечившие тополя принимают ее волшебную силу. Только ранней весной и приходит к ним счастливое умиротворение: высунут из почек клейкие листья и стоят бестрепетные, но радостные. Мы выжили! Мы будем жить!..

Из тополиной древесины доброго дома не сложишь. Годится лишь на спички и домашние поделки. Издавна тополь считали бестолковой породой. Столько заразы в себе хранит, что только быстрый рост и спасает от скорой гибели. Но когда добрались до него селекционеры, то изумились: насколько растение податливо ко всем хворям, настолько же оно и изменчиво — в длинном ряду болезненного потомства нашлись неожиданно и такие деревья, которые гнилям не подвержены и жить могут до 200 лет. Из древесины их и дом, и мебель выходят отличными, бумага получается неплохая. А прессование и термическая обработка творят уже настоящие чудеса: рыхлая и мягкая древесина становится настолько прочной, что используется в качестве... подшипников и заменителей металлов. «Топольевые» детали гораздо легче металлических, но не уступают им в прочности...

Сидишь в тени старого тополя, вдыхаешь его горьковатый бальзам — душа радуется! А пух... Иных и красочный листопад раздражает. Бывает: не радость, а головную боль вызывает цветущий ландыш, запыленные же кустарники пригорода представляются истинной природой родного края. Что ж... У каждого свой идеал красоты. Не будем навязывать собственный. А что до пуха, то не разгорится из-за него сыр-бор! Неделю-другую продлится тополиная сказка. Гораздо более другое — жизнь тополя в городе. Проблема эта — беда и укоризна наша.

Посмотрите, во что превращаются по весне старые деревья: уродливые рогульки, не то — столбы, не то — мексиканские кактусы, с кульями от спиленных веток. Причем, обезглавливают и «обезручивают» не только деревья-выскочки, но и те, которые стоят одни-одиношечки: ни телеграфных столбов, ни окон — ничего вокруг! Приходят в себя до середины лета такие уродцы, а в июле обрастают пучками длинных беспорядочных веток — неприглядное зрелище!

Какие чувства вызовут у детей эти монстры? Добра, но пластична детская память. И дефицит красоты неизбежно заменяется суррогатами. Вот и находим мы «поэзию» в городских цветах — чахлах, бедных травках, и — кто знает? — может, воспоем и наши «кактусовидные» тополя? Грустно это.

Когда-то обладали мы бесценным даром. Счастливы проходили дни, а красота сама находила путь к сердцу: и в дурманных травах, и в лесных даях — во всем встречали мы ее. Любили мир — как дышали: полно, легко, радостно. Но таял с годами этот дар. Восторженное общение с природой заменялось, в лучшем случае, доводом: беречь природу — значит беречь себя, а в худшем... И красота поблекла, безделкой, ненужной роскошью стала. Лишь честная память, высветив былую радость, спасти может нас. Память о прекрасном, запечатленном в детском сердце...

А пока мой тополь стучит в окно. Слетают с рыхлых сережек первые «снежинки». Попадут ли семена на благодатную почву? Продлится ли тополиная жизнь?

АФГАН: продолжение потерь

Владимир ОЛЕШКО

Есть такой термин «посттравматический шок», или, по-другому, стресс-синдром. Психологи говорят, что определенная часть ребят, вернувшихся из Афганистана, страдает этим заболеванием. Как и когда оно возникает? Каковы его признаки? У некоторых стресс-синдром проявлялся уже в Афганистане. Но это лишь у немногих, у остальных же — через год-полтора после демобилизации. Хотя, как говорят американские психологи, занимающиеся этой проблемой, у солдат, воювавших во Вьетнаме, наблюдали его и через десять лет.

В чем выражается посттравматический шок? Злоба, ожесточение, раздражительность, некоммуникабельность, обостренное чувство несправедливости. Появляются болезненные симптомы, бесконтрольная агрессивность, страх постоянно грозившей опасности. Один врач-психолог рассказывал об «афганце», который никогда не сидит у окна, если оно открыто...

Проблема посттравматического шока касается прежде всего медиков и психологов. Недавно подписана советско-американская программа по борьбе с этим заболеванием. Американские коллеги предупреждают: время терять нельзя. Ужасы войны, крови, страдания не проходят у нормального человека бесследно. Американцы приводили цифры: 20 процентов от числа принимавших участие в боевых действиях во Вьетнаме страдают посттравматическим шоком. В США создано 189 центров по психологической реабилитации. У нас пока один. Его адрес: Москва, Арбат, 25. Создаются подобные центры в Белоруссии, на Украине, в Пермской области.

К сожалению, мы чаще хлопочем о создании памятников погибшим в Афганистане, а для живых, увы, не хватает ни средств, ни человеческого участия. Между тем, не так уж мало «афганцев», окончивших в мирную жизнь и попав в экстремальные для них ситуации, не могут справиться с собой и кончат скамейкой подсуоимых. Внести в закон поправку для них, если в основе-то лежало не преступление, а заболевание, было необходимо. Почему бы нам не подлечить их — чтобы не реагировали они так остро на обычные жизненные неурядицы, не доводили себя до преступлений, не коверкали свои судьбы?..

Высокий неприступный дощатый забор, уходящий далеко по периметру, ряды колючей проволоки, кажущиеся наглухо заваренными воротами... Железные двери КПЗ с гулким стуком захлопнулись, разом отделяя свободу от несвободы.

Сосед «по этапу» осклабился:

— Ну что, герой Афганистана, замер? Входи смелее! Правда, здесь тебе уже не в героях ходить...

...Это сколько же наш брат, журналист, переписал о ребятах «огненной закалки»? И когда живописали о советских шурвах, помогающих в дружественной стране копать арыки и высаживать цветы; и когда вся служба в Афганистане сводилась к

тривиальному: «выполняя интернациональный долг»; и во времена «дозированной» гласности, когда четко отмеряли — что можно и сколько... И потом писали, как цветами встречали в Термезе выводимые из Афганистана подразделения; разъясняли в газетах о льготах воинам-интернационалистам — о боже, даже чиновники, чинящих препятствия, критиковали!..

Похоже, иные из кормчих корабля бюрократической системы и рады свести критику только к невыделенным квартирам, заказам на продукты, очередям на дефициты... Так проще. Где сейчас найдешь виновных, «крайних» за то, что случилось в Афганистане?

Между тем, мы продолжаем терять «афганцев», хотя и вчерашних. Тех, с кем я встречался в колониях усиленного режима, обжог не огонь врага — их судьбы опалило людское равнодушие, бессердечность закона, не желающего по-прежнему принимать во внимание их состояние, а может быть, — просто наша всеобщая необразованность, не умеющая отличить проступок от нездоровья, когда надо относиться к человеку совсем по-другому: уговорить, не провоцировать, не поддаваться на агрессивность, избежать неприятностей.

Молчат врачи. Гневаются граждане, встречая грубость. Страдают и пострадавшие, и сами «афганцы». Творят свой суд по-заведенному суды. И все больше наших парней, еще вчера бывших в самом пекле боя, попадало за решетку и колючую проволоку. На годы...

Да, о тех, кто прошел школу Афганистана, писалось много. И как-то получается, что отбрасывались годы, прожитые в семье, в школе, в институте или техникуме — была только армия, только Афган. Если очерки заканчивались возвращением ребят домой, мы как бы подчеркивали этим, что все самое страшное в их судьбе позади.

А всегда ли так?

...Сергей — единственный из «афганцев», с которыми я встречался, не захотел, чтобы назвали его фамилию.

— Не хочу, чтобы люди знали, что я был в Афгане. И что был в зоне — тоже... Когда я вернулся в родной Свердловск, долго не мог

войти в колею. Наверно, слишком резким был контраст: там — в постоянном напряжении, иногда на пределе сил, а здесь — словно и не знают ничего об Афгане: кривляются на дискотеках, живут лишь заботами о тряпках, дисках, ежевечернем балдеже. Хотелось забыть. Начал пить... А потом эта драка. Суд... «Зона»... Все, как в дурном сне.

По ходатайству городского совета воинов-интернационалистов, немало похлопотавшему по его делу, он был освобожден условно-досрочно, отсидев в колонии год, треть срока.

Председатель совета, первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ Свердловска Михаил Горюнов, сам прошедший Афганистан, награжденный орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», заметил с горечью:

— Жаль, конечно, что эту помощь, поддержку Сергею мы оказали после вынесения приговора суда. Раньше бы надо... Но, с другой стороны: раз оступился наш вчерашний товарищ — мы не вправе оставлять его. И то, что к нашему мнению в этом случае прислушались, то, что разрешили периодически встречаться членам городского совета воинов-интернационалистов с осужденными, вчерашними воинами «афганцами», говорит о совпадении наших взглядов с взглядами работников правоохранительных органов: гуманное отношение к человеку воспитывает лучше самых строгих режимов.

Зал замер в некотором недоумении. Осужденных можно было понять. Они, видимо, ожидали нравоучительной беседы, лекции, ну, в лучшем случае, рассказа, иллюстрированного отрывками из военных фильмов. Тема «Героизм и преемственность» это предполагала. А тут вдруг все началось с негромкой песни под гитарный перебор... С песни о товариществе, взаимовыручке и непоказном мужестве; с песни про то, что «здесь за несколько минут узнаешь стоимость всему», что «память наша сохранит парней надежных»...

Женя Бунтов, кавалер ордена Красной Звезды, начал свое выступление с песен. Володя Зайцев, также награжденный этим орденом, рассказал о подвиге своего однополчанина Героя Советского Союза Игоря Чму-

рова. Другие ребята из совета воинво-интернационалистов — о самых памятных эпизодах боев с душманами, о погибших товарищах. И, помоему, в зале не было ни одного равнодушного, кого так или иначе не задел бы безыскусный, честный и взволнованный рассказ ребят.

И тут на сцену из зала поднялись несколько остриженных, одетых в черные спецовки и сапоги парней. У этих ребят за плечами тоже был Афганистан. Только вот после службы у тех, кто был на сцене, и у тех, кто поднимался из зала, пути разошлись...

Крепко сложенные парни, с широкими ладонями молотобойцев. А в глазах уже не один год — вопрос: «Как же так случилось?» Пьяная драка... Превышение необходимой обороны...

Не встретил среди них ни одного, кто был бы осужден, скажем, за воровство. Истории чаще всего похожи одна на другую: тишина ночами давила на уши — «как же так, там я мог погибнуть, а здесь ничего бы без меня не изменилось...», и парни начинали пить. Это, понятно, тема отдельного разговора, но ведь и кто-то из нас не подал вовремя им руку. И вот, от одной экстремальной ситуации — ведущей к подвигу, до другой экстремальной ситуации — что ведет к преступлению, оказался один шаг?..

Дамир Комлев, председатель Ленинского районного совета воинво запаса, тяжело раненный в 1980 году в Афганистане, награжденный медалью «За отвагу», в разговоре только и сказал:

— Нельзя оставаться один на один со своими думами. Вот мы четыре месяца назад открыли клуб для мальчишек «Юный десантник», где по-настоящему готовим их к армии. Может быть, этот клуб нам самим нужен сегодня даже больше, чем мальчишкам?..

«Почему ты оказался за проволоккой?» — этот вопрос в лоб не задавали ребята из совета. Знакомство было, наверное, неожиданным для осужденных, и чувствовали они себя все-таки скованно. Но общение это им было нужно, просто необходимо.

— ...А помнишь? В долине — солнце, слива цветет... А мы в горах, где дождь, не долетая до земли, становится снегом. В одних «комбезах» неделями от «духов» отбивались... — Сергей Коченик, встретив боевого товарища, наверно, на миг забыл обо всем. Высокий, сильный парень, выпускник Свердловского механического техникума, десантник, награжденный медалью «За боевые заслуги». Осужден, как и большинство из тех, кто пришел на эту встречу с боевыми товарищами, по статье 106 Уголовного кодекса — за нанесение тяжких телесных повреждений. О прошлом рассказывает охотно, но лишь до

того злополучного дня. Слова словно выдавливает потом: — Драка... Да, не соразмерил силу ударов...

— ...А помнишь? Амуниция при высадке 50—60 килограммов: обычное снаряжение, да еще гранаты, мины, сухпак, доппак, шины для раненых, плита для миномета... Под завязку! — Это Вадим Звездин. Выпускник кулинарного училища. За полтора года службы в Афганистане неоднократно поощрялся командованием за умелые, решительные действия. Контужен. Отец четверых детей в возрасте от двух до шести лет. Все в его жизни перевернула пьяная драка с поножовщиной. Сам оценивает так: — Расслабился...

— ...А помнишь? Пили только то, что падало с неба или растапливалось в каске. Но все равно последний глоток из фляги — самому слабому или раненным... — Николай Хренов родом из Верхней Салды. Был в составе одного из первых подразделений, введенных на территорию Афганистана. Вернулся домой, работал прокатчиком. Заметил, что часто стали сдавать нервы: мог вспылить из-за пустяка, не терпел возражений. Сюжет тот же: преступление, то есть драка — наказание — раскаяние, наступившее задолго до того, как был зачитан обвинительный приговор. Годы, проведенные в колонии, для него тяжелы вдвойне: вскоре после того, как Николай оказался под стражей, жена сообщила, что подает на развод.

На одной из встреч я познакомился с гвардии прапорщиком Андреем Тереховым. Он читал свои стихи, написанные в Афганистане. Стихи поразили искренностью. Особо, пристально вглядывался Андрей в себя и в своих ровесников, которые «в девятнадцать — седые солдаты, по-взрослому смотрят на жизнь и на смерть»:

Уходят мальчишки

*тропю бессмертья,
Уходят из дома в бессмертье*

сыны.

Приходят мальчишки седыми...

*Поверьте,
Отцы, не видавшие ужас войны...*

Воевавшие сыновья невоевавших отцов!..

Думаю, не только для меня были важными, ключевыми для понимания характера вчерашних воинво-интернационалистов слова Андрея о том, что в Афганистане он, да и многие другие самодеятельные поэты не написали почти ни одного военного стихотворения. Все это пришло позднее, а там больше тянуло на лирику.

— Во-первых, потому что остро чувствовалась разлука с родиной, с близкими, о которых помнил постоянно, — говорит Андрей. — Баллады, марши создаются и звучат позже, а в бой идешь с именем любимой, с маминым именем, вспомнив

дом или какой-нибудь никому, кроме тебя, неприметный тополь... И второе. Все-таки мы были мальчишки, и нам не хватало чего-то светлого; поэтому стихи, пусть неумелые, звучали, как и песни, ежедневно. Даже тот, кто дома ничего, кроме школьного «Бородино», не прочел, терпеть не мог поэзию, здесь приобщался к стихам, находя в них созвучные мысли, переживания, воспоминания...

Вторые сутки взвод в пути.

Подсумки на ремнях и автоматы.

Промокшие свинцовые бушлаты...

Как тяжело вперед и вверх идти...

Еще не час пути, не два,

Раз в пять, пожалуй, больше.

Приостановишься едва,

Прижмешься к скальной толще —

Она отбросит вдруг тебя

На ветер, вихрь колкий,

И снег вонзит в лицо иголки...

Молчишь и стонешь про себя...

В декабре 1984 года взвод Андрея принял бой за перевал с превосходящим врагом противником и почти девять часов удерживал его до подхода основных сил. За этот бой Андрей был награжден орденом Красной Звезды. А 4 февраля за боевую операцию был представлен к медали, которую ему вручили уже в госпитале. Тогда-то и нахлынули воспоминания. В Афганистане все разговоры были только о родине, о доме. А в Союзе — все разговоры лишь о пережитом, о товарищах, оставшихся в «горной стране серпантиннов»... Так родились стихи.

В пору детства мы все без исключения распевали на уроках песню о мальчишках, которые «несутся по снежным горам», глядят на девчат «на вечере школьном», где «зазорные вальсы звучат». Сейчас эту песню не так часто услышишь... И не только потому, что вальс в пору в «Красную книгу» вписывать. Ведь там, если не ошибаюсь, были слова о мальчишках, которые «страну заслонили собой». Во второй раз повторялось: «заслоните собой» — в будущем времени. Насколько же тогда было судить о мальчишках тогда! Если сделал что-то хорошее — продолжатель традиций; если плохое — «да мы в ваши годы!..»

Но вот входит в жизнь поколение, не в прошлом или будущем времени рассказывающее о своих боевых заслугах. И мы иногда теряемся. Как реагировать на их обостренное восприятие таких понятий, как честь, отвага, дружба?..

Мальчишки конца семидесятых рано повзрослели. И того же хотят добиться от тридцати-сорокалетних «вечных мальчишек», выросших в сытости и праздной заботе о шмотках, «башлях» и легком дипломе...

Путь на скамью подсудимых для некоторых «афганцев» оказался уди-

вительно коротким. Много в нем типичного.

А был ли мальчик?.. Именно тот, двенадцатилетний, над которым смеялись сверстники — жестокие в этом возрасте, искренне убежденные, что всякий физический недостаток — повод для «остроумного» уличного прозвища?

Борис после тяжелой болезни, на долгие годы приковавшей его к санаторной койке, довольно заметно прихрамывал. Не от отчаяния ли он пришел тогда в секцию классической борьбы, уприсив тренера принять его с испытательным сроком... Новичок оказался таким упорным, что быстро стал лидером. Когда же однажды увидел тренировку дзюдоистов, — твердо решил заняться именно этим видом спорта: эффектные броски, подсеки, болевые приемы... Должен же он когда-то отомстить своим обидчикам?!

Не остаются ли порой впечатления детства, зафиксированные в минуту горьких разочарований, обид, переживаний, наиболее сильными побудительными причинами некоторых наших поступков в достаточно взрослом возрасте? Что побудило Бориса Петрухина, уже ставшего кандидатом в мастера спорта по дзюдо, еще осваивать и каратэ? Не любительски, что было тогда данью ветреной моде... Через несколько лет он стал призером первенства страны среди юниоров. И это, наверно, тоже было стремление к преодолению своеобразного комплекса неполноценности, который угнетал его в детстве и который он по капле — от победы к победе — выдавливал из себя.

— Сейчас, конечно, на моем примере можно говорить: мол, каратэ отрицательно влияет на человека. Но поймите: это не просто вид спорта — это система мышления! Человек выстраивает свою линию жизни. Вот я уже сейчас понимаю, что для меня тогда это было спасением от официальной лжи: в школе, в училище, в комсомоле, от лжи в газетах. Слышал кругом правильные слова и понимал — все это не более, чем красивые фразы. В повседневной жизни тогда, на рубеже 70-х и 80-х, приходилось видеть совсем другое. А каратэ — это гармония нравственного и физического. Хотя, конечно, вы можете улыбнуться: о какой нравственности может говорить сегодняшний преступник...

Борис хочет выговориться за все предыдущие три с лишним года, когда он отвечал только на допросах, сдержанно обменивался самыми необходимыми словами с соседями по камере, потом по бараку. Меня предупреждали: «О чем вы будете говорить? — он же молчун!»

— В семнадцать лет, на первом курсе ПТУ, я женился. Вопреки желанию родителей, педагогов — словом, всех окружающих. Для само-

утверждения?.. Честно скажу, не знаю. Надя на три года старше меня и... очень была непохожа на тех девчонок, которых я знал раньше. Бросил училище, работал на ремонте дорог, калымил с соседом. А все проблемы, так сказать, духовные, снимал спорт. Именно благодаря ему я был сам себе хозяином.

Незадолго перед получением армейской повестки родилась Олеся. Вторую дочку он увидел впервые уже будучи осужденным. Тогда же, при первом свидании он сказал жене:

— Пятнадцать лет — это не два года армии. Может быть...

— Будем ждать, — не дала ему договорить Надежда.

В тот день он впервые за последние месяцы сделал полноценную, насколько позволяли условия, разминку. Чуть отвыкшие, от нагрузки руки дрожали, когда вывел слова, бывшие привычными в письмах из армии: «Здравствуйте, родные мои...»

А ночью ему приснился жуткий сон. Как будто он, уже отсидев свой срок «от звонка и до звонка», идет по улице родного города. Видит красивую девушку, начинает заигрывать, плоско шутит, навязывается провожать и вдруг... Разом осознает, ужаснувшись до холода под ложечкой, что это — его дочка Олеся... Ведь ей уже почти восемнадцать!

...Что больше запомнилось Борису из афганского периода? Может, самое первое впечатление от экзотической страны. Самолет приземлился в Шинданте: до бою в глазах яркое солнце, желтый, даже с оттенком коричневого цвет земли, и советник, стоящий чуть поодаль от строящегося подразделения — бородатый, в джинсах, с автоматом на ремне, с магнитофоном «Сони» у ног.

— Первый бой?.. Конечно, я растерялся.. Высадили нас с вертолетов, потом 50-километровый марш-бросок. Засада на караванном пути. Только сел, вернее, свалился от усталости — уже «духи» в атаку идут. Мы залегли с «дембелем» Серегой Королевым рядом. Те бегут, не пригибаясь, на смерть — на испуг нас, верно, брали. Король стрелять начал, а на меня опенение какое-то напало. Потом он толкнул меня в плечо. Ну, я начал тоже стрелять, как-то даже бесознательно. Осмысливать некогда: чтобы выжить — перемещаться надо было. Или — я, или — меня могли убить.

В один из промозглых дней они блокировали кишлак. Мирное население его покинуло, лишь восемь душманов оказывали яростное сопротивление. Десантники разбились на две группы и вперекрест накрыли врага, — казалось, всё, завершили операцию.

— Иди-ка, бакшиш пошукай, — кивнул старший группы, прапорщик, одному из парней, сидевшему рядом с Петрухиным.

Только тот подошел к убитому душману, лежавшему ближе всех, раздался два выстрела.

Увидев убитого, Борис, обычно невозмутимый, взорвался тогда первый раз:

— Ах ты, скотина!.. Зажигалку, афгани дармовые хотел? За что он погиб? Кому узда, а кому Красная Армия... — и ударил прапорщика. Тот смолчал.

Вечером Борис впервые «забил косяк» — курнул отравы. Этого добра было сколько хочешь в любом селеении — чуть не даром, за кусок мыла предлагали.

— Сейчас много чего об Афганистане написано, — заметил Борис. — Раньше лакировали, сейчас больше правды, но не вся еще правда. «Афганцы» об этом не напишут — им трудно отделить, где героismo кончалось, а где подлость начиналась, и наоборот. Так все переплетено... Шоферы-транзитники, например, наживались на водке: за бутылку 60, а перед праздником — и все 100 чекков... Если у кого с «гражданки» гнилка была, то она там вдвойне разрасталась: оружие постоянно в руках, атмосфера другая, поддержка одноодков или земляков «железная». Кого-то это и ломало. Трус был вдвойне трусливее, наглец — наглее... Ну, и герои... просто отважные ребята видны были в бою, как на рентгеновском снимке.

...О другом страшном, уже дома, на родине, Борис рассказывал как-то безразлично:

— Я ничего не помню, просто ослепление какое-то нашло. Потому что равнодушным кажусь, что все случилось как бы против моей воли, как в бою бывало... Не верите?.. Вот и следователь не поверил. И психиатрическая экспертиза сделала заключение: вполне нормален. Я и есть вполне нормальный человек, но... Я не могу понять, что было, затмение нашло. Да что сейчас об этом говорить...

Как же и что произошло?

Долго не было автобуса. А когда он подошел, Борису пришлось буквально пробиваться сквозь людскую массу. На одной руке — дочка, в другой — огромная сумка, Надя где-то сзади с кошелкой.

— Садись, садись, «мамаша», — съязвил молодой человек в форме прапорщика. Был он явля навеселе, и поэтому быстро возникла перепалка.

— Не дыши перегаром на ребенка, — сказал Борис.

— А ты что: телняшку надел — так здоровым стал? — обозлился прапорщик. — Да я за вас в Афгане кровь проливал, пока вы здесь...

Это уж потом выяснилось, что ни в каком Афгане он не бывал. А в тот момент Петрухин только и подумал: «Перебрал братишка». Но прапорщик не отставал:

- Где сходишь?
- На следующей.
- Выйдем — поговорим.
- Видишь, ребенок на руках.
- А ты дитятем не прикрывайся...

Не поддался в тот раз Борис на провокацию. Но встретились они совсем скоро. Прапорщик с приятелем подкараулили, когда он пошел за молоком. «Вот и поговорим!»

— ...Он только попытался закрутить мне руку, я сделал подсечку, повалил его. А тот орет благим матом: «Я вас таких в Афгане расстреливал!» Дружок увидел, как я его брякнул об асфальт, — убежал. Ну, встал я, стал брюки отряхивать, а «прапор» вскочил и — тоже бежать. Вот тут во мне что-то и замкнулось как бы. Догнал я его, ну и...

— Как ты думаешь, люди, вершившие твою судьбу на суде, были во всем правы? — спрашиваю его.

— Главный суд для человека — все-таки его совесть. Если бы я был тем отвязанным убийцей, каким предстал в глазах всех, — не задумываясь, стал бы сам искать способ уйти из жизни.

— Знаешь ли ты о том, что вдова убитого подавала жалобу — 15 лет заключения заменить смертной казнью?

— В первые дни, месяцы я бы принял это как должное. Но через год, через два я понял — да, виновен, но не до такой степени, чтобы быть приговоренным к полной деградации за эти пятнадцать лет. Тем более, чтобы быть приговоренным к смертной казни. Сейчас я не соглашусь с этим.

— Как ты думаешь, во время следствия и суда учитывалось, что ты принимал участие в боевых действиях в Афганистане?

Он горько усмехнулся:

— К тому времени, как писали в газетах, я уже выполнил интернациональный долг. Да и к чему это?..

Лишь жена, Надежда, попыталась похлопотать, собрав кое-какие справки из военкомата. Но при первой же встрече по кассационной жалобе ей отрезали: «Не поможет». Мужу она об этом не сообщила. Лишь родителям написала: «У нас большая беда, лихо-лишенько...»

Да ведь и вправду: здесь для всех нас больше беды, чем вины...

«Афганцы»... Слово это вошло в наш лексикон. Эти ребята своим примером лучше тысяч бесстрастных книг и равнодушно-привычных лекций доказали жизнеспособность стержня от частого, всеу, употребления высказываний о преемственности ратных подвигов поколений. Они — наша гордость. Но они же — и наша боль...

Среди ребят, попавших в места лишения свободы, были и пострадавшие от своего неравнодушия. Дал

отпор обнаглевшим юнцам... Разнимал пьяную драку... Превысил пределы личной самообороны... За каждым из этих случаев — изломанная судьба.

Закон, известно, один для всех. Ни о каком моральном оправдании преступления и речи быть не может. Но ведь в каких-то случаях просто нельзя не учитывать обостренное социальное восприятие «афганцев», их нелегкий характер, приобретенный после всего увиденного и пережитого «там». И уж во всяком случае, мы просто обязаны помочь им вернуть равновесие — открыть для них больше центров чисто медицинской помощи, снять это напряжение, застраховать их от внутренних взрывов...

Алексей Салтыков осужден по нескольким статьям, в том числе за незаконное хранение, сбыт и хищение наркотических веществ.

Впервые он попробовал курить анашу в Афганистане, перед увольнением в запас, в 1982 году. Сейчас, по его словам: «в завязке» — говорил на эту тему неохотно, каждое напоминание о днях «черного сна», как он выразился, мучительно для него:

— Дело не в том, что втягиваешься... Наркоманами становятся те, кто не видит для себя никаких перспектив. Почему бросил?.. Значит, не край еще. Что край? Год тебе хорошо, все заботы разом снял. Через два — все чаще становишься раздражительным, может, от того, что наступает легкая импотенция. А через три года, если нет анаши — готов украсть, отобрать, избить... Вот это и есть край.

На встрече членов Свердловского городского совета воинов-интернационалистов с осужденными, вчерашними «афганцами», прозвучала такая мысль: должен быть создан своеобразный суд чести, где можно было бы вовремя одернуть оступившегося или зарвавшегося боевого товарища, или наоборот, поддержать — не доводя иногда даже дело до суда. Тот же пьяный кураж часто не что иное, как следствие нервного срыва, обиды на всех и вся, ответная реакция на оскорбительное бездушие собеседовских и исполкомовских чиновников. Как получилось у того же Вадима Звездина — ведь его жена и сейчас занимается с четырьмя детьми однокомнатную квартиру.

Свое сегодняшнее положение большинство из них переживают очень остро. Раньше они говорили: «Пошлите обратно в Афган, дайте кровью смыть позор...» Нет больше Афгана, и слава богу. Сейчас они говорят: «Мы мечтали именно о таком обновлении общества, какое происходит сейчас. Вот оно наступило. Но мы-то за решеткой...»

Неискренни?.. Не думаю. Даже в

колониях все без исключения «афганцы», по выражению одного офицера внутренней службы, сохранили человеческий облик: ни один из них не сломался, попав, как говорится, под дурное влияние, подавляющее большинство честной работой пытаются приблизить день освобождения. Хотя начальники отрядов, как говорившись, отмечали одну черту, характерную для многих из этих ребят: замкнуты, неразговорчивы, постоянно в себе...

Режим допускает, чтобы в одном отряде находились и те, для кого колония — «мать родная», и те же вчерашние воины. Я приведу примеры, рассказывающие о житействе некоторых «афганцев».

Один решил организовать секцию атлетизма — сделали спортгородок, смастерили снаряды, начали тренировки. Через месяц все пришлось прекратить — кто-то доложил «наверх», что «афганец» сколачивает «банду»...

Другой стал невольным свидетелем, как некто осужденный, со стажем, пытался, выиграв в карты, превратить «в петуха» новичка. После выяснения отношений с этим «ветераном» в штрафной изолятор попал «афганец»...

Мы сегодня говорим о таких сферах, о которых вчера и сказать-то вслух не решались. О жизни осужденных и их проблемах много говорят в связи с развернувшейся работой по подготовке нового исправительно-трудового законодательства. Дифференциация заключенных — очень актуальная проблема. Не может вчерашний школьник сидеть вместе с матерым уголовником — ни дня, ни минуты, ни в следственном изоляторе, ни на этапе. Так же, как не должен с ними сидеть и вчерашний воин-«афганец». Нельзя их стричь под одну гребенку. И думать надо, прежде всего, о тех, кто верит в себя, в свое будущее, кто глубоко убежден, что все происшедшее с ним — случайность, роковое стечение обстоятельств, ошибка, которую он оплачивает самой дорогой ценой — свободой.

Фраза одного заключенного-«афганца» больно резанула меня по сердцу:

— Хорошо, что стали говорить о милосердии. Хорошо, что собирают средства на памятники нашим погибшим товарищам. Но я иногда думаю: а не легче было бы мне и моим близким, если бы и моя фамилия была на таком памятнике выбита...

Мадам Вон

И ДРУГИЕ ПИРАТЫ XX ВЕКА

Эдуард ЯКУБОВСКИЙ

Каждый день телеграф, радио, газеты разносят по миру тысячи самых разнообразных новостей. И среди них нет-нет да и встречаются такие, что кажутся пришедшими из далекой эпохи. Вроде вот этой:

«У берегов острова Тавитави архипелага Сулу давно «свили себе гнездо» пираты XX века. Они часто нападают на мирные гражданские суда. Недавно пираты совершили злодейское нападение на торговое судно. Были варварски убиты 12 человек и 4 человека тяжело ранены. Подоспевшие дозорные катера доставили пострадавших в госпиталь в Бонгао. По мнению филиппинских военных, это наиболее жестокое нападение за последние годы»...

Вспору оглядеться вокруг — в каком веке мы живем? В двадцатом — ядерном, космическом, как ни называй его, или двести пятьдесят лет назад? А может быть, триста? Или три тысячи? Кажется, все изменилось на Земле — от мышления людей до их одежды, от форм государственного правления до способов пересечения морей и океанов, а пираты на этих же морях остались? Или они появились вновь?

Нет, именно остались. Остались от того древнего времени, когда пиратство было самым обыкновенным хозяйственным занятием, средством «заработать на жизнь». В римских сборниках занятие пиратством перечислялось в ряду профессий, связанных с морем: моряки, пираты и купцы. И указывалось, что так делил моряков еще Солон — великий законодатель Греции.

Выйдя из глубочайшей древности, профессия пирата дожила до наших дней. Это-то и кажется невероятным. Плотник, пахарь, животновод — в той или иной степени эти профессии прослеживаются до давних дней. Но они нужны человечеству, без них не может быть нормально функционирующего хозяйства.

Но давайте посмотрим, так сказать, на экономические основы самого пиратства — ибо вполне понятно, что без подобной «подкладки» оно не существовало бы. Чем являлось пиратство в самой своей первоначальной фазе? Средством добыть... средства для существования. Это потом появились флотилии, объединения, обогащавшие верхушку пиратского бизнеса. А первоначально — чем морской рейд в город отличался от нападения на него с суши?

Вот эта «экономическая основа» и поддерживает до сих пор существование пиратства. Причем надо отметить, что заинтересованность в подобном ремесле должна захватывать и низы общества, а не только верхи. Шайка, как бы хорошо она ни была вооружена и управляема, не удержится долго без помощи рядовых жителей той местности, где она «работает». К нападениям на суда не всегда ведут желания огромной прибыли — часто это просто голод и невозможность по-иному заработать на хлеб.

Рассказывая о пиратских нападениях журналистам миланской «Эпоки», капитан теплохода «Аманда» Пьетро Тоноли был возмущен. Еще бы, стрелять в людей из-за 90 килограммов сушеной рыбы, найденной в контейнере! Именно столько добычи взяли у него пираты, напавшие на «Аманду».

Нападение это не было чем-то необычным, и журнал «Эпока» не случайно снабдил статью заголовком «Пираты еще существуют». Тот же Тоноли рассказывал, что он шесть раз ходил из Генуи в Лагос (Нигерия) и дважды подвергся нападению пиратов. Что там дважды за шесть рейсов! На заседании Национальной коллегии капитанов (ее штаб в Генуе) приводился такой пример: на одно судно с 28 ноября по 2 декабря 1980 года пираты напали 12 раз!

«Обычно они приходят ночью, чаще в новолуние, когда вахтенный остается наедине с воспоминаниями о родном доме или просто дремлет от усталости, — рассказывал журналистам П. Тоноли. — Эти люди пользуются такими же лодками, как и их предки, — вырезанными из дерева пирогами, за кормой которых мощные подводные моторы. Они взбираются по якорным цепям, если судно стоит на рейде, или же карабкаются на борт по веревкам с крюками на концах. Они вскрывают контейнеры с грузами, берут в плен моряков, а тех, кто оказывает сопротивление, убивают».

В контейнерах попадает не только сушеная рыба, и вот рынок африканского города оказывается переполненным то фотоаппаратурой, то сигаретами. А поскольку «подкладка» у пиратства экономическая, то всякие изменения в мировой экономике немедленно отражаются и на аппетите пиратов.

Взвинтились цены на нефть, дороже стало топливо для судов. И вот уже полицейская хроника отметила совершенно новое явление — владельцы юрких доу в районе Северо-Восточной Африки уже не довольствовались грузом на захваченных судах, они до последней капли сливали в канистры дизельное топливо — факт, ранее никем не замеченный.

Вслед за разразившимся энергетическим кризисом пошла и иная волна преступности — нападения на танкеры. Эти суда раньше совершенно не привлекали пиратов — маленький экипаж, отсутствие легко сбываемых товаров. Теперь же все изменилось. Надо учесть, что принять нефть с захваченного танкера, привезти ее в порт, продать там может лишь другой танкер, имеющий необходимые документы. Так что вполне понятно, какие силы стоят за нападениями на эти морские суда.

До сих пор речь шла о случаях пиратства у западного и восточного побережий Африки. Теперь посмотрим, что происходит на юге Средиземноморья. Десятки стран имеют в Средиземном море вооруженные суда, готовые прийти на помощь по первому сигналу «СОС». Расстояния между портами невелики, все побережье находится под контролем полиции, в ее распоряжении есть не только скоростные катера, но вертолеты и самолеты. И все же здесь промышляют пираты.

Греческое судно «Транспорта» везло вино и сигареты из Лимасола на Кипре в Ливан. Неизвестный корабль обстрелял судно из пулеметов и ограбил его. А между Сардинией и Корсикой исчез сухогруз с грузом хрома и олова, как исчезло немало и других судов. Газеты сообщали, что в Греции даже создано специальное полицей-

ское подразделение по борьбе с пиратством. Инициаторами явились Интерпол и страховые компании, вынужденные отвечать за пропавшие суда и грузы.

Правда, подобного типа формирования создавались и ранее в других странах, но результат, судя по всему, пока ничтожен.

Как часто бывает, там, где ничего не получается у государственных служб, лучше всего идут дела у частных компаний. Одну такую организацию — сингапурскую «Секьюритас» — создал отставной военный. В штат набрал несколько сот бывших военнослужащих — десантников, моряков, словом, лиц, умеющих многое и готовых на все. Услугами «Секьюритас» пользуются десятки компаний и, вероятно, оплачивают их не зря. Вот только один пример. На мель село греческое судно «Азкос». За неделю, когда проводились спасательные работы, охрана, присланная из Сингапура, отразила десять пиратских нападений! Можно представить, какой размах приняло пиратство в этих водах, если капитаны кораблей ежеминутно ждали нападения. Во время войны в Корее пираты захватили даже американское патрульное судно. «Эти бандиты так осмелели, что нападают на кого угодно. Величина судна для них ничего не значит», — писала газета «Малый Мейл».

Когда после второй мировой войны в печати стали появляться сообщения о пиратских налетах, многие отнесли это на счет бежавших от возмездия гитлеровцев. Так, писалось, что у берегов Латинской Америки разбойничал некий Карл Глазель, вооруживший свое судно крупнокалиберными пулеметами. Много шума было из-за случая, когда неизвестная шхуна потребовала от греческого танкера «Наядис», направлявшегося к острову Кюрасао, немедленно застопорить машину. Капитан и вахтенный офицер не верили своим глазам: на передней мачте шхуны был поднят сигнал «Немедленно остановиться, в противном случае открываю огонь». И огонь действительно был открыт. Первый снаряд, а за ним и второй не попали в судно. Танкер дал сигнал «СОС». К счастью, вблизи проходил британский крейсер «Девоншир». Он откликнулся. Шхуна развернулась и ушла. Кстати сказать, на ней не было никаких опознавательных знаков, а как известно, одно только отсутствие флага уже является актом пиратства.

Случай этот отнесли к рассказам о деятельности экипажей интернированных и саморазоружившихся немецких подводных лодок — действительно, похоже. И крупнокалиберные пулеметы, и пушка вполне могли быть сняты с подлодки. Да и со стороны глядя — парусная шхуна против танкера! Нагло, самоуверенно, но это-то и выдает самодеятельность. Нет, в этих случаях еще не видна рука большого бизнеса. У того такого срыва не могло бы быть.

Не говоря уже о легендарной мадам, действовавшей в Юго-Восточной Азии, даже американская мафия «работает» без осечек. Когда в конце 70-х годов власти США сумели перекрыть ряд каналов доставки наркотиков в страну, по всему атлантическому побережью прокатилась «пиратская волна». Похищались катера и яхты, их владельцы исчезали, а наскоро перекрашенные суда везли к берегам США героин, гашиш и прочую отраву. И лишь в редчайших случаях полиция и береговой охране удавалось выявить и перехватить «пиратскую добычу».

Вот так выглядят корни современного пиратства. От действий, вызванных обыкновенным голодом (помните — кража сушеной рыбы), через попытки быстрого обогащения (появление на рынках любого товара, награбленного на любых судах) до использования захваченных судов в интересах большого бизнеса (а мафия, доставляющая наркотики в США, и является своеобразной боковой ветвью этого бизнеса). Отсюда всего шаг до следующей ступени — создания пиратского «синдиката», который, оперируя, в основном, на море, в то же время имеет хорошо развернутую систему «наземного обеспечения».

Ну, а теперь расскажем о самой известной (в ряду

пиратских имен) женщине — о легендарной мадам Вон¹.

Нашим зрителям известен приключенческий фильм «Тайны мадам Вонг», снятый по сценарию С. Геворухина. В этом фильме соответствуют реальности существование женщины с такой фамилией и факт публикации объявления, приведенного в сценарии (цитирую по альманаху «Киносценарии» № 2, 1985 год): «В 1974 году британская разведка в Сингапуре назначила премию в 10 тысяч стерлингов тому, кто доставит фотографию мадам Вонг последних лет». (Будем считать, что слово «фунтов» выпущено не автором сценария).

На самом деле это объявление появилось не в 1974, а в 1951 году (сценаристу просто нужно было приблизить действие к сегодняшнему дню), но суть не в том. Дело в концовке объявления, а она настолько необычна, что войти в сценарий и не могла! Вот как заканчивалось объявление, а точнее, призыв ко всем читателям: «Кто каким-либо способом доставит живую или мертвую госпожу Вонг полиции любой из вышеперечисленных стран, может сам определить величину награды, власти же обязуются это условие выполнить...»

Чем же заслужила такую «высокую оценку» в прошлом звезда одного из ночных клубов Кантона — красавица Шан? А может быть, убрать кавычки — оценка действительно высокая, ведь объявление это появилось в португальских, японских, тайваньских, филиппинских, тайландских и гонконгских газетах, а их читает вся Юго-Восточная Азия.

Как видно, не только красотой располагала танцовщица, вышедшая замуж за бывшего чанкайшистского чиновника по фамилии Вон. Бывшего, ибо незадолго до женитьбы он ушел со службы. Денег у чиновника, как говорится, куры не клевали, да никто не спрашивал, откуда они у него. Деньги и помогли чиновнику жениться на танцовщице. Вскоре она так вошла в курс «работы» мужа, что вместе с ним стала командовать пиратскими нападениями. По другим данным, именно она натолкнула мужа на мысль вложить деньги в создание «невидимой империи».

Как бы там ни было, только их группа выжила к моменту разгрома Японии. Это было большое достижение — после первых нападений многочисленных местных шаек на японские суда — а именно они перевозили буквально все грузы на захваченные острова — самураи всерьез взялись за пиратов. Военные корабли уничтожали лодки, джонки и катера, если была хоть тень подозрения, что их экипажи могут представлять угрозу. Что ж, большой хищник не захотел терпеть рядом маленьких.

Но супруги Вон сумели пережить войну, продолжая грабить суда, и позже, в мирное время обратили на себя внимание местных властей. В декабре 1946 года глава семьи узнает, что в Гонконг будут отправлены джонки с ценным грузом, сам бросается в погоню и встречается с... морской пехотой. На уцелевшей лодке доплывает до берегов Макао, попадает в руки полиции, пытается бежать из тюрьмы и гибнет от метких выстрелов охраны.

Казалось бы, всё! Но на самом деле, это только начало. Во главе пиратского бизнеса встала безутешная вдова Вон. Вопреки всем тысячелетним традициям, китайская женщина стала командовать не домом, а огромным «предприятием», в котором были заняты тысячи людей на сотнях судов. От погонь за жалкими джонками Вон перешла к нападениям на большие суда, к грабежам складов в портах. Ее судам приписывается беспрецедентный случай кражи телефонных кабелей, соединяющих Гонконг с Сингапуром. Но самым известным становится случай с португальским грузовым судном «Опорто».

В марте 1951 года его задержали два торпедных катера (позже выяснилось, что ранее они принадлежали Японии). Вероятно, радиотелеграфист успел дать «СОС», потому что из Макао — португальской колонии, куда шел «Опорто» — через несколько часов прибыл военный корабль. На борту судна нашли 22 трупа. Один из моря-

¹ В латинской транскрипции — Вонг.

ков в последнюю минуту бросился в воду и сумел продержаться на плаву. Он-то, умирая в госпитале от ран, и рассказал, что нападавшими командовала красивая женщина. По описанию — мадам Вон.

Через несколько месяцев к борту британского судна «Мэллори», шедшего в Гонконг, приблизилась джонка. Из нее на палубу перепрыгнули 25 человек, вооруженных автоматами. Все, что было ценного на «Мэллори», тут же перегрузили в джонку и исчезли. Нападением опять-таки руководила красивая женщина.

Началась паника. Владельцы судов заранее платят мадам Вон большие суммы за право... не подвергаться нападениям со стороны ее людей. Полиция многих стран этого региона пытается найти «подход» к таинственной организации, но безуспешно. Вот тогда-то и появилось в газетах уникальное объявление.

Судя по нему, никто, кроме узкого круга сообщников, никогда не видел мадам Вон. По крайней мере, так надо понимать розыск фотографии, за которую обещали 10 тысяч фунтов стерлингов. Сумма более чем изрядная. Но, похоже, сталкивались с мадам тысячи людей. Свидетельством тому стал факт, вошедший в легенду.

В 1962 году тогдашний вице-президент Филиппин Эммануэль Пелаерс давал прием в своей личной резиденции. Гостей было более двухсот, кое-кого вице-президент даже не знал лично, не говоря уже о женщинах. Одна из них, представившись госпожой Сенкаку, садится за карточный столик. Игроки обращают внимание на то, что женщина вступает в игру лишь тогда, когда в банке много денег, пропускает маленькие ставки.

Хозяин дома, следивший за игрой, не мог удержаться от комплимента, сказав госпоже Сенкаку, что она играет так высоко и решительно, как будто является самой Вон. Под общий смех Сенкаку ответила, что да, действительно, она и есть мадам Вон.

Об этих словах вспомнили через неделю, когда в адрес вице-президента пришло коротенькое письмо из Макао: «Благодарю за мило проведенный вечер. Сенкаку-Вон».

Делом занялись Интерпол и местная полиция. Выяснили лишь одно — мадам приехала сама, ее никто не привел, следовательно, зацепиться не за что...

Ну, а награда за снимки? За ней никто до сих пор не пришел. Но пытались — и полиция Сингапура получила по почте фотокарточку: в луже крови лежал один из тех, кто хотел сфотографировать мадам. Японской полиции удалось ввести в ее окружение своего человека, — люди, выехавшие «брать» мадам, нашли его с отрубленными руками и вырванным языком.

Похоже, что атаки со всех сторон все же напугали пиратку. Она перестала показываться при ограблениях судов, меньше стало разговоров и статей о ее «подвигах». А может, это произошло из-за того, что в редакции одного журнала, объявившего о предстоящей публикации статей о Вон, взорвалась бомба?

Сами нападения на суда не прекратились. И трудно, конечно, понять, что продельвается прямо в «стиле мадам», а что является лишь «хорошей копией». 2 сентября 1982 года у Филиппин был ограблен танкер. Результат нападения — десять убитых, добычей пиратов стали 500 тысяч долларов. Будь это на 20 лет раньше, сама Вон не доказала бы, что не ее рук дело. А теперь? Не ушла ли мадам «на пенсию», оставшись «консультантом» по наиболее ответственным операциям?

По данным англичан, «империя Вон» насчитывала три тысячи человек, по данным португальцев — восемь тысяч, не считая сети информаторов. Японская полиция утверждает, что в распоряжении мадам находилось 150 судов и лодок. Не затоплены ведь были эти суда, куда-то они должны деться?

Есть еще один аспект. Писатель Е. Парнов, побывавший в местах, где действовала мадам Вон, писал: «Не жалкие джонки уходят от преследования морских патрулей, но скоростные катера, оснащенные моторами и навигационными приборами самых последних моделей. Все

это требует специального обслуживания горячим, запчастями и пр. Наконец, взрывчатка, боеприпасы, морские мины — тоже проблема далеко не простая». А на все это нужны деньги и немалые. Понятно, что затраты должны компенсироваться доходом от грабежей, но ведь сначала на какие-то деньги нужно купить катера, снаряжение, нанять экипаж. Кто-то субсидирует это, кто-то заинтересован в существовании пиратства.

В самом начале, говоря об Африке, мы приводили слова капитана Тонюли о пирогах. Какой примитив! А вот при обстреле парома, шедшего от острова Минданао к острову Панай (Филиппины), нападение корректировалось... с гидросамолета. Этак скоро, чего доброго, пиратам начнут служить и спутники...

Когда после событий в доме вице-президента Филиппин Интерпол искал «дорожку» к мадам, было подсчитано, что ее доходы за все годы составили около 150 миллионов долларов. И на основании этого пытались найти одинокую красавицу, имеющую в своем распоряжении столь большую сумму денег. Уже было сказано, что ничего не получилось — предполагается, что мадам играла роль скромной жены какого-то местного миллионера.

В 1985 году на международной конференции в Вудсхолле (близ Бостона) назвали годовую цифру потерь от пиратства — миллиард долларов плюс несколько сот жизней. По данным газеты «Юлланд-постен», в мире ежедневно происходит как минимум одно пиратское нападение.

Правда, редко, но бывает, что полиции удается опередить нападавших. Гонконгский лайнер «Корал принцесс» вез триста австралийских и новозеландских туристов от острова Бали. Три парусные лодки только начали приближаться к пассажирскому судну, как внезапно выскочившие из-за укрытий катера открыли по ним пулеметный огонь. Оказалось, что в лодках находились пираты, уже нацелившиеся на лайнер и его богатых пассажиров.

Все особенности морей и океанов мира отражены в лодиях. Но порой капитанов судов больше волнуют своеобразные «дополнения», которыми являются советы по прохождению того или иного пролива, узости, где нужно сбавлять ход. Именно в таких местах чаще всего нападают пираты, и поэтому капитану советуют, с какой скоростью там лучше идти, на каком расстоянии от берега прокладывать путь. Советуют увеличить число вахтенных, лучше освещать палубу, держать наготове пожарные насосы (на близком расстоянии они эффективнее личного оружия). И еще лучше, если это будут насосы, подающие на палубу не забортную воду, а машинный пар...

И все же, несмотря на все предупреждения и предосторожности, нападения пиратов продолжают. Пока писалась эта статья, поступили новые сообщения. Вот одно из них:

«Разные приключения выпадают на долю моряков за время длительных переходов по морям и океанам. Случай, который произошел с аргентинским сухогрузом «Мендоса» за время плавания из Гонконга в Сингапур, его команда запомнит надолго. Все началось с того, что на судне водоизмещением 15 тысяч тонн возник небольшой пожар, заставивший его лечь в дрейф в 30 милях от маяка Хорсбург на подходе к Сингапурскому проливу. Однако это было лишь началом новых приключений. Под покровом ночи судно взяли на абордаж «пираты XX века». Угрожая самыми настоящими саблями, «джентльмены удачи» ворвались в каюту капитана, привязали его к креслу и изъяли из судового сейфа 1600 долларов...»

Так обстоят дела. Как видим, эпоха черного пиратского флага еще не кончилась. И не кончится в ближайшее время. Ибо в существовании «джентльменов удачи» заинтересованы два полюса капиталистического мира — моряки из прибрежных селений, зарабатывающие на кусок хлеба (или рыбы), и владельцы подпольных синдикатов, видящие в пиратстве выгодный бизнес.

Царские марки на советской почте

Марк МИНСКИЙ

Сегодня только старожилы помнят, что в первые годы после революции советская почта продолжала пользоваться старыми марками. И даже с появлением первых советских знаков почтовой оплаты, прежние не только не изъяти из обращения, но и пополнили сохранившимися запасами. Ведь в условиях хозяйственной разрухи и гражданской войны надеяться на скорый выпуск советских марок было нереально. А марками, кроме писем, открыток, бандеролей, переводов и посылок, оплачивались в то время и многие другие почтовые услуги: упаковка и опечатывание сургучом, прием различных заявлений, доставка на дом корреспонденции, посланной наложенным платежом, и т. д. Марками пользовались и для ведения учета долгового сбора с адресатов неоплаченных писем, наклеивая и погашая их в особой книге № 9. Поэтому и пришлось временно пустить в обращение старые марки Российской империи. Их номиналы — от 1 коп. до 10 руб. — позволяли оплачивать самые разные почтовые услуги.

Перед нами (фото 1) иногороднее заказное письмо весом 75 граммов. Отправлено 15 декабря 1917 г. из Подгоринской волости Козловского уезда в Тамбовский окружной суд. Согласно еще действующим тарифам Временного правительства, письмо весом 15 граммов оплачивалось 15-копеечной маркой. На письмо марок на 95 коп.: стоимость пересылки (75 коп.) и сбор за заказ (20 коп.).

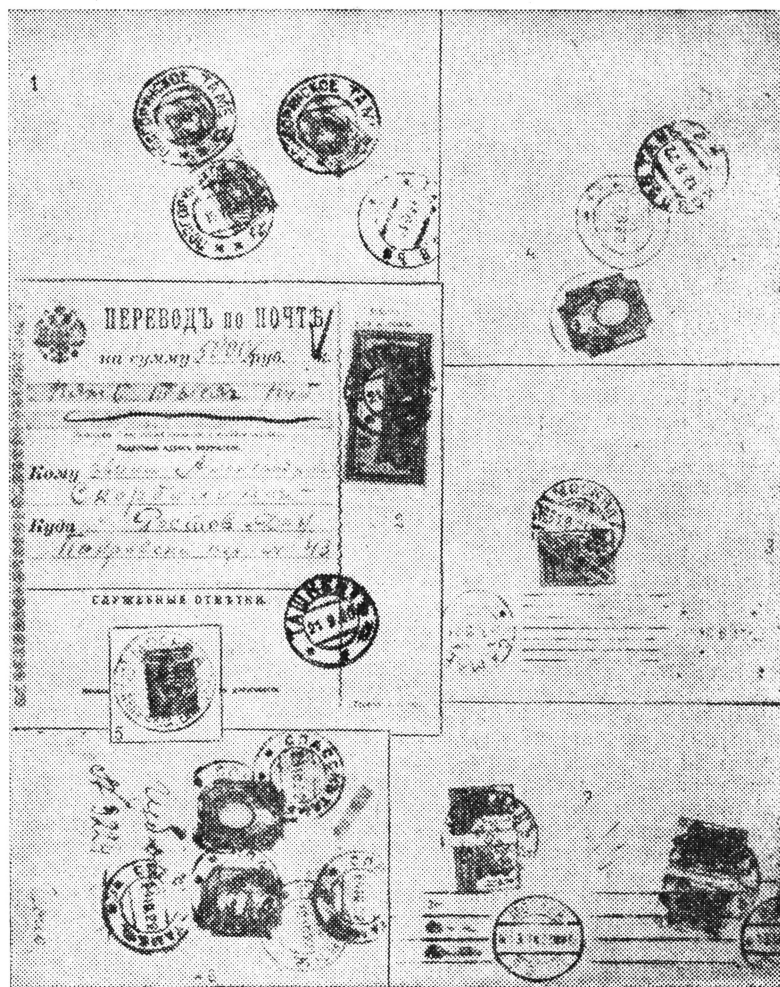
Однако уже к началу 1918 года марок все равно стало катастрофически не хватать. Тогда Народный Комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель) вынужден был воспользоваться значительными запасами старых непочтовых марок. Это были сберегательные и контрольные марки, которыми сберкассы оформляли накопления вкладчиков. На фото 2 — бланк почтового денежного перевода на 5 тыс. руб., отправленный 21 сентября 1920 года из Ташкента в Ростов-на-Дону. С 10 марта того же года каждые полные или неполные 100 руб. оплачивались двумя рублями. Поэтому на переводном бланке наклеена 100-рублевая контрольная марка.

Но марки, санкционированные Наркомпочтелем, имели хождение также и на огромной территории Туркестанской советской республики, Украины и Белоруссии. Их дефицит некоторые почтовые учреждения и стали покрывать использованием сберегательных и контрольных марок на письмах.

28 февраля 1918 года устанавливаются первые советские почтовые тарифы, под которые печатался и первый выпуск марок. Но изготовление их задержалось, а тарифы с

15 сентября изменились. И когда они поступили в обращение, почта уже нуждалась в марках других номиналов.

С 1 января 1919 года пересылка открытых и закрытых писем весом до 15 граммов стала бесплатной. Расход марок мелких номиналов сократился, а поступление на почту закрытых писем на треть увеличилось. Но с марта 1921 г. начался переход к новой экономической политике. Основой экономики становится хозрасчет. Для возобновления плат-

ной пересылки произведен второй советский выпуск марок. Но и эти марки опоздали, поступив в обращение только 10 августа. Через пять дней почтовые тарифы были увеличены, и жизнь марок оказалась до обидного короткой. А вот марки старой России на советской почте продолжали функционировать.

С первых лет революции в стране началось стремительное падение курса бумажных денег — инфляция. Наркомпочтель вынужден был постоянно пересматривать почтовые тарифы. Марки не успевали заготавливать, и отпечатанные их тиражи порой оставались без употребления. Экономя время, деньги и бумагу, на эти марки стали наносить надпечатки новых номиналов, но часто без указания измененной стоимости. Так поступали и с марками старой России, однако, благодаря переоценке, они оказывались жизнеспособной многих оригинальных марок.

С августа 1921 года все непочтовые марки независимо от номинала были переоценены из расчета 250 руб. за штуку — стоимость пересылки закрытого простого иногороднего письма. А в сентябре 1922 года сберегательные и контрольные марки изъяли из обращения, и они уже никогда на почте не появлялись (фото 3).

В апреле 1922 года постановлением Совнаркома РСФСР вводятся новые почтовые тарифы, по которым дореволюционные стандартные марки от 1 до 14 коп. и рублевые номиналы вновь переоцениваются в 10 тыс. раз (в марте 1920 года копеечные почтовые знаки уже были приравнены к рублевым). На фото 4 — почтовые знаки простого иногороднего письма, посланного из Козлова в Тамбов. Оно оплачено марками 1909—1917 годов в 1 руб. и 4 коп. — в переоценке 50 тыс. руб.

19 августа московский почтамт проводил День филателии. К этой дате на стандартных марках России достоинством в 1, 2, 3, 5 и 10 коп. была сделана надпечатка «Филателия — детям», обозначающая благотворительное назначение марок. Однокопеечные зубовые и беззубовые марки были надпечатаны в ничтожно малом количестве — всего 950 штук. Погашались марки специальным штампом с текстом: «Москва. День филателии» (фото 5). Они продавались на почте лишь 19 августа 1922 года. В этот день 1 коп. номинала соответствовала 50 тыс. руб., из которых 40 тыс. отчислялось детям, пострадавшим от голода, и в фонд борьбы с беспризорностью. Журнал «Советский филателист» сообщал: «В конце «Дня филателии» был устроен аукцион, и продано немного марок, в том числе и ставшие редкостью марки в 1 коп. За эти марки аукционные цены достигли до 18 миллионов руб. за штуку».

В октябре 1922 года в стране началось обновление денежной системы. Все прежние советские марки к началу месяца были изъяты. Но ожидаемый новый их выпуск запоздал и появился лишь в ноябре. На советской почте наступил удивительный октябрь 1922 года, когда в обращении находились только стандартные марки 1909—1917 годов выпуска.

Тогда же изменились внутренние почтовые тарифы и стали обозначаться в денежных знаках 1922 года, 1 рубль которых равнялся 10 тыс. всех прежних рублей. Марки от 1 до 14 коп. вновь стали обращаться как рублевые — по номиналу. Перед нами простое иногороднее письмо, отправленное 24 октября 1922 года из Спасска в Тамбов (фото 6). Оно оплачено двумя парами царских марок — в 4 коп. и 1 руб. Суммарный номинал — 10 руб., что соответствует тогдашнему тарифу.

В ноябре — декабре 1922 года и с начала 1923-го тарифы на почте трижды повышались. 5 декабря появились первые марки серии с надпечаткой пятиконечной звезды и нового номинала 20, 30 и 40 руб. на давно не курсирующих марках царского стандарта в 15, 20, 50 и 70 коп. С 1 января 1923 года почтовые тарифы уже обозначались в новых дензнаках. 1 рубль равнялся 100 рублям 1922 года. Но из-за того, что надпечатки готовили заранее, они оказались в прежних обозначениях стоимости — 100 и 200 руб.

Особенно интересны конверты со смешанной франкировкой — переоцененными марками прошлых лет и новыми, соответствующими курсирующим дензнакам. На фото 7 изображен конверт простого закрытого письма, посланного 12 сентября 1923 года из Рыбинска в Москву. Он франкирован двумя парами марок: с надпечаткой 100 руб., что составляет в дензнаках 1923 года 2 рубля, и пятирублевыми стандартами РСФСР выпуска 1923 года. Суммарная стоимость соответствует тарифу — 12 руб.

31 марта 1923 года стандартные марки старой России перестали функционировать, а 30 ноября — и все прежние марки РСФСР. Завершилась почтовая жизнь и марок с надпечаткой звезды. Постановлением Совнаркома с 1 октября 1923 года устанавливаются тарифы в твердой золотой валюте. А в октябре появляются первые марки золотого стандарта СССР. И только коллекционеры хранят конверты и переводные бланки тех лет, оплаченные почтовыми, сберегательными и контрольными марками Российской империи, — документы истории становления советской почты.

По ком звонит «Колокольчик»

Когдаходишь в этот двухэтажный особняк с его просторным, высоким вестибюлем, взгляд невольно задерживается на узорчатых плитах мраморного полированного пола, стальных панелях из ценных пород дерева, на обилии больших, в рост человека зеркал и прочих «остатках былой роскоши».

Да, это действительно остатки той роскоши, того великолепия, которые царили здесь совсем недавно. А назывался сей спецобъект «второй депутатской» красноярского аэропорта Емельяново. Второй потому, что была и есть еще одна депутатская «комната» в самом аэровокзале, и она состоит из ряда прекрасно оборудованных комнат, хотя рассчитана на кратковременное — в пределах получаса — пребывание народных избранников перед вылетом.

Вторая депутатская — в сотне метров от первой, в сосновом бору. Эта вилла предназначалась, разумеется, не для рядовых депутатов, а для элиты «власть имущих» и их высокопоставленных гостей из центра и других «инстанций». Здесь были устроены шикарные номера-люксы, банкетный и бильярдный залы, отличные холлы, бассейн, сауна и другие «специальные» помещения. У парадного подъезда резные двух- и трехметровые фигуры фольклорных персонажей. А позади «спецобъекта» — добротные, теплые гаражи для персональных авто хозяев и гостей.

Так было, повторяюсь, совсем недавно. Но вот — в соответствии с новым, перестроенным временем — прозвенел «последний звонок» и для этого особняка. Здесь разместился детский сад «Колокольчик», который раньше ютился в одной из квартир жилого дома.

Теперь хозяева спецвиллы — 120 детей авиаработников, живущих в поселке Красноярского аэропорта. Пять групп «Колокольчика», начиная с ясельной и кончая подготовительной, обосновались в прежних люксах; в бывшем банкетном салоне — теперь музыкальный зал. На лесной полянке, которая входила в обширную территорию особого объекта, появились открытые веранды-домики для прогулок детворы.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Без яда

Змеи не всегда используют свой яд при защите от врага. Главным образом он нужен им при добыче пищи. Поэтому при укусе человека они не всегда выделяют яд. Как определили ученые, около 20 процентов укушенных змеями дозы яда не получили.

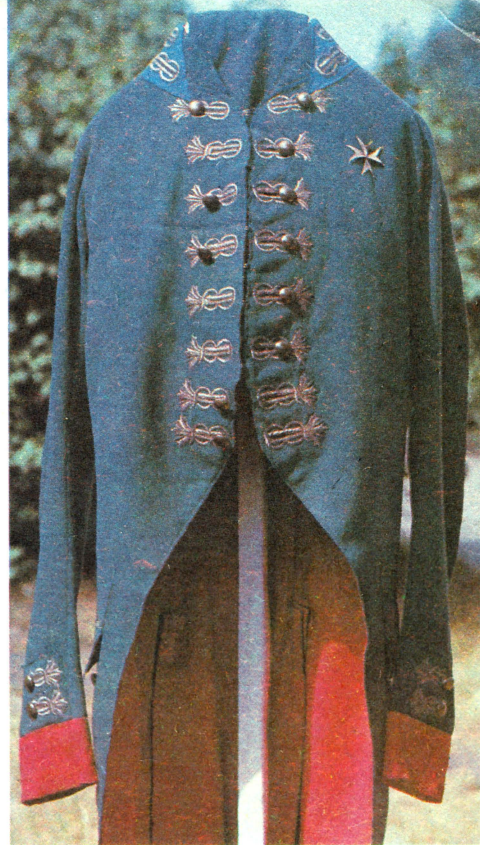
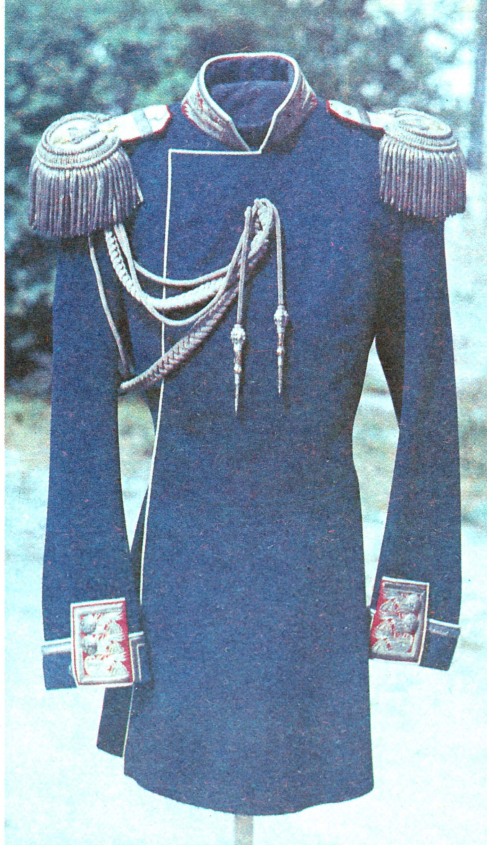
Е. ИВАНОВ

Мундир флигель-адъютанта Е. В.,
конец XIX века.

Мундир офицерский
лейб-гвардии Семеновского полка,
1796— 1801 гг.

«СИЯНЬЕ ШАПОК
ЭТИХ МЕДНЫХ...»

Не первый раз зашел я в здание Свердловского историко-краеведческого музея на выставку военного костюма XVIII — начала XX вв., сформированную из фондов Екатерининского дворца-музея города Пушкина. «Папа, смотри! Бронжилет!» — с восторгом вскрикнул школьник, увидев кирасу образца 1833 года. Эпизод не случайный. Нынче многие из нас путают кирасу с бронжилетом, а гусарскую ташку с сумкой почтальона. Вот и организаторы выставки не смогли определить тип кирасы и дать ее датировку.

К сожалению, такое невежество уже стало закономерностью. Наше воспитание и даже профессиональное образование были лишены уважительного отношения к деталям, конкретике прошлого, что является непременным условием становления подлинного гражданина и патриота.

В последние годы изучение военной истории сдвинулось с мертвой точки. Во многих городах возникли военно-исторические клубы, организуются униформированные походы по местам боев 1709 и 1812 годов, вышли первые книги и альбомы, посвященные отечественному мундироведению. Люди истосковались по подлинной, овеянной историей, которая своеобразно воплотилась в каждой петличке и пуговице старой солдатской униформы.

На выставке жители нашего города и области впервые увидели подлинные шапки-гренадерки лейб-гвардии Павловского полка, пожалованные за подвиг в сражении при Фридлянде в 1807 году. Это о них писал А. С. Пушкин: «Сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». А вот перед нами подлинный вицмундир (правда, без эполет и орденов), в котором император Александр I позировал художнику Д. Доу, создавшему галерею героев 1812 года. Долго не можешь оторваться от витрины с мундирным платьем Екатерины II, ментиком офицера Павлоградского гусарского полка (в форме этой части должна была биться с врагом Шурочка Азарова из «Гусарской баллады»). Представлены на выставке и «детские мундиры», которые шили во многих дворянских семьях. Наконец, мундиры конца XIX — начала XX века. Большинство из них принадлежало членам императорской фамилии: великой княгине Татьяне — дочери Николая II, наследнику Алексею, самому царю... Остается пожалеть, что свердловчане почти не увидели простых армейских мундиров, в которые была одета «черная косточка» армии, подлинный герой русской военной истории. Вероятно, такова специфика фондов уникального музея.

Посетители выставки сетуют также на отсутствие униформы тех частей, с которыми связана история нашего родного города. Действительно, в стране найдется мало городов, чья история столь тесно переплелась с военным мундиром. Вспомним, что начинался Екатеринбург с красных артиллерийских кафтанов В. Н. Татищева и Г. И. Генина, с сермяжной одежды солдат Тобольского гарнизонного полка, строивших крепость. По улицам города маршировали солдаты славного Екатеринбургского мушкетерского полка. Здесь, в центре Среднего Урала, долгие десятилетия стояли горные и линейные батальоны,

Ташка гусарская времен Александра III.

Лядунка офицерская гвардейская казачья, конец XIX в.

Шапка гренадера нижних чинов лейб-гвардии Павловского полка с изображением Российского герба.

Шейный знак, введенный Петром I для различия чинов в армии и гвардии. ШЕЙНЫЙ ЗНАК ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА.

Форма лейб-гвардии конного полка

Подсумки нижних чинов.

Начало на 3 стр. обложки

обитали многочисленные чиновники, блистал орденами «странный генерал» В. А. Глинка. Все революционные события также были связаны с мундиром — начиная от тужурки учащихся горного училища и кончая шинелями солдат резервных пехотных полков. А сколько мундиров сменилось на улицах города в советское время! Пора всерьез заняться благородным делом восстановления военной истории Урала, в том числе такой ее грани, как история мундира. Силы для этого есть: клуб любителей военной истории, историко-краеведческий музей, военно-историческое общество при Доме офицеров, общество уральских краеведов... Важно начать. Потомки будут нам благодарны.

Владимир ЗЕМЦОВ,
кандидат исторических наук

Фото Олега Капореико

Форма генералов и офицеров Генерального штаба.

